

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО
SOCIAL PSYCHOLOGY AND SOCIETY

Международное научное издание
2015 г. Том 6. № 2

Московский городской психолого-педагогический университет

Moscow State University of Psychology and Education

«СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО»

Международный научный журнал

Включен в Перечень ВАК. Включен в РИНЦ

Главный редактор

Михаил Кондратьев

Ответственный секретарь

Елена Виноградова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Е.М. Дубовская, Ю.М. Забродин, В.А. Ильин, В.Н. Куницына,
В.А. Лабунская, А.П. Оконешникова, Н.К. Радина, Т.Г. Стефаненко,
Н.Н. Толстых, О.Е. Хухлаев, Н.М. Швалева, Т.И. Шульга (Россия),
Е.И. Головаха (Украина), Л.А. Пергаменщик (Белоруссия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель

Александр Донцов

Заместитель председателя

Михаил Кондратьев

Заместитель председателя

Вера Лабунская

Члены редакционного совета

Ю.М. Забродин, В.Н. Куницына, Т.Г. Стефаненко, Т.И. Шульга (Россия),
Е.И. Головаха (Украина), В. Дуаз (Швейцария), Ф. Зимбардо (США),
И. Маркова (Великобритания), Л.А. Пергаменщик (Беларусь),
А.А. Файзуллаев (Узбекистан), К. Хелкама (Финляндия)

УЧРЕДИТЕЛЬ

Московский городской психолого-педагогический университет

Все права защищены. Перепечатка материалов журнала и использование иллюстраций
возможны только с письменного разрешения редакции.

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов публикаций.

Тираж 1000 экз.

СОДЕРЖАНИЕ

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ МИХАИЛА ЮРЬЕВИЧА КОНДРАТЬЕВА	5
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	
Современные зарубежные исследования креативности: социально-психологический аспект <i>Н.В. Мешкова</i>	8
Гендерный анализ причин развода в социально-психологических отечественных исследованиях <i>А.С. Колпакова</i>	22
К вопросу о религиозной идентичности: опыт культурно-исторического анализа с позиций психосоциальной теории развития <i>В.А. Ильин</i>	33
ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	
Половые и гендерные различия в представлениях о психологической безопасности <i>Н.Е. Харламенкова</i>	51
Когнитивно-стилевые детерминанты успешности профессиональной деятельности <i>А.С. Баканов, М.Е. Зеленова</i>	61
Уверенность в общении и самоотношение как факторы удовлетворенности личности отношениями с другими <i>В.А. Федотова, Е.Д. Комова</i>	76
Особенности интенциональности личности разностатусных подростков <i>Н.Н. Толстых, М.Д. Кондратьев</i>	90
Социальные представления подростков, склонных к риску <i>Т.П. Авдулова, Л.А. Мотылева</i>	105
ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРАКТИКА	
Возможности прикладной социальной психологии в оптимизации работы служб сопровождения (на примере взаимодействия с родителями детей, имеющих особенности развития) <i>Н.В. Лукьянченко</i>	117
МЕТОДИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ	
Адаптация и валидизация шкалы веры в паранормальное Дж. Тобасика <i>Д.С. Григорьев</i>	132
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ	
Рецензия на книгу Наташи Бахт «Принадлежность и изгнание: жизнь мусульманина в Канаде». 2008. Торонто: TSAR Publications. 147 стр. <i>А.Д. Вонг</i>	146
АРХИВ. ВОСПОМИНАНИЯ	
Психология и педагогика: несовпадение задач и пример плодотворного союза в советской образовательной практике <i>М.Ю. Кондратьев</i>	150
СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ АННЫ МИХАЙЛОВНЫ ПРИХОЖАН	160
Наши авторы	164

CONTENTS

IN MEMORY OF MIKHAIL YU. KONDRATYEV	5
THEORETICAL RESEARCH	
Modern Foreign Research in Creativity: The Social Psychological Aspect <i>N.V. Meshkova</i>	8
Gender Analysis of Reasons for Divorce in Russian Social Psychological Research <i>A.S. Kolpakova</i>	22
On the Question of Religious Identity: Cross-Cultural Analysis from the Perspective of Theory of Psychosocial Development <i>V.A. Ilyin</i>	33
EXPERIMENTAL RESEARCH	
Sex and Gender Differences in Representations of Psychological Safety <i>N.E. Kharlamenkova</i>	51
Cognitive Styles as Determinants of Success in Professional Activity <i>A.S. Bakanov, M.E. Zelenova</i>	61
Confidence in Communication and Self-Attitude as Factors of Satisfaction with Relationships <i>V.A. Fedotova, E.D. Komova</i>	76
Features of Intentionality in Adolescents of Different Statuses <i>N.N. Tolstykh, M.D. Kondratyev</i>	90
Social Representations in Risk-Taking Adolescents <i>T.P. Avdulova, L.A. Motyleva</i>	105
APPLIED RESEARCH AND PRACTICE	
Reaching Out to Parents of Children with Disabilities: Resources of Applied Social Psychology in Promoting Social Work <i>N.V. Lukyanchenko</i>	117
METHODOLOGICAL TOOLS	
Russian Adaptation and Validation of Tobacyk's Revised Paranormal Belief Scale <i>D.S. Grigoryev</i>	132
CRITIQUE AND BIBLIOGRAPHY	
Book review: Natasha Bakht (ed.) <i>Belonging and Banishment: Being Muslim in Canada</i> . Toronto: TSAR Publications, 2008. 147 pp <i>A.D. Wong</i>	146
ARCHIVE. RECOLLECTIONS	
Psychology and Pedagogy: Mismatching of Tasks and a Case of a <u>Fruitful Union</u> in Soviet Education Practice <i>M.Yu. Kondratyev</i>	150
IN MEMORY OF ANNA M. PRIKHOZHAN	160
Our authors	166

**СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ
МИХАИЛА ЮРЬЕВИЧА КОНДРАТЬЕВА
19 марта 1956 — 5 мая 2015**

5 мая 2015 года ушел из жизни Михаил Юрьевич Кондратьев, выдающийся ученый, член-корреспондент РАО, доктор психологических наук, профессор, лауреат премии Президента Российской Федерации в области образования, главный редактор журнала «Социальная психология и общество».

Михаил Юрьевич родился в 19 марта 1956 г. в Москве. Свою профессиональную карьеру он начал в 1977 г. в НИИ общей и педагогической психологии АПН СССР (ныне — Психологический институт РАО), где прошел путь от ла-

боранта до главного научного сотрудника. Наряду с научно-исследовательской работой в Психологическом институте РАО по совместительству работал ведущим научным сотрудником в Федеральном институте социологии образования (1993—1994 г.), заведующим кафедрой социальной психологии Университета РАО (1994—1997 г.), вел преподавательскую деятельность в Российской академии государственной службы при Президенте РФ.

Михаил Юрьевич являлся основателем факультета социальной психологии

Московского городского психолого-педагогического университета и был его деканом с 1998 г. по 2013 г.

При непосредственном участии Михаила Юрьевича в 2010 г. был создан журнал «Социальная психология и общество», главным редактором которого он работал со дня основания журнала и буквально до последних своих дней. Михаил Юрьевич отдавал много сил и времени этой работе, определяя направление развития журнала, лично сам составлял содержание каждого номера издания и редактировал все выпускаемые статьи. Именно благодаря огромному вкладу Михаила Юрьевича за сравнительно короткий срок журнал занял достойное место среди психологических изданий России.

В 1983 г. М.Ю. Кондратьев защитил кандидатскую диссертацию «Социально-ролевая детерминация межличностного восприятия в группах трудновоспитуемых подростков и юношей», а в 1994 г. — докторскую диссертацию «Психология межличностных отношений подростков в закрытых учебно-воспитательных учреждениях». В 1996 г. М.Ю. Кондратьев был избран членом-корреспондентом РАО по Отделению психологии и возрастной физиологии; в 1993—1995 гг. являлся ученым секретарем Экспертного совета ВАК РФ по направлению «Педагогика и психология», а в 1995—1997 и в 2007—2008 гг. — членом данного Экспертного совета ВАК РФ.

Основное направление научно-исследовательской деятельности М.Ю. Кондратьева — последовательное изучение психологических особенностей процессов интрагруппового структурирования в сообществах разного типа и профиля. Им создана социально-психологическая

модель групповой закрытости; разработана концепция зарождения, формирования и развития отношений авторитетности в группе; экспериментально зафиксирован и описан феномен «нисходящей слепоты», отражающий специфическую зависимость характера межличностного восприятия в группах от положения субъектов взаимодействия во внутригрупповой статусной иерархии; создана специальная исследовательская методика для определения круга авторитетных лиц; разработан ряд социально-психологических модификаций техники «репертуарных решеток» Дж. Келли.

М.Ю. Кондратьев — автор около 350 научных, научно-методических и научно-популярных публикаций, среди которых: «Слагаемые авторитета» (М., 1988); «Подросток в системе межличностных отношений закрытого воспитательного учреждения» (М., 1994); «Социальная психология закрытых образовательных учреждений» (СПб., 2005); «Социальная психология // Психологический лексикон: в 6 т. Т. 3» (М., 2005; автор и ответственный редактор); «Психология отношений межличностной значимости» (М., 2006; совместно с Ю.М. Кондратьевым); «Социальный психолог в общеобразовательном учреждении» (М., 2007; совместно с В.А. Ильиным); «Социальная психология в образовании» (М., 2008); «Антология социальной психологии возраста» (М., 2010; автор и ответственный редактор).

М.Ю. Кондратьев является автором глав и разделов учебников «Социальная психология» (М., 1987); «Введение в психологию» (М., 1997); «Социальная психология личности в вопросах и ответах» (Ростов н/Д, 2000); «Психология» (М., 2001—2005); «Социальная психология

развития» (М., 2014); а также ответственным редактором и автором 10-ти выпусков сборников научных трудов факультета социальной психологии МГППУ «Социально-психологические проблемы образования: вопросы теории и практики» (М., 2001–2010).

Под руководством М.Ю. Кондратьева подготовлено около 50 кандидатских и докторских диссертаций.

М.Ю. Кондратьев удостоен ряда правительственных наград: медали 850-летия г. Москвы (1997); премии Президента РФ в области образования (1998); звания «Почетный работник высшей школы» (2006); медали К.Д. Ушинского (2009).

Уход из жизни Михаила Юрьевича Кондратьева — тяжелейшая потеря для всех тех, кто и в профессиональном, и в личном плане общался, сотрудничал с этим ярким, неординарным человеком. Его ум, дальновидность, пронизательность, мудрость и независимость в суждениях, широкий кругозор всегда производили неизгладимое впечатление на окружающих людей. Михаил Юрьевич оставил глубокий след в наших сердцах. Светлая ему память.

Скорбим, помним, любим.

Члены редколлегии журнала

Современные зарубежные исследования креативности: социально-психологический аспект

Н.В. МЕШКОВА,

*кандидат психологических наук, доцент кафедры теоретических
основ социальной психологии Московского городского
психолого-педагогического университета*

В статье представлен обзор современных зарубежных исследований, изучающих социально-психологические аспекты креативности. Проанализированы результаты, полученные при изучении средовых (семья, культура, образовательная среда, организационная среда) и ситуационных факторов, способствующих проявлению креативного потенциала человека. Рассмотрены культуральные аспекты концептуализации креативности. Особое внимание уделено исследованиям, изучающим взаимодействие ситуации, индивидуальных различий и креативности. Продемонстрировано, что негативные ситуационные факторы (угроза, ограничение времени на выполнение задачи, страх смерти и состояние ностальгии) могут оказывать позитивное влияние на креативность. Освещены проблемы диагностики креативного потенциала, вопросы оценки и экспертизы креативного продукта.

Ключевые слова: *креативность, креативный потенциал, развитие креативности, организационная креативность, социальная психология креативности, экспертиза креативного продукта, диагностика креативности.*

На настоящий момент тематика креативности за рубежом остается одной из самых востребованных. Если в 1998—2008 гг. в библиографической базе EBSCO было обнаружено около 400 публикаций [15], то уже с 2010 по 2015 г. на платформе Web of Science присутствует более 500 научных статей, посвященных исследованию различных аспектов креативности в психологической науке. Особенно интенсивно проблематика креативности исследуется в Китае в связи с бурным развитием экономики. В реализации растущей потребности в инновациях большая роль отводится креативному потенциалу китайской молодежи: выпускники университетов активно привлекаются для

участия в научно-исследовательских проектах, осуществляемых в стране [38], а руководству высших учебных заведений поручено повышать креативность учащихся в них студентов [36]. Об успешности проводимой в области образования политики свидетельствует рейтинг британского издания Times Higher Education, согласно которому среди 22 государств с развивающейся экономикой, включая страны БРИКС, в 2014—2015 гг. первые два места занимают университеты Китая. В целом в сотню лучших входят 27 китайских и 20 тайваньских вузов [5]. Нельзя не отметить и тот факт, что в китайском обществе ключевым измерителем в оценке качества полученного образования становится кре-

ативность выпускников университетов [38]. Очевидно, что в данном случае речь идет о реализации в профессиональной деятельности креативного потенциала человека.

Наиболее полное, понимание того, что такое креативный потенциал, представлено в многокомпонентной модели Т. Лубарта, согласно которой внутренняя и внешняя мотивация, личностные черты (риск, толерантность к неопределенности, открытость опыту, настойчивость), интеллектуальные способности и дивергентное мышление, средовые факторы взаимодействуют и увеличивают потенциал креативности. Полагается, что каждый из компонентов должен иметь определенный уровень, ниже которого креативность невозможна, но недостаточное развитие одного из компонентов может компенсироваться высоким развитием другого [7].

Зарубежные исследователи полагают, что при наличии креативного потенциала человек обязательно его реализует, если создать для этого определенные условия [16; 7].

Цель настоящей статьи состоит в обзоре современных зарубежных психологических исследований, посвященных изучению ситуационных и средовых факторов, которые способствуют проявлению креативного потенциала. Результаты таких исследований рассматриваются с точки зрения их практического значения и перспективы дальнейших исследований.

Средовые факторы креативности

При рассмотрении средовых факторов креативности логично сначала обра-

титься к исследованиям, посвященным изучению среды, в которой росли креативные дети. Несмотря на интенсивное изучение тематики в прошлом веке и обилие полученной информации, современные авторы постоянно обращаются к изучению семейных практик воспитания, способствующих формированию и развитию креативного потенциала ребенка. Данное обстоятельство не является случайным, если брать во внимание гендерные и личностные особенности креативов, виды деятельности, которыми они занимаются, а также и сами виды креативности. Так, С.В. Бендер с коллегами изучала связь креативности студентов с их личностными характеристиками, самооценкой и особенностями семейного воспитания. Отметим, что креативность диагностировалась с помощью теста образного творческого мышления П. Торренса (субтест «Нарисуй картину») и личностно ориентированного теста креативного потенциала «Как ты думаешь» [10], в котором следует ответить на 100 вопросов о наличии у себя определенных характеристик, способностей, установок, поведенческих особенностей, связанных с креативностью. Согласно полученным результатам, только один параметр из имеющихся в батарее тестов коррелировал с образной креативностью: была выявлена значимая негативная корреляция на выборке мужчин с параметром, характеризующим активность в социальных развлечениях (спорт, игры, хобби) семьи, в которой они росли. В то же время, креативность, измеряемая с помощью самоотчета, у женщин коррелировала со стимулированием интеллектуального развития и поощрением мотива достижения в семье, а у мужчин — с поощрением незави-

симости в высказывании своего мнения и с независимостью положения матери в семье. В данном исследовании также были выявлены гендерные различия в характеристиках, измеряемых с помощью опросников NEO PI-R и MMPI-2 и значимо коррелировавших с самоотчетом креативности [4]. Если говорить о значении полученных результатов, то они косвенно подтверждают наше предположение о том, что возвращение креативной личности и развитие дивергентного мышления являются нетождественными, но взаимодополняемыми мероприятиями в семейной практике воспитания ребенка.

Еще на одном моменте, касающемся, если можно так выразиться, «семейных факторов креативности», целесообразно остановиться — на мероприятиях по информационной помощи семье в воспитании креативного ребенка. Так, созданный под эгидой Департамента образования США Национальный исследовательский центр по изучению одаренности [25] размещает на своем электронном ресурсе в свободном доступе монографии, брошюры и руководства [например, 27], в которых представлена информация по проблематике креативности. Материалы рассчитаны как на психологов-практиков, педагогов дошкольных и школьных образовательных учреждений, представителей властных структур, так и на родителей. Разумеется, в материалах для родителей в доступной форме сообщается о том, что такое креативность и какие условия необходимы для ее развития. При этом рекомендации носят самый общий характер и подходят для любого культурального контекста. Между тем, культура оказывает влияние на креативность, определяя ценность то-

го или иного вида креативности и концептуализируя понимание того, что есть креативность [26].

В соответствии с западной традицией креативность рассматривается с точки зрения прагматики [19] и понимается как некий продукт/идея/решение проблемы при взаимодействии с предметом или с другими людьми, обладающий определенными характеристиками: новый, оригинальный, полезный, социально значимый, эlegantный, эффективный [9], который может являться вызовом социальным нормам или находиться в пределах социального одобрения [8]. В рамках восточной традиции фокус внимания к креативности сосредоточен на личности, ее внутреннем росте, самореализации, а также эстетике и аутентичности [35]. Совершенно очевидно, что в западной и восточной культурах креативность будет оцениваться по-разному. В данном случае представляет интерес подход А.В. Кхаркхурина, предлагающего синтез обеих культурных традиций в четырех-компонентный концепт, характеристики которого оцениваются по следующим параметрам/условиям, взаимодействующим и взаимосвязанным:

— новизна — креативный продукт может быть новым, может модифицировать или отрицать существующую парадигму;

— полезность (в восприятии создателя, адресата, окружения/социума) или способность влиять на мировоззрение и моральные ценности;

— эстетичность — креативный продукт может отражать правду жизни, организовывать выразительные элементы в идеальный порядок, эффективным образом выражать суть феноменологичес-

кой реальности или напряжение и внутреннее противоречие;

– аутентичность – креативный продукт выражает сущность и самость творца, его ценности и видение мира [19].

Автор полагает, что его концепция позволяет оценить уровень и вид креативности в любой области искусства, науки и бизнеса. Иными словами, объединяя элементы, свойственные культурам Запада и Востока, он предлагает некую матрицу, которую можно использовать при экспертизе и одновременно избежать влияния культуральных различий. Между тем возникает вопрос о том, как оценивать аутентичность результатов группового творчества или, если можно так выразиться, «объединенной креативности»: глобализация способствовала появлению многонациональных научных коллективов, понятно, что у членов таких коллективов имеются различия в ценностях и видении мира. Представляется, что данный концепт полезен для оценки индивидуальных творений в различных сферах искусства, связанных с исполнительским мастерством, рисованием или сочинительством, особенно в тех случаях, когда необходима независимая экспертиза при выборе победителей в международных конкурсах.

Еще одним аспектом проблемы оценки креативного продукта является вопрос «Кого можно привлекать для экспертизы?». Так, Дж.Ц. Кауфман и Дж. Баер получили неоднозначные результаты при исследовании трех категорий испытуемых, отличающихся знаниями в области исследуемого креативного продукта: 1) эксперты с большим опытом, 2) «новички»-студенты, не имеющие опыта, 3) квази-эксперты – одаренные в данной области студенты,

учителя, выпускники вузов по данной специальности. Исследования показали, что оценки креативного продукта «новичков» и экспертов отличаются в зависимости от оцениваемых видов креативных продуктов: мнения расходятся в оценке креативности стихов и сходятся в оценке креативных историй, а оценки квази-экспертов идентичны оценкам экспертов. Авторы исследования пришли к выводу о том, что использовать «новичков» в качестве экспертов можно: а) для того, чтобы исследовать личность самих «новичков», б) при выяснении имплицитных оценок [18]. Иллюстрацией к данному выводу является исследование, проведенное И. Лебуда и М. Карвовски, показавших, что имплицитные оценки «анонимных» произведений значительно отличаются от оценок тех же произведений в условиях, когда фамилии и пол авторов известны. Связано это с тем, что фамилии и псевдонимы дают информацию о поле, национальности, интеллекте и уровне знаний авторов, что, в свою очередь, влияет на оценку их произведений [22].

Разумеется, экспертиза креативного продукта – не единственная область, где нужно учитывать влияние культуры, в которой вырос и живет человек. Если говорить о спектре таких областей, то это, во-первых, практическая работа – консультирование и тренинги развития креативности, а, во-вторых, – выбор диагностического инструментария для научно-исследовательской работы – во избежание неправомерных выводов, например, когда при исследовании связи креативного мышления и личностных особенностей используется только одна из батарей теста творческого мышления П. Торренса, а полученные результаты

распространяются автором исследования на все виды креативности. В подтверждение приведем исследование Т. Лубарта и его коллег, изучавших влияние культурального контекста на креативность у 6–11-летних французских и китайских школьников, живущих во Франции и живущих в Гонконге. Результаты показали следующие бикультуральные эффекты: у французских школьников, живущих в Гонконге, были более высокие показатели по вербальной креативности и более низкие по изобразительной креативности по сравнению с монокультуральными французами, живущими во Франции, в то время как у бикультуральных китайских школьников, наоборот, — более низкие показатели по вербальной и более высокие по невербальной креативности в сравнении с монокультурными китайцами [21]. Результаты убедительно демонстрируют необходимость использования в научно-исследовательской работе инструментария, позволяющего выявлять разные виды креативности, с тем, чтобы комплексно оценить исследуемые параметры и выявить характеризующие психологическую реальность закономерности.

Для освещения условий образовательной среды в высших учебных заведениях, оказывающих позитивное влияние на креативность, мы выбрали только одно исследование, что требует специального пояснения. Дело в том, что мы исходили из следующих соображений: во-первых, теоретической базой для данного исследования стала культурно-историческая теория В. Выготского, а во-вторых, опыт отечественных авторов по социально-психологической проблематике одаренности может быть полезен читателю в понимании важных,

на наш взгляд, результатов исследования, не попавших в фокус внимания его авторов.

Рассматриваемое далее исследование касается изучения влияния широты и разнообразия социальных контактов на проявление креативного потенциала студентов университета. Китайские авторы Дж. Гу, Ы. Жанг и Х. Лиу исследовали влияние такого параметра, как социальный капитал, на креативность магистров и аспирантов. В исследовании участвовали выпускники по направлениям биологии, химии и физики лидирующего университета Китая. Студентов просили ответить на вопросы об обширности связей со сверстниками, о собственных обязательствах по отношению к обучению в университете, о доверии к наставнику/научному руководителю, владении терминологией при общении с экспертами и профессионалами из организаций по изучаемой тематике, а также о наличии общих целей и видений по исследуемой тематике. Опросники дополнялись самоотчетом о креативности. Были получены результаты, подтверждающие, что на уровень креативности студентов влияют обширные связи со сверстниками и общение с наставниками, поскольку это способствует обсуждению и обмену идеями между участниками образовательного процесса. В то же время выпускники, которые имели низкий уровень контактов со сверстниками в процессе обучения, но контактировали с экспертами из сторонних организаций, имели более высокий уровень креативности по сравнению с теми, кто не смог взаимодействовать с экспертами, и даже с теми, кто был вовлечен в интенсивный контакт с другими студентами, но не контактировал с экспертами. Трудности, возникшие у ча-

сти обследуемых при установлении контакта с экспертами, авторы исследования объясняют культуральными различиями, проявляющимися в активизации сильной властной дистанции, характерной для Китайского общества. Относительно группы студентов, имеющих низкий уровень общения со сверстниками, но высокий — с экспертами, были даны рекомендации организаторам учебного процесса способствовать вовлечению студентов в интенсивное общение со сверстниками [13]. На наш взгляд, именно представители студенчества с низким уровнем общения со сверстниками и высоким — с экспертами заслуживают особое пристальное внимания. Дело в том, что Дж. Гу с коллегами обозначили имеющиеся ограничения в исследовании, связанные как с использованным инструментарием, так и выборкой испытуемых: гетерогенность по уникальности индивидуальных черт и уровню креативности. Несмотря на данное обстоятельство, представляется, что получение образования в области естественных наук в лидирующем университете предполагает наличие определенного уровня интеллекта, поэтому есть основания полагать, что выпускники с высоким уровнем креативности, по полученным результатам попавшие в группу «низкий социальный капитал сверстников + высокий социальный капитал экспертов», могут являться одаренными. В отечественной литературе описаны проблемы, их причины, а также особенности одаренных учащихся, заключающиеся в трудностях установления социальных контактов со сверстниками, личностных характеристиках, мешающих взаимодействию с окружающими [3], предпочтении общаться с референтными взрослыми для обсуждения

интересующих их тем [2]. Взаимодействие с экспертами помогло испытуемым проявить имеющийся у них креативный потенциал, поэтому рекомендацией организаторам учебного процесса здесь могло бы быть предложение привлечь большее количество экспертов и, возможно, с разными личностными качествами, такими, чтобы студенты могли найти с ними контакт. Что касается вовлечения в более широкое взаимодействие со сверстниками, то представляется, что в данном случае необходима социально-психологическая работа не только со студентами с низким социальным капиталом сверстников, но и с самими сверстниками, т.е. с группой, в которой они обучаются [1].

Следует отметить тот факт, что в Китае ведется целенаправленная образовательная политика, об эффективности которой свидетельствует представленность китайских вузов в различных рейтингах британского издания *Times Higher Education*. Оценка университетов по таким критериям, как международная студенческая и преподавательская мобильность, уровень научных исследований, количество международных стипендиальных программ, вклад вузов в инновации, цитируемость научных статей и уровень образовательных услуг [6], свидетельствует о том, что в китайском образовании интенсивно создаются условия для реализации имеющегося у нации креативного потенциала.

О том, какие условия следует создавать в организациях для реализации имеющегося креативного потенциала сотрудников, демонстрируют результаты прикладных исследований в рамках организационной психологии. Хотя бы кратко определим средовые параметры

организации, оказывающие позитивное воздействие на креативный потенциал. Например, в среде, характеризующейся справедливым распределением благ [11], в которой человек чувствует и знает, что его работа важна и ценна для организации [28] работники имеют больше шансов производить креативную продукцию. Совершенно очевидно, что создание данных условий зависит от личности формального лидера организации в целом и отдельных подразделений организации, в частности. В исследованиях показано, что эффективными и способствующими проявлению креативного потенциала сотрудников являются следующие характеристики руководителя и его поведения: поддержка в виде обратной связи [20], обсуждение проблемы с сотрудниками [32], справедливость и профессионализм (компетентность, надежность, ответственность) [11]; ориентированность на развитие и перемены в совокупности с ориентацией на позитивные взаимоотношения с подчиненным (уважение и забота) [28]. Важно, что в перечисленных исследованиях связь характеристик лидера и креативности сотрудников выявлялась не с помощью специальных исследований самих лидеров, а благодаря изучению мнения сотрудников о лидере, под чьим руководством они трудятся. Кроме того, Дж.Б. Ловеласе и С.Т. Хантер исследовали влияние, которое оказывает лидер определенного типа на креативный процесс, и пришли к выводу о том, что на стадии комбинирования концепций и генерации идей харизматический стиль лидерства является лучшим для руководства [23]. Полученный результат заслуживает особого внимания. Дело в том, что в дан-

ном исследовании выборка испытуемых состояла на 3/4 из девушек со средним возрастом 18,8 лет. Во-первых, в данных обстоятельствах возникает вопрос о гендерных различиях влияния стиля лидерства на креативность, а во-вторых, результаты открывают еще одну область для изучения: например, эффективный и предпочтительный тип руководителя в женских коллективах, занятых умственным трудом.

Если говорить о гендерных различиях в креативности, то некоторые зарубежные авторы полагают, что различия в потенциале между мужчинами и женщинами нет, но есть разница в его реализации, и одной из характеристик, оказывающих негативное воздействие на проявление креативности у женщин, может быть конформность по отношению к стереотипам. К подобному предположению пришел М.А. Рунко, анализируя результаты исследований, изучающих влияние манипуляции фокусом задачи на конвергентное мышление. Так, афроамериканцы показывали лучшие результаты в том случае, когда им говорилось, что проверяются математические способности, чем в условиях, когда им сообщалось, что проверяется интеллект. В то же время результаты женщин-азиаток были выше в условиях, когда им сообщалось о том, что тестируются математические способности азиатов, чем в условиях проверки математических способностей женщин. Влияние, оказываемое стереотипами при тестировании креативности, еще предстоит исследовать. Другими характеристиками для изучения в обозначенном контексте могут стать конформность по отношению к гендерным ролям, ожиданиям и традициям [31].

Ситуационные факторы креативности

В зарубежной литературе представлено большое количество исследований, освещающих негативное влияние ситуации на креативность. О значимости данного аспекта исследований можно судить по появлению специального термина «социальная психология креативности». Согласно его автору, американскому психологу Б.А. Хеннесей, креативность чувствительна к задаче и контексту и поэтому может изучаться как функция ситуации. Занимаясь исследованием воздействия «киллеров» внутренней мотивации, мешающих проявлению креативного потенциала школьников, он обнаружил, что влияние ситуационных факторов (оценка, соревнование и др.) не однозначно негативно. Так, между американской выборкой школьников и выборкой из Саудовской Аравии были выявлены различия в ситуации вознаграждения по невербальной креативности (составление коллажа). Результаты показали, что в ситуации вознаграждения у представителей обеих выборок снижалась внутренняя мотивация, но только в выборке арабских школьников креативность в задании составления коллажа в ситуации ожидания вознаграждения не изменилась по сравнению с ситуацией отсутствия ожидания вознаграждения [14]. Иными словами, Б.А. Хеннесей выявил культуральную специфику в воздействии ситуационных факторов на креативность, что следует учитывать при диагностике креативного потенциала ребенка.

В последнее время в фокусе внимания авторов, изучающих ситуативные влияния на креативность, находится взаимодейст-

вие нескольких факторов: индивидуальные различия, ситуация и среда. При исследовании таких взаимодействий обнаруживается, что обычно считающиеся негативными ситуационные факторы (угроза, ограничения времени, страх смерти и состояние ностальгии) могут оказывать позитивное влияние на креативность. Так, в ситуации угрозы организации (когда фирма занимает нестабильную позицию на рынке) участники исследования проявляют большую креативность, однако только в том случае, когда нормы организации являются коллективистскими [33]. В условиях ограничения времени более креативны полихронисты, выполняющие серию заданий, по сравнению с полихронистами, выполняющими одну задачу, и монокронисты, выполняющие одну задачу, а не серию [24]. В тайваньских фирмах исследовалось влияние инновационного климата организации на креативность ее работников в условиях высокого и низкого ограничения времени на выполнение задачи. Оказалось, что оптимальным для креативных результатов является сочетание высокого уровня инновационного климата и неограниченного времени на выполнение задачи. В то же время сочетание высокого уровня инновационного климата и ограничения времени на выполнение задачи обеспечивает довольно высокую креативность. Однако, если ограничения по времени продолжительны, то креативность имеет тенденцию снижаться [14].

С. Роутледге и Дж.Дж. Якоб в соответствии с условиями эксперимента осуществляли манипулирование страхом смерти. Процедура активации мыслей о смерти вызывала рост невербальной креативности у тех испытуемых, кто отличался низкой потребностью в структуре (предпочтение порядка, простота и

предсказуемость, восприятие мира в черно-белых тонах) [30], и снижала креативность только в том случае, когда при решении творческой задачи испытуемым предлагалось сфокусироваться на личностной задаче (цель — заработать деньги), а не на общественной (цель — сделать полезное для общества) [29].

В экспериментах китайских психологов С. Йе, Р.Й. Нган и А.Н. Хуи находившаяся в состоянии ностальгии экспериментальная группа показала большую креативность в необычном использовании предметов. Позитивное влияние на креативность оказало выполнение следующего задания: участников просили описать обстоятельства, при которых у них возникало состояние ностальгии, и опыт переживаемой ностальгии. Наиболее креативными были те из испытуемых, чей опыт активировался под воздействием негативного аффекта, касающегося социального взаимодействия в прошлом. Учет всего комплекса активаторов (ситуаций и количества слов в описании деталей состояния) позволил сделать вывод о том, что чем выше количество и разнообразие триггеров ностальгических состояний, тем выше показатель беглости в использовании предметов, по сравнению с контрольной группой, не находящейся в состоянии ностальгии. Опираясь на результаты, полученные в нейроисследованиях, авторы приходят к выводу о том, что в процессе переживания ностальгического опыта люди вспоминают и реконструируют содержание эпизодической памяти, что активирует определенные участки мозга, ответственные за креативные решения [37].

Вышеперечисленные результаты исследования взаимодействия ситуации, индивидуальных различий и креативно-

сти могут иметь практическое применение: при консультировании и проведении тренингов креативности следует учитывать, что негативные ситуационные факторы могут иметь позитивное влияние на креативность и имеющийся позитивный эффект следует использовать.

Еще один пласт исследований касается тех процедур, которые, на наш взгляд, могли бы помочь избежать негативного влияния ситуативного контекста на проявление креативности.

Коллектив авторов под руководством А.Е. Весноуски проверял, как влияет представление испытуемых о наличии/отсутствии связи между негативной (импульсивность) и положительной (креативность) характеристиками человека на эффективность вербальной креативности. Авторы манипулировали следующей информацией: подтверждением/отрицанием наличия у испытуемых импульсивности и подтверждением/отрицанием связи между импульсивностью и креативностью. Оказалось, что вербальная креативность была значительно выше при выполнении следующих условий эксперимента: 1) когда испытуемые получали подтверждение о наличии у них негативной черты «импульсивность» и читали текст о научном исследовании, доказывающем связь импульсивности и креативности и 2) когда испытуемые получали подтверждение об отсутствии у них негативной черты «импульсивность» и читали текст о научном исследовании, отрицающем связь импульсивности и креативности [34].

Е.М. Зитек и Л.Ц. Винцент пришли к выводу о том, что представление о собственной исключительности повышает потребность в уникальности, что, в свою

очередь, приводит к росту креативности. В серии экспериментов испытуемым было предложено написать несколько причин, почему они заслуживают/не заслуживают большего и лучшего по сравнению с другими. Результаты продемонстрировали высокие показатели креативности у тех, кто находился в условиях исключительности [39].

Ф. Гино и С. Вилтермут в серии экспериментов проверяли влияние, которое оказывает нечестное поведение человека на его креативность. Экспериментальной группе создавались такие условия, при которых испытуемые имели возможность совершать или не совершать некие нечестные действия при решении задач, в результате чего их вознаграждение могло возрасти. При этом действия участников контролировались экспериментаторами, о чем участники не знали. Контрольная группа решала предложенные задачи без каких-либо инструкций. После выполнения задач все участники выполняли тест креативности. Предположение авторов исследования о том, что нечестное поведение позволяет человеку почувствовать себя свободным от правил и норм, что приводит к росту креативности, подтвердилось [12].

Результаты вышеописанных экспериментов дают возможность выделить стратегии и действия, использование которых помогает проявить имеющийся у человека креативный потенциал. Такими стратегиями могут стать стратегии самоусиления, манипулирования связью между отрицательными и положительными характеристиками, активации нос-

ительского опыта и, наконец, как это ни странно, нечестное поведение.

Заключение

Проблема реализации креативного потенциала в реальные достижения не может решаться без учета социально-психологической составляющей креативности. Результаты зарубежных исследований взаимодействия ситуативных аспектов и личностных особенностей показывают, что даже диагностировать креативный потенциал зачастую не удастся без целенаправленного социально-психологического воздействия. Особенно важно это учитывать, когда речь идет о прогнозе преуспевания в профессиональной деятельности.

В 2010 г. Б.А. Хеннесей и Т.М. Амабиле констатировали: а) о знаниях, полученных в одной области изучения креативности, почти не известно исследователям других областей и б) проблема креативности требует системного подхода и междисциплинарных исследований [15]. Разумеется, здесь речь идет и о креативности в повседневной жизни, и о высоких достижениях, обеспечивающих конкурентоспособность организаций и стран.

Завершая обзор и учитывая географию имеющихся исследований, придется констатировать: количество работ, посвященных изучению креативности, прямо пропорционально реальной экономической успешности и конкурентоспособности государства, в котором эти исследования осуществлялись.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

1. Кондратьев М.Ю., Мешкова Н.В. Социально-психологические аспекты работы с одаренными учащимися: диагностико-исследовательский инструментарий, алгоритм интерпретации эмпирики и принципы коррекционной работы: учеб.-метод. пособие. М.: МГППУ, 2012. 100 с. / Kondrat'ev M.Yu., Meshkova N.V. Sotsial'no-psikhologicheskie aspekty raboty s odarennyimi uchashchimisya: diagnostiko-issledovatel'skii instrumentarii, algoritm interpretatsii empiriki i printsipy korrektsionnoi raboty. Uchebno-metodicheskoe posobie. Moscow: MGPPU, 2012. 100 p.
2. Мешкова Н.В., Кондратьев М.Ю. Системная работа в сфере образования с одаренными детьми и подростками: социально-психологическая составляющая // Социальная психология и общество. 2012. № 1. С. 5–25. / Meshkova N.V., Kondratyev M.Yu. Working with Gifted Children and Adolescents within the Educational System: A Social Psychological Component // Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo, 2012, no. 1, pp. 5–25.
3. Рабочая концепция одаренности. [Электронный ресурс]. 2003. URL: <http://psychlib.ru/mgppu/rko/rko-001-.htm> (дата обращения 13.10.2014) / Rabochaya kontseptsiya odarennosti, 2003. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://psychlib.ru/mgppu/rko/rko-001-.htm> (Accessed 13.10.2014).
4. Bender S.W., Nibbelink B.L., Towner-Thyrum E., Vredenburg D. Defining Characteristics of Creative Women // Creativity Research Journal. 2013. Vol. 25. № 1. P. 38–47. DOI: 10.1080/10400419.2013.752190/
5. BRICS & Emerging Economies Rankings 2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.timeshighereducation.co.uk/world-university-rankings/2015/brics-and-emerging-economies> (дата обращения 30.12.14).
6. BRICS & Emerging Economies Rankings methodology [Электронный ресурс]. URL: <http://www.timeshighereducation.co.uk/world-university-rankings/2015/brics-and-emerging-economies/methodology> (дата обращения 30.12.14).
7. Caroff X., Lubart T. Multidimensional Approach to Detecting Creative Potential in Managers // Creativity Research Journal. 2012. Vol. 24. № 1. P. 13–20. DOI: 10.1080/10400419.2012.652927/
8. Cropley A. Creativity: A Social Approach // Roeper Review. 2006 Spring. Vol. 28. Issue 3. P. 125–130.
9. Cropley D., Cropley A. Elements of a universal aesthetic of creativity. Psychology of Aesthetics // Creativity and the Arts. 2008. № 2, P. 155–161. DOI: 10.1037=1931-3896.2.3.155/
10. Davis G.A., Subkoviak M.J. Multidimensional analysis of a personality-based test of creative potential // Journal of Educational Measurement. 2005. Vol. 12. № 1. P. 37–43. DOI: 10.1111/j.1745-3984.1975.tb01007.x.
11. George J.M., Zhou J. Dual tuning in a supportive context: joint contributions of positive mood, negative mood and supervisory behaviors to employee creativity. Academy of Management Journal. 2007. Vol. 50. №. 3. P. 605–622.
12. Gino F., Wiltermuth S. Evil genius? How dishonesty can lead to greater creativity // Psychological Science. 2014. Vol. 25. № 4. P. 973–981.

13. Gu J., Zhang Y., Liu H. Importance of social capital to student creativity within higher education in China // *Thinking Skills and Creativity*, 2014. № 12. P. 14–25.
14. Hennessey B.A. The social psychology of creativity // *Scand. J. Educ. Res.* 2003. № 47. P. 253–71.
15. Hennessey B.A., Amabile T. M. Creativity. *Annu. Rev. Psychol.* 2010. № 61. P. 569–98.
16. Hester K.S., Robledo I.C., Barrett J.D., et al. Causal Analysis to Enhance Creative Problem-Solving: Performance and Effects on Mental Models // *Creativity Research Journal*. 2012. Vol. 24. № 2–3. P. 115–133. DOI: 10.1080/10400419.2012.677249.
17. Hsu M.L.A., Fan H.-L. Organizational Innovation Climate and Creative Outcomes: Exploring the Moderating Effect of Time Pressure // *Creativity Research Journal*. 2010. Vol. 22(4). P. 378–386.
18. Kaufman J.C., Baer J. Beyond New and Appropriate: Who Decides What Is Creative? // *Creativity Research Journal*. 2012. Vol. 24. № 1. P. 83–91. DOI: 10.1080/10400419.2012.649237.
19. Kharkhurin A.V. Creativity. 4in1: Four-Criterion Construct of Creativity // *Creativity Research Journal*. 2014. Vol. 26 (3). P. 338–352. DOI: 10.1080/10400419.2014.929424.
20. Kim T., Hon A., Lee D. Proactive Personality and Employee Creativity: The Effects of Job Creativity Requirement and Supervisor Support for Creativity // *Creativity Research Journal*. 2010. Vol. 22(1). P. 37–45.
21. Lau S., Cheung P.C., Lubart T., et al. Bicultural Effects on the Creative Potential of Chinese and French Children // *Creativity Research Journal*. 2013. Vol. 25. № 1. P. 109–118. DOI: 10.1080/10400419.2013.752281/
22. Lebuda I., Karwowski M. Tell Me Your Name and I'll Tell You How Creative Your Work Is: Author's Name and Gender as Factors Influencing Assessment of Products' Creativity in Four Different Domains // *Creativity Research Journal*. 2013. Vol. 25. № 1. P. 137–142. DOI: 10.1080/10400419.2013.752297.
23. Lovelace J.B., Hunter S.T. Charismatic, Ideological, and Pragmatic Leaders' Influence on Subordinate Creative Performance Across the Creative Process // *Creativity Research Journal*. 2013. Vol. 25. № 1. P. 59–74. DOI:10.1080/10400419.2013.752228.
24. Madjar N., Oldham G.R. Task rotation and polychronicity: effects on individuals' creativity // *Hum. Perform.* 2006. Vol. 19. № 1. P. 17–31.
25. National research center on the gifted and talented [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gifted.uconn.edu/nrcgt/nrconlin.html#03182> (дата обращения 11.12.2014)
26. Paletz, Peng, Li In the World or in the Head: External and Internal Implicit Theories of Creativity // *Creativity Research Journal*. 2011. Vol. 23(2). P. 83–98.
27. Plucker J.A. What Educators and Parents Need to Know About Fostering Creativity [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gifted.uconn.edu/nrcgt/reports/Trifolds/A9507P.pdf> (дата обращения 11.12.2014).
28. Rasulzada F., Dackert I. Organizational Creativity and Innovation in Relation to Psychological Well-Being and Organizational Factors // *Creativity Research Journal*. 2009. Vol. 21(2–3). P. 191–198.

29. *Routledge C., Arndt J., Vess M., Sheldon K.* The life and death of creativity: The effects of self versus other-oriented behavior on creative expression after mortality salience // *Motivation and Emotion*. 2008. Vol. 32. P. 331–338.
30. *Routledge C., Jacob Juhl J.* The creative spark of death: The effects of mortality salience and personal need for structure on creativity // *Motivation and Emotion*. 2012. Vol. 36. P. 478–482. DOI 10.1007/s11031-011-9274-1.
31. *Runco M.A., Cramond B., Pagnani A.R.* Gender and creativity / J.C. Chrisler, D.R. McCreary (eds.) // *Handbook of Gender Research in Psychology* // Springer Science+ Business Media, 2010. P. 343–358. DOI 10.1007/978-1-4419-1465-1_17.
32. *Streicher B., Jonas E., Maier G.W. et al.* Procedural Fairness and Creativity: Does Voice Maintain People's Creative Vein Over Time? // *Creativity Research Journal*. 2012. Vol. 24. № 4. P. 358–363. DOI: 10.1080/10400419.2012.730334.
33. *Walton A.P., Kimmelmeier M.* Creativity in Its Social Context: The Interplay of Organizational Norms, Situational Threat, and Gender // *Creativity Research Journal*. 2012. Vol. 24. № 2–3. P. 208–219. DOI:10.1080/10400419.2012.677345.
34. *Wesnousky A.E. et al.* Holding a silver lining theory: When negative attributes heighten performance // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2015. № 57. P. 15–22.
35. *Westwood R., Low D.R.* The multicultural muse: Culture, creativity and innovation // *International Journal of Cross Cultural Management*. 2003. № 3. P. 235–259. DOI: 10.1177=14705958030032006.
36. *Wu J.J., Albanese D.* Asian creativity, chapter one: Creativity across three Chinese societies // *Thinking Skills and Creativity*. 2010. № 5. P. 150–154.
37. *Ye S., Ngan R.Y.L., Hui A.N.N.* The State, Not the Trait, of Nostalgia Increases Creativity // *Creativity Research Journal*. 2013. Vol. 25(3). P. 317–323. DOI: 10.1080/10400419.2013.813797.
38. *Zhou G.* The quality investigation of the PhD candidate education in China. Beijing: Social Sciences Academic Press. 2010.
39. *Zitek E.M., Vincent L.C.* Deserve and diverge: Feeling entitled makes people more creative // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2015. № 56. P. 242–248.

Modern Foreign Research in Creativity: The Social Psychological Aspect

N.V. MESHKOVA,

PhD in psychology, associate professor at the Chair of Theoretical Foundations of Social Psychology, Moscow State University of Psychology and Education

The paper provides a review of modern foreign studies on social psychological aspects of creativity. It focuses on the explorations of environmental (e.g. family, culture, education and workplace environments) and situational factors that help unleash creative potential of an individual and discusses cultural aspects of concepts of creativity. Special attention is paid to the studies that explore the relationship between situations, individual differences and creativity. As it is revealed, negative situational factors (such as threats, time limits, fear of death and nostalgia) may actually have a positive impact on creativity. Also, the paper highlights the difficulties concerning the assessment of creative potential as well as of creative outcome.

Keywords: *creativity, creative potential, development of creativity, organized creativity, social psychology of creativity, evaluation of creative product, creativity assessment.*

Гендерный анализ причин развода в социально-психологических отечественных исследованиях

А. С. КОЛПАКОВА,

аспирантка кафедры психологии человека Государственного педагогического университета имени А.И. Герцена

В статье рассматриваются причины разводов в русле гендерного подхода на основании анализа результатов отечественных социологических и психологических исследований причин развода за последние 10 лет. Регуляция супружеских отношений гендерными представлениями, стереотипами и установками кажется очевидной. Несмотря на это процесс развода редко исследуется с позиций гендерного подхода. Проведенный анализ обнаруживает предпосылки разводов, лежащие в сфере особенностей гендерных отношений, характеризующих современное российское общество.

Ключевые слова: развод, алкоголизм, гендерный анализ супружеских отношений, предикторы развода, трансформация семейных отношений.

Актуальность исследования такого явления, как развод, представляется очевидной в условиях современных трансформаций института семьи. Явление развода исследуется учеными продолжительное время, благодаря чему накоплено большое количество эмпирических знаний. Общая картина социальных трансформаций, безусловно, затрагивает и сферу причин, по которым в наши дни супруги принимают решение о невозможности сохранить брак. В связи с этим представляется важным оценить новые тенденции «разводимости» в исследованиях причин разводов, а также отразить влияние процессов, характерных для института семьи, на специфику причин развода в современных российских семьях.

Перспективным представляется анализ причин развода с позиций гендерного подхода в поле социально-пси-

хологического знания, что раскрывает влияние общественных, групповых и личностных факторов во взаимосвязи с наличными гендерным составляющими (представлениями, стереотипами, установками, идентичностью). Гендерный подход трактует различия между мужчинами и женщинами в терминах социальной сконструированности, а не биологической предопределенности, что дает возможность проецировать общесоциальные трансформации на трансформацию супружеских ожиданий, ролей, обязанностей, отношений и с учетом указанных процессов трактовать современные данные о причинах разводов.

В данной статье материалом для анализа являются результаты научных социологических и психологических исследований причин развода, опубликованные за последнее десятилетие в наиболее авторитетных журналах, включен-

ных в список ВАК¹. Поскольку социология и психология являются родительскими дисциплинами социальной психологии, представляется целесообразным анализ результатов отдельно социологических и психологических исследований по указанной тематике с последующим их обобщением.

Социологические исследования причин развода

Причины развода как отражение текущих глобальных общественных процессов исследуются социологами методами социологических опросов, анализа статистических данных. Несколько региональных исследований дают довольно общую картину воспринимаемых и декларируемых причин развода. Приведем краткие выдержки результатов исследований по стране в целом, а также в отдельных регионах.

Картину наиболее общих причин дает анализ общественного мнения, проведенный ВЦИОМ [16]. Данные (1600 респондентов в 46 регионах РФ, репрезентирующие взрослое население России) показывают, что на 2007 год наиболее распространенной причиной разводов россияне считали алкоголизм и наркоманию, следующие по встречаемости — трудности с жильем и невозможность прокормить семью. Также за последние десятилетия изменения экономической и правовой ситуации привели к появлению новых сдерживающих развод факторов — раздел имущества, вопрос о месте проживания детей и порядке общения

с отдельно проживающим родителем [2; 10]. Фиктивный развод с целью получения финансовой выгоды стал более приемлем в общественном сознании [4; 16]. Подобная тенденция указывает на повышение требований экономического благополучия, снижение влияния близких родственников в попытках удержать от развода, индивидуализации такого решения [10].

Исследование, проведенное в Москве (выборка 1080 разводящихся женщин с детьми), показывает, что здесь в качестве причины развода указывается на первом месте несходство характеров, на втором — пьянство, на третьем — измена и другая семья, а далее следует указание материальных причин. Рукоприкладство в качестве причины развода не так часто встречается в Москве [19]. Здесь, однако, надо отметить, что формальная формулировка «несходство характеров», предлагаемая к указанию в большинстве ЗАГСов и судов, может включать в себя широкий спектр самых разнообразных причин (в том числе алкоголизм, измены, насилие). Также учитывая состав выборки (только женщины), сложно интегрировать результаты в общую картину данных.

Еще одно исследование проводилось в Республике Саха (Якутия) (выборка 97 человек — фокусное интервью, 468 человек — опрос) [1]. Основной причиной разводов жители республики считают алкоголизм. Причины конфликтов, ведущих к разводу, дифференцированы по полу в оценках респондентов: женщины видят причину в неуважительном отношении мужчин к женам, мужчины же

¹ Исключение составляют две статьи: *Никulina Д.С., Лебедь А.А.* Отношение к разводу молодых супругов с разным уровнем конфликтности [14]; *Польнская Е.В.* Влияние толерантности на разрешение конфликтов в семьях [18].

считают, что последнее слово должно оставаться за мужчиной, и жена должна это понимать, уметь сглаживать конфликтные ситуации. При этом, чем моложе респонденты, тем скептичнее их отношение к сохранению брака любой ценой, выше нацеленность на содержательную сторону брака, а не на формальное его наличие. Развод как показатель эмансипации женщин, изменение ценностей — также характерная составляющая представлений о разводе среди людей моложе 40 лет [1].

По результатам исследования, проведенного в Томской области (выборка 150 человек — анкетирование, 2013 человек — интернет-опрос), наиболее часто указываемыми причинами развода являются алкоголизм, неверность, физическое насилие (в порядке убывания) [2]. Анализ гендерных различий в восприятии наиболее вероятных причин развода показывает следующее: у мужчин выявлены высокие требования к верности жены, а также ее сексуальной доступности для мужа, у женщин — высокие требования к физической и экономической защищенности в браке, причем для женщин поводом для развода является и физическое насилие мужа в отношении детей. Таким образом, лидирующая причина развода — алкоголизм — одинаково значима как для мужчин, так и для женщин, физическое же насилие со стороны мужа является приоритетной причиной развода для женщин, а измены жены — приоритетной причиной развода для мужчин [2].

Исследование причин развода в республике Бурятия (700 респондентов по квотной многоступенчатой выборке) по-

казало, что алкоголизм и измены — также воспринимаются как наиболее вероятная причина развода. На первом месте находится вариант «отклоняющееся поведение» (алкоголизм, наркомания) (52,86%), на втором — супружеская неверность (46%), на третьем — насилие в семье (43,7%) [9].

Можно сделать вывод, что развод, как и брак, в современном мире регулируется в большей мере индивидуальными параметрами, нежели общественными нормами; наиболее частыми причинами развода являются алкоголизм и агрессивное поведение мужа, а также измена. Распределение этих причин в зависимости от пола является отражением сложной картины гендерной стратификации российского общества: отклоняющееся поведение (алкоголизм, агрессивность, насилие) независимо от того, демонстрирует его муж или жена, с одинаковой вероятностью становится причиной развода, однако, в связи с преобладанием данных черт у мужской части населения, чаще это алкоголизм, агрессивность и насилие со стороны именно мужа.

Еще два исследования — это исследование развода в пожилом возрасте и ретро-анализ семейных взаимоотношений. Качественное исследование развода в третьем возрасте² (17 человек) показывает, что алкоголизм и у супругов со стажем является наиболее частой причиной развода, причем зачастую отклоняющееся поведение супруга терпится до момента, когда вырастут дети. Остальные причины имеют ярко выраженную гендерную составляющую: тяжелые болезни жены чаще заканчиваются разводом,

² Термин «третий возраст», как лишенный дискриминирующей окраски, в общественных науках заменяет термины «пожилой возраст», «старость», вступление в третий возраст чаще всего подразумевает достижение пенсионного возраста.

как и попытки жен делегировать часть домашней нагрузки мужу при равных пенсионных доходах [4].

Исследование В.В. Солодникова и И.В. Солодниковой посвященное ретроспективному анализу семейных взаимоотношений показывает, что развод, отсутствие в ряде поколений мужской фигуры во многих семьях — это обыденные для нашей страны явления. Причины разводов в позднесоветский период — неготовность к браку, быстро распавшийся брак, заключенный из соображений «как у всех», либо брак для легализации сексуальных отношений в условиях достаточно строгой советской морали. При этом в исследовании продемонстрировано повсеместное терпимое отношение в семьях к физическим наказаниям в семье и алкоголизму отца [20].

Экскурс в историю как частичное объяснение текущей картины разводов дополняет статья О.Л. Петряковой [17]. В ее исследовании, составленном по результатам социологических и психологических работ, указывается на возрастание в течение последних десятилетий возможностей каждого человека управлять своей индивидуальной судьбой (планирование срока появления детей, свобода выбора супруга и форм семейной жизни и пр.). Одним из следствий роста этих возможностей является и «разводимость». Алкоголизм мужей среди причин разводов автор также ставит на первое место. Инициатива женщин в оформлении официального расторжения брака также преобладает. Подчеркивается выросшая значимость экономических факторов при расторжении или сохранении брака [17].

В условиях современной гуманизации общества влияние указанных тенденций прошлых лет (снисходительное

отношение к девиантному поведению мужа и отца в семье), являя себя в особенностях ожиданий и поведения взрослых, может сказываться также и в уровне разводов. Трансформация ценностей и супружеских отношений, лояльное отношение к разводу приводят к тому, что конфликтные, дисгармоничные супружеские отношения все чаще официально расторгаются, при этом обозначая проблемные зоны в сфере общих тенденций изменения семейных отношений. В силу индивидуализации, закрытости семейной жизни от постороннего нормативного влияния ослабевают влияние родственников, даже наличие детей все меньше «скрепляет» брак [6; 7]. При этом на место общественной составляющей заступает экономическая и правовая — сдерживающим фактором становится невозможность «поделить» имущество, либо решить вопрос о порядке воспитания детей после развода, а также экономическая зависимость одного супруга.

Ряд исследователей отмечают, что женская эмансипация не в последнюю очередь обеспечивает высокий уровень разводов, не напрямую, а лишь поддерживая возможность прекращать неудовлетворительные отношения и содержать себя (а возможно и детей) после развода [1; 2]. Другие исследователи указывают на рост популярности в молодежной среде традиционного распределения семейных ролей [21; 22]. Подчеркивается, что данная тенденция наиболее характерна для молодых мужчин с высоким уровнем дохода, что может быть связано с «материализацией» ценностной сферы, характерной для некоторых групп населения. В связи с повышением стандартов родительства и дороговизной качественных услуг нянь и гувернеров супруги могут

отдавать предпочтение традиционному разделению труда в условиях высокого дохода мужа — женщина занимается вопросами быта, здоровья, сопровождает образовательный процесс ребенка, оставаясь на содержании супруга. Ранее подчеркивалась роль высоких требований женщин к экономической и физической защищенности в браке. Однако обратной стороной стереотипных требований к мужской роли в семье является ряд негативных особенностей, характеризующих мужское население России. Это и низкая вовлеченность в воспитание детей, слабая эмоциональная и деятельностная вовлеченность в семейные взаимодействия. Как показывают исследования, развод зачастую обусловлен как алкоголизацией мужа, грубостью, агрессией, так и неумением брать на себя заботы о болеющей супруге. Тяжелая болезнь ребенка также является предиктором развода — повсеместно матери остаются с ребенком-инвалидом ввиду общей низкой готовности мужской части населения к осознанному отцовству [23].

Хотя гендерная составляющая легко обнаружима в тематике причин развода, авторы за редким исключением [21; 22] не используют гендерный подход в качестве теоретических оснований исследований. Несимметричность участия отцов и матерей в воспитании детей констатируется, но не выделяется в качестве одной из основных причин развода [15; 25]. Так называемые «мужские исследования» делают акцент в большей мере на составляющей постразводного родительства. Это оставляет широкие возможности для дальнейших исследований явления развода с учетом влияния социально-конструируемых закономерностей отношений между полами.

Психологические исследования причин развода

Психологические исследования причин развода немногочисленны — в основном это исследования так называемых предикторов развода, факторов, способствующих дестабилизации молодой семьи. Следует подчеркнуть факт отсутствия лонгитюдных исследований, что создает ряд ограничений в трактовке результатов исследований причин развода.

В исследованиях В.П. Левкович наиболее полно раскрыт такой фактор, как добрачная беременность. Сравнивались семьи, где беременность наступала в зарегистрированном браке и до заключения брака. Дестабилизирующее влияние добрачная беременность оказывает в основном на пары, изначально имеющие низкий потенциал сохранения устойчивых отношений — партнеры мало знакомы, плохо знают друг друга, степень ролевой согласованности низкая, что закономерно ведет к конфликтам и дестабилизации брака вплоть до развода [11; 12]. Ограничением данных исследований является ретроспективность оценок респондентов, так как в ситуации высококонфликтного брака видение причин начала совместной жизни может подвергаться переоценке.

В другом исследовании В.П. Левкович, раскрывая влияние родительской семьи на взаимоотношения молодых супругов, частично опровергает распространенное мнение о «наследовании» развода родителей. Результаты проведенного ею исследования показывают, что, в случае если взрослый в своей семье не воспроизводит конфликтный, неустойчивый стиль взаимодействия родительской семьи, (либо повторяет благополучные образцы поведения родителей),

его собственный брак остается стабильным [13].

Исследование отсроченных последствий родительского развода, проведенное другими авторами, подтверждает выводы исследования В.П. Левкович об отсутствии закономерной тенденции наследования развода родителей. Отношение к будущему у таких людей менее дифференцировано, более реалистично и сдержано [3]; женщины, выросшие в таких семьях, отличаются менее традиционным взглядом на распределение семейных ролей.

Низкая согласованность брачно-семейных установок как вероятный источник дестабилизации супружеских отношений изучался Т.В. Карташовой (выборка 400 человек, жители Санкт-Петербурга). Было выявлено, что супруги ожидают друг от друга взаимоисключающих качеств; в ожиданиях супругов часто отсутствует ролевая согласованность, что создает потенциальные условия для недовольства друг другом, дестабилизации отношений [8]. Для женщин характерно восприятие партнера как более эгоистичного. В целом выявлены завышенные требования мужчин и женщин к проявлению супругом лидерских качеств. Данные результаты показывают, что напряжение и несогласованность установок могут характеризовать любой современный супружеский союз, многое зависит от умения разрешать конфликты, актуализирующиеся данными противоречиями. В некоторой степени альтруистичность как составляющая традиционно женского начала в сочетании с более напористыми и конкурирующими стандартами мужского поведения будет проявляться в компромиссном поведении, уступках жены, что влечет указанное видение женщинами своих партнеров как более эгоистичных.

Аспект конфликтного взаимодействия как предшественника разводов, изучался в работе Е.В. Польшкой. Основное внимание в этом исследовании было уделено изучению влияния толерантности на стиль поведения в конфликтной ситуации. Выявлено, что в подгруппе с низким уровнем толерантности преобладают такие стратегии, как соперничество и избегание, люди с высоким уровнем толерантности выбирают компромиссные решения и сотрудничество [18]. Также характер отношения к разводу в зависимости от уровня конфликтности освещается в исследовании Д.С. Никулиной, А.А. Лебедь. Выявлено, что для людей, относящихся к разводу негативно, характерна высокая конфликтность, нейтрально же относящиеся к разводу респонденты имеют низкие показатели уровня конфликтности и воспринимают мысли о разводе как естественную составляющую крепкого брака [14]. Можно заключить, что люди с низким уровнем толерантности будут своим поведением способствовать эскалации семейных конфликтов, не только открыто соперничая с другим супругом, но и путем избегания ответственности за решение внутрисемейных проблем (алкоголизация, «погруженность» в работу, заботы о детях и пр.). С позиций гендерного подхода соперничество и избегание можно соответственно отнести к типично маскулинным и типично фемининным характеристикам. Из этого следует, что наименее деструктивными будут конфликты в супружеских парах, придерживающихся сотрудничающих стилей, с высоким уровнем толерантности, что, на наш взгляд, можно отнести к особенностям эгалитарной модели супружества. Высокая же конфликтность сама по себе не столько обуславливает развод, сколько усложняет процесс его протека-

ния, а также ограничивает восприятие общей картины семейных перспектив.

Разводы в семьях с детьми-инвалидами, по данным психологического исследования, могут происходить по причине чрезмерного внимания матери к ребенку, исключения отца из повседневного ухода за ребенком; алкоголизация отца в таких семьях весьма распространенное явление [24]. Здесь мы видим дополнение к социологическим данным — не только стандарты доминантной мужественности определяют меру исключения отцов из взаимодействия с детьми, но и выраженное проявление традиционно женских характеристик.

Смена требований к супружеским отношениям, переход от значимости внешнего статуса «состоящего в браке» к внутреннему содержанию отношений также серьезно влияют на составляющую причин разводов [5]. Это проявляется в снижении толерантности к неудовлетворительным отношениям, поведенческим отклонениям супруга, несовпадению супружеских ожиданий.

Согласно психологическим исследованиям, изначально нежизнеспособные браки, заключенные необдуманно и по причинам, не подразумевающим совместимость и уживчивость супругов, всегда с большей вероятностью заканчиваются разводом. На сегодняшний день формальные характеристики супругов, способные влиять на вероятность развода (например, воспитание в неполной семье), уступают место более индивидуализированным параметрам. Несогласованность брачно-семейных установок, выраженная конфликтность как черта личности, неконструктивное поведение в супружеских конфликтах — все это лишь малая часть общей картины психологических причин развода, которая пока еще не-

достаточно подробно изучена отечественными учеными. Активная позиция женщин в сфере профессионального и личностного развития и необходимость выполнения всех хозяйственных и родительских обязанностей в сочетании с отсутствием практики активного включения мужчин в сферу повседневных семейных забот способствуют неблагоприятным тенденциям современной семейной жизни.

Заключение

Обобщение результатов научных исследований дает общую картину причин разводов в стране: высокий уровень алкоголизации мужской части населения, неверность, проблемы материального характера. Либерализация отношения к разводу актуализирует действие факторов, дестабилизирующих супружеские отношения. Значимым представляется влияние процессов индивидуализации, ухода от общественного контроля, повышение значимости ощущения личностного благополучия. Вероятность развода все меньше зависит от внешних характеристик (воспитание одного или обоих супругов в семье без отца, наличие добрачной беременности) и все больше определяется качеством супружеских отношений. Все еще актуальными для регионов остаются причины разводов, отражающие негативные компоненты доминантной маскулинности, проявляющейся в склонности к физической агрессии. Сдерживающими факторами выступают такие компоненты, как финансовые и правовые последствия развода (раздел имущества и вопросы порядка воспитания и содержания детей); соображения финансового характера являются и причинами фиктив-

ных разводов, толерантность отношения к которым в обществе растет.

Характерные для российской реальности особенности гендерных отношений составляют поле предпосылок развода: исключение мужчин из сферы повседневных хозяйственных дел и заботы о детях, обеднение эмоционально-экспрессивной сферы мужчины в ходе социализации, канон обезличенной сексуальности, допускающий мужские измены. Если осмыслять область причин развода в социально-психологических терминах на уровне семейной сплоченности, данные ролевые установки действуют деструктивно, с высокой степенью вероятности приводя к потере целостности семьи.

Индивидуализация семейных ценностей, стремление исключить влияние

третьих лиц на жизнь семьи, либеральное отношение к процедуре развода приводят к тому, что напряженные, дисгармоничные браки все чаще официально расторгаются. Сфера причин в достаточной степени определяется бытующими в обществе представлениями и стереотипами относительно семейных ролей и особенностями гендерных установок. Еще одной значимой составляющей знания о разводе является то, что в наши дни возможность расторгнуть брак имеет не только дополнительные степени свободы, но и нехарактерные для недавних времен сдерживающие факторы, такие, как финансовая зависимость. Данные тенденции, безусловно, должны изучаться и анализироваться научным сообществом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барашкова А.С., Сукнёва С.А. Конфликтогенные факторы брачного поведения населения Якутии // Регион: экономика и социология. 2011. № 4. С. 116–132.
2. Воронина Т.Д. Развод как социальный феномен в современной России: причины и последствия // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2011. №1. С. 21–31.
3. Гурова О.С., Середина Т.С. Особенности семейных перспектив юношей и девушек с опытом развода в родительской семье // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 2–2. С. 31–34.
4. Елютина М.Э., Исаева С.А. Причины развода в третьем возрасте // Социологические исследования. 2012. № 9. С. 91–99.
5. Иванченко В.А. Некоторые аспекты воспитания личности в неполной семье (по материалам исследований российских и зарубежных авторов) [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование PSYEDU.ru. 2011. № 3. URL: <http://psyedu.ru/journal/2011/3/2464.phtml> (дата обращения: 18.12.2014).
6. Камышова Е.В. Влияние социальных изменений на разводимость в современной России // Теория и практика общественного развития. 2014. № 2. С. 66–68.
7. Камышова Е.В. Социокультурная детерминация отношения к разводам в современном поликультурном обществе // Теория и практика общественного развития. 2014. № 1. С. 82–85.
8. Карташова Т.Е. Согласованность брачно-семейных установок у молодых супругов как фактор психологической безопасности личности в условиях кризиса института семьи и брака // Медико-биологические и социально-психологические проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях. 2012. № 4. С. 108–112.

9. *Лагойда Н.Г., Бадарев Д.Д.* К проблеме браков и разводов в Республике Бурятия (социологический аспект) // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 5. С. 139–145.
10. *Лактюхина Е.Г.* Заключение и расторжение брака в современной России: социологический анализ // Теория и практика общественного развития. 2011. № 6. С. 68–71.
11. *Левкович В.П.* Добрачная беременность как один из факторов дестабилизации семьи // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 2. С. 109–115.
12. *Левкович В.П.* Особенности добрачного периода жизни супругов как одна из причин стабилизации и дестабилизации молодой семьи // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 1. С. 82–85.
13. *Левкович В.П.* Роль родительской семьи во взаимоотношениях молодых супругов // Психологический журнал. 2008. Т. 29. № 3. С. 41–47.
14. *Никулина Д.С., Лебедь А.А.* Отношение к разводу молодых супругов с разным уровнем конфликтности // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2011. № 19–1. С. 85–90.
15. *Новоселов В.М.* Особенности состояния института отцовства в современной России // Европейский журнал социальных наук. — 2013. № 10–1. С. 298–301.
16. *Пахомова Е.И.* Браки и разводы: что изменилось в представлениях россиян // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2008. № 1. С. 128–135.
17. *Петрякова О.Л.* К вопросу анализа влияния социально-экономических факторов на институт семьи в РФ // Экономика, статистика и информатика. Вестник УМО. 2010. № 2. С. 104–108.
18. *Польнская Е.В.* Влияние толерантности на разрешение конфликтов в семьях // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2011. № 18. С. 200–205.
19. *Ржаницына Л.С.* Алименты на детей как элемент гражданской ответственности // Социологические исследования. 2010. № 7. С. 56–65.
20. *Солодников В.В., Солодникова И.В.* Ретро-анализ отношений в родительской и своей семье // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2009. № 5. С. 197–228.
21. *Терелецкова Е.В.* Гендерные отношения в семье в современном российском обществе // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2007. Т. 13. № 1. С. 77–78.
22. *Терелецкова Е.В.* Основные тенденции изменения гендерных отношений в условиях трансформации российского общества // Вестник Башкирского университета. 2008. Т. 13. № 1. С. 149–151.
23. *Чепель Т.В.* Медико-демографическая ситуация в семьях, воспитывающих детей-инвалидов // Дальневосточный медицинский журнал. 2006. № 3. С. 26–29.
24. *Шац И.К., Коваленко В.В.* Развитие детско-родительских отношений в трудных жизненных ситуациях // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. 2011. Т. 5. № 4. С. 120–129.
25. *Шевченко И.О.* Институт отцовства: актуальные проблемы в поле социологических исследований // Вестник российского государственного гуманитарного университета. 2010. № 3. С. 278–286.

Gender Analysis of Reasons for Divorce in Russian Social Psychological Research

A.S. KOLPAKOVA,
PhD student at the Department of Human Psychology,
Herzen State Pedagogical University

The paper analyzes reasons for divorce within the framework of gender approach basing on the outcomes of Russian sociological and psychological studies carried out in the last decade. It is commonly assumed that relationships in a couple are regulated by various gender representations, stereotypes and attitudes. However, divorce is seldom explored from the perspective of gender approach. The conducted analysis reveals the background of divorces related to the specifics of gender relationships typical of modern Russian society.

Keywords: *divorce, alcoholism, gender analysis of relationships, predictors of divorce, transformation of family relationships.*

REFERENCES

1. Barashkova A.S., Sukneva S.A. Konfliktogennyye faktory brachnogo povedeniya naseleeniya Yakutii // Region: ekonomika i sociologiya. 2011. no. 4. pp. 116–132.
2. Voronina T.D. Razvod kak social'nyy fenomen v sovremennoy Rossii: prichiny i posledstviya // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya. 2011. no 1. pp. 21–31.
3. Gurova O.S., Seredina T.S. Osobennosti semeinykh perspektiv yunoshei i devushek s opytom razvoda v roditel'skoy sem'e // Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta. 2010. no. 2–2. pp. 31–34.
4. Elyutina M.E., Isaeva S.A. Prichiny razvoda v tret'em vozraste // Sociologicheskie issledovaniya. 2012. no. 9. pp. 91–99.
5. Ivanchenko V.A. Nekotorye aspekty vospitaniya lichnosti v nepolnoy sem'e (po materialam issledovaniy rossiiskikh i zarubezhnykh avtorov) [Elektronnyy resurs] // Psihologicheskaya nauka i obrazovanie PSYEDU.ru. 2011. № 3. URL: <http://psyedu.ru/journal/2011/3/2464.phtml> (data obrasheniya: 18.12.2014)
6. Kamyshova E.V. Vliyaniye social'nykh izmeneniy na razvodimost' v sovremennoy Rossii // Teoriya i praktika obshestvennogo razvitiya. 2014. no. 2. pp. 66–68.
7. Kamyshova E.V. Sociokul'turnaya determinatsiya otnosheniya k razvodam v sovremennoy polikul'turnom obshestve // Teoriya i praktika obshestvennogo razvitiya. 2014. no. 1. pp. 82–85.
8. Kartashova T.E. Soglasovannost' brachno-semeinykh ustanovok u molodykh suprugov kak faktor psihologicheskoy bezopasnosti lichnosti v usloviyakh krizisa instituta sem'i i braka // Mediko-biologicheskie i social'no-psihologicheskie problemy bezopasnosti v chrezvychaynykh situatsiyah. 2012. no. 4. pp. 108–112.
9. Lagoida N.G., Badaraev D.D. K probleme brakov i razvodov v Respublike Buryatiya (sociologicheskii aspekt) // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. no. 5. pp. 139–145.

10. *Laktyuhina E.G.* Zaklyuchenie i rastorzhenie braka v sovremennoi Rossii: sociologicheskii analiz // *Teoriya i praktika obshestvennogo razvitiya*. 2011. no. 6. pp. 68–71.
11. *Levkovich V.P.* Dobrachnaya beremennost' kak odin iz faktorov destabilizatsii sem'i // *Psihologicheskii zhurnal*. 2011. T. 32. no. 2. pp. 109–115.
12. *Levkovich V.P.* Osobennosti dobrachnogo perioda zhizni suprugov kak odna iz prichin stabilizatsii i destabilizatsii molodoi sem'i // *Znanie. Ponimanie. Umenie*. 2010. no. 1. pp. 82–85.
13. *Levkovich V.P.* Rol' roditel'skoi sem'i vo vzaimootnosheniyah molodyh suprugov // *Psihologicheskii zhurnal*. 2008. T. 29. no. 3. pp. 41–47.
14. *Nikulina D.S., Lebed' A.A.* Otnoshenie k razvodu molodyh suprugov s raznym urovnem konfliktnosti // *Psihologiya i pedagogika: metodika i problemy prakticheskogo primeneniya*. 2011. no. 19–1. pp. 85–90.
15. *Novoselov V.M.* Osobennosti sostoyaniya instituta otcovstva v sovremennoi Rossii // *Evropeiskii zhurnal social'nyh nauk*. – 2013. no. 10–1. pp. 298–301.
16. *Pahomova E.I.* Braki i razvody: chto izmenilos' v predstavleniyah rossiyan // *Monitoring obshestvennogo mneniya: ekonomicheski i social'nye peremeny*. 2008. no. 1. pp. 128–135.
17. *Petryakova O.L.* K voprosu analiza vliyaniya social'no-ekonomicheskikh faktorov na institut sem'i v RF // *Ekonomika, statistika i informatika. Vestnik UMO*. 2010. no. 2. pp. 104–108.
18. *Polynskaya E.V.* Vliyanie tolerantnosti na razreshenie konfliktov v sem'yah // *Psihologiya i pedagogika: metodika i problemy prakticheskogo primeneniya*. 2011. no. 18. pp. 200–205.
19. *Rzhanicyna L.S.* Alimenty na detei kak element grazhdanskoi otvetstvennosti // *Sociologicheskie issledovaniya*. 2010. no. 7. pp. 56–65.
20. *Solodnikov V.V., Solodnikova I.V.* Retro-analiz otnoshenii v roditel'skoi i svoei sem'e // *Monitoring obshestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny*. 2009. no. 5. pp. 197–228.
21. *Tereleckova E.V.* Gendernye otnosheniya v sem'e v sovremennom rossiiskom obshestve // *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova. Seriya: Pedagogika. Psihologiya. Social'naya rabota. Yuvenologiya. Sociokinetika*. 2007. T. 13. no. 1. pp. 77–78.
22. *Tereleckova E.V.* Osnovnye tendentsii izmeneniya gendernykh otnoshenii v usloviyah transformatsii rossiiskogo obshestva // *Vestnik Bashkirskogo universiteta*. 2008. T. 13. no. 1. pp. 149–151.
23. *Chepel' T.V.* Mediko-demograficheskaya situatsiya v sem'yah, vospityvayushih detei-invalidov // *Dal'nevostochnyi medicinskii zhurnal*. 2006. no. 3. pp. 26–29.
24. *Shac I.K., Kovalenko V.V.* Razvitie detsko-roditel'skikh otnoshenii v trudnykh zhiznennykh situatsiyah // *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*. 2011. T. 5. no. 4. pp. 120–129.
25. *Shevchenko I.O.* Institut otcovstva: aktual'nye problemy v pole sociologicheskikh issledovaniy // *Vestnik rossiiskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*. 2010. no. 3. pp. 278–286.

**К вопросу о религиозной идентичности:
опыт культурно-исторического анализа с позиций
психосоциальной теории развития**

В.А. ИЛБИН,

**доктор психологических наук, профессор, профессор факультета психологии
Российского государственного социального университета**

В статье представлен авторский взгляд на становление и развитие института религии в российском обществе в контексте психосоциального развития. На примере православной конфессии как доминирующей на территории РФ проанализирована его функциональность с точки зрения подкрепления базисного доверия в обществе. Показано, что в процессе культурно-исторического развития российское православие фактически утратило изначально присущую ему институциональную витальность и к настоящему времени в значительной степени выполняет функцию идеологического обслуживания государственной системы. На конкретных исторических примерах обозначены основные этапы и причины такого рода трансформации, с точки зрения психосоциального подхода к проблеме развития.

Ключевые слова: идентичность, психосоциальное развитие, религия, базисный социальный институт.

Начиная разговор о религиозной идентичности, невозможно пройти мимо того факта, что в настоящее время с понятием «идентичность» происходит нечто похожее на историю, связанную с понятием «коллектив». Изначально введенное в социально-психологический лексикон А.В. Петровским как совершенно научно обоснованное и научно выверенное определение группы высокого уровня социально-психологического развития, данное понятие было в значительной степени девальвировано и, более того, дискредитировано по причине как специфической социальной практики советского периода, так и неряшливо-конъюнктурного словоупотребления, благодаря чему появились бесчисленные трудовые, детские, армейские «кол-

лективы» и даже «коллективы заключенных». Нечто подобное происходит, повторимся, и с понятием «идентичность». Однако именно религиозная идентичность заслуживает выделения из длинного ряда всевозможных «идентичностей», как минимум, по двум основаниям.

Во-первых, кто бы и как к этому ни относился, невозможно отрицать усиление роли религии и ее влияния практически на все сферы жизни российского общества в его нынешнем состоянии. Отсюда возникает целый ряд практических задач, в том числе социально-психологического плана, связанных с взаимодействием религиозных конфессий и различных социальных структур, межконфессиональными отношениями, от-

ношениями верующих с той частью общества, которая придерживается атеистических взглядов и т.п.

И, во-вторых, основоположник психосоциальной концепции развития Э. Эриксон, собственно и включивший понятие «идентичность» в научный лексикон, рассматривал религию в качестве важнейшего социального института, призванного подкреплять базисное доверие как на индивидуальном, так и на социальном уровнях.

В этой связи одними из приоритетных (в контексте рассматриваемой проблематики) задач являются анализ и оценка функциональности института религии в тех конкретно-исторических формах, в которых он был представлен в России.

Итак, напомним, Э. Эриксон считал религию базисным социальным институтом, соответствующим первой стадии психосоциального развития. Если мы обратимся к истории человечества, то увидим, что институциональное оформление религиозных верований, судя по имеющимся данным, действительно происходило на более ранних этапах развития общества по сравнению с аналогичным оформлением иных универсальных форм социальных отношений и деятельности — экономических, политических и т.д. На это недвусмысленно указывают результаты археологических исследований. Показательно, что данное обстоятельство фактически признавалось представителями советской исторической науки, хотя оно явно шло вразрез с господствовавшими идеологическими установками, опиравшимися на тезис: «Бытие определяет сознание». В частности, авторы первого тома «Истории Европы», вышедшего в свет в 1988 году, от-

мечают: «Для верхнего палеолита Европы характерно широкое распространение тотемизма и анимизма в сложном переплетении с охотничьей магией. О возникновении анимизма свидетельствуют верхнепалеолитические захоронения с их развитым погребальным обрядом: сильно скрюченные погребения на боку, с коленями, подтянутыми почти к подбородку, посыпанные красной охрой, помещение в могилу орудий труда и оружия, украшений — бус и подвесок. Засвидетельствованы и погребальные сооружения — надмогильные холмики, выкладки из костей и плит» [6, с. 63—64]. Обращают на себя внимание находки в захоронениях орудий труда и оружия — жизненно необходимых вещей, тем более ценных, что их производство в условиях древнекаменного века с очевидностью представляло собой чрезвычайно трудоемкий процесс. Данный факт свидетельствует о существовании в эпоху верхнего палеолита не просто примитивных религиозных верований, но такого существенного признака их институционализации, как наличие жесткой обрядности, неуклонное соблюдение которой являлось обязательным даже в ущерб производственной и иной деятельности общества. Добавим также, что памятников материальной культуры, свидетельствующих о наличии иных социальных институтов (скажем, признаков имущественного либо социального расслоения), относящихся к данному периоду, не обнаружено. Они появляются значительно позже.

Еще одна существенная характеристика, присущая религии как социальному институту, доказывающая правомерность выводов Э. Эриксона, — ее универсальность. Это подтверждается исследо-

ваниями как архаичных, так и современных сообществ. В самом деле, практически невозможно привести пример общества, в котором реально отсутствовал бы институт религии. В этом смысле особенно показательны социальные системы, открыто провозглашавшие установку на ликвидацию религии. Очевидно, что наиболее известные примеры систем такого рода — это Франция периода якобинской диктатуры и Россия после прихода к власти большевиков. И в том, и в другом случае ликвидация института религии не только провозглашалась как государственная доктрина, но и подкреплялась масштабными акциями физического уничтожения представителей данного института, его атрибутов и учреждений. Тем примечательнее, что практически сразу, без каких-либо пауз, взамен ликвидируемого культа и в якобинской Франции, и в большевистской России возникли специфические «атеистические религии» со всеми признаками институционализации — со своими святыми, обрядами, жрецами, каноническими праздниками, объектами поклонения и т.п. По-видимому, ни одно общество, даже атеистическое, действительно не может существовать без института религии.

Однако даже если институт религии действительно является первым достаточно универсальным образованием, возникающим в процессе социогенеза, это обстоятельство само по себе еще не дает исчерпывающих оснований для непосредственного соотнесения данного института с первым этапом индивидуального развития в эпигенетической карте. Остается вопрос: действительно ли религия представляет собой тот самый институт, который, говоря словами Э. Эриксона, «на протяжении всей чело-

веческой истории боролся за утверждение базисного доверия» [13, с. 115]. Напомним, что под базисным доверием Э. Эриксон понимал формирующееся на первом году жизни восприятие мира ребенком как достаточно надежного, принимающего и безопасного, в котором можно доверять себе и другим. «Доверие включает в себя не только то, что некто научается надеяться, полагаться на тех, кто извне обеспечивает его жизнь, но и доверие к самому себе, веру в способность собственных органов справляться с побуждениями. Такой человек способен чувствовать себя настолько полным доверия, что обеспечивающие его жизнь окружающие не должны постоянно стоять при нем на часах» [13, с. 111]. Деструктивной альтернативой базисному доверию в эпигенетической схеме выступает базисное недоверие. В этом случае мир представляется ребенку до такой степени ненадежным, отвергающим и угрожающим, что доверять в нем не следует вообще никому, включая самого себя как часть этого мира. В зрелом возрасте «превалирование базисного недоверия проявляется в определенной форме выраженного отчуждения, характеризующего индивидов, которые уходят в себя, если оказываются не в ладах с другими людьми или с самими собой. Такой уход наиболее ярко демонстрируют индивиды, у которых наблюдается регресс к психотическому состоянию» [13, с. 111].

То, что мир, в котором жили наши далекие предки, был объективно суров и опасен для человека, не вызывает сомнений. Для детей он был опасен вдвойне. К реальным угрозам, касающимся всех людей без исключения, в виде хищников, голода, природных катаклизмов и т.п., применительно к детям добавлялся спе-

цифический, характерный для архаичных племен стиль воспитания, который американский исследователь Л. де Моз назвал детоубийственным. «Это значит, — пишет он, — что они не только без угрызений совести убивают значительную часть своих новорожденных, но и воспитывают оставшихся, комбинируя суровое небрежение, физическое и эмоциональное насилие с симбиотической сращенностью. Начнем с того, что до недавнего времени многие австралийские племена поедали своих детей, причем не от голода, а от желания магического обладания... Некоторые поедали плод, прибегая для этого к аборту — живот беременной женщины сдавливали и вытаскивали плод за голову. Другие съедали каждого второго ребенка, чувствуя так называемый «голод к младенцам», и заставляли других детей участвовать в пиршестве» [5, с. 360].

То, что описанный Л. де Мозом на примере австралийских аборигенов стиль воспитания действительно является универсальным для архаичного общества, подтверждается сюжетами такого классического продукта, отражающего универсальные человеческие архетипы, как древнегреческая мифология. В частности, тема детоубийства непосредственно присутствует в мифе о Кроне, пожирающем своих детей. При этом Рея, жена Крона, желая спасти своего третьего сына — Зевса, передала его Гее-Земле, «которая отнесла его в Ликт на острове Крит и спрятала в Диктейской пещере..., оставив на попечение нимфы Адрастеи и ее сестры Ио, которые были дочерьями Мелиссея и козы-нимфы Амалфеи. Зевс питался медом и пил молоко Амалфеи... Вокруг золотой колыбельки младенца Зевса, висевшей на дереве, стояли вооружен-

ные куреты — дети Реи» [5, с. 26]. Здесь явно просматривается идея противостояния двух миров — мрачного царства Крона, враждебного младенцу, в котором нельзя доверять практически никому, включая собственного отца, и мира, безусловно доброжелательного, принимающего и оберегающего, где вдоволь пищи, где все окружающие заботятся о благополучии ребенка. Это указывает на то, что конфликт между базисным доверием и базисным недоверием является первым как на интрапсихическом, так и на социальном уровнях. Тем самым еще раз подтверждается идея Э. Эриксона о параллельности и взаимосвязи процессов онто- и социогенетического развития.

Религия же как социальный институт действительно подкрепляет базисное доверие по той простой причине, что и на индивидуальном, и на социальном уровнях она призвана снижать степень неопределенности и неуверенности — факторов, стимулирующих иррациональную тревожность и страх, а следовательно, и недоверие к миру. Существующие теории происхождения религии при всем их многообразии сводятся, в конечном счете, к двум известным идеям: Божественного откровения и субъективно-иррационального объяснения явлений, природа и причины которых неочевидны для отдельного индивида или группы. Легко заметить, что как в первом, так и во втором случае, возникшая система представлений, точнее сказать верований, делает мир в субъективном восприятии более понятным, а следовательно, менее пугающим и более заслуживающим доверия, даже в его объективно неблагоприятных для субъекта или группы проявлениях. Неслучайно все без исключения религии, начиная с самых

примитивных, такое внимание уделяют смерти и всему, что с ней связано, — теме, и по сей день остающейся одной из наиболее пугающих для человека. В основе страха смерти лежит, прежде всего, опять-таки неизвестность,

Религиозные же доктрины в массе своей не только дают надежду на посмертное продолжение жизни, но и некие представления, иногда довольно детальные, о формах и условиях такой жизни.

При этом существенно важно, с точки зрения подкрепления базисного доверия, что религия как социальный институт ни в коей мере не ограничивается созерцательно-объяснительным подходом, но обязательно предусматривает систему обрядов, через которые человек (естественно, в рамках данной религиозной доктрины) может активно воздействовать как на природу окружающего мира, так и на свою собственную природу. Тем самым обеспечивается субъектность индивида в отношении базисного доверия. Это происходит до тех пор, пока институт религии в данном обществе сохраняет способность поддерживать свою институциональную витальность.

Однако в процессе развития общества может наступить момент, когда институт религии при неизменности его форм и содержания исчерпывает свой потенциал подкрепления базисного доверия. В этом случае он либо претерпевает существенную, а порой кардинальную, трансформацию (так на смену примитивным архаическим культурам пришли развернутые политеистические системы, которые, в свою очередь, сменились монотеистическими религиями и т.д.), либо превращается в деструктивную альтернативу своей собственной из-

начальной роли, т.е. начинает продуцировать и поддерживать базисное недоверие на индивидуальном и социальном уровнях. Один из типичных примеров такого рода — история инквизиции в Западной Европе. Примечательно, что как научные открытия, так и философские и социально-политические идеи Возрождения по большей части нисколько не противоречили христианству как собственно религиозной доктрине в содержательном плане. Однако они порой реально являлись оппозиционными по отношению к католицизму как социальному институту религии в его конкретно-историческом виде, а зачастую субъективно воспринимались таковыми в среде представителей данного института. В результате идея «осажденного града», идея мира, переполненного приспешниками дьявола и в силу этого враждебного по отношению не только к «истинным христианам», но и к человеку как творению Божьему вообще повсеместно насаждалась католической церковью. Как известно, прямым следствием данной установки стала широкомасштабная «охота на ведьм» и целая эпоха межгосударственных и гражданских войн на религиозной почве в Европе.

Как видно из приведенного примера (а подобных примеров в истории человечества можно найти множество), конфликт «доверие против недоверия», составляющий суть первой стадии онтогенетического развития, согласно эпигенетической карте, действительно находит свое отражение в содержании религии как социального института и тесно с ним связан.

Что же из себя представляла и представляет в этом отношении очевидно являющаяся доминирующей на всем протяжении российской истории формой

институционализации религии православная конфессия?

Традиционно представители православной конфессии и, в частности, Русской православной церкви, претендовали и претендуют на сохранение в неизменном и полном виде идей, правил, обрядов, непосредственно восходящих к изначальной Апостольской Церкви и к самому Христу. Причем в известной степени данная претензия признается и представителями иных христианских конфессий. Не случайно в английском языке слова «православный» — «Orthodox» и «ортодоксальный» — «orthodox» не только идентичны по форме, но и синонимичны по смыслу. И в этом смысле православие вообще и русское православие, в частности, безусловно, витально как базисный общественный институт и способно институционально поддерживать и подтверждать базовое доверие на личностном уровне. В противном случае пришлось бы отказать в институциональной витальности христианству вообще, что было бы явно неверным.

Проблема в данном случае заключается не в собственно идейном содержании религиозного учения, а в преломлении этих идей на бытийном, скорее даже бытовом уровне индивидуального и общественного сознания в конкретной культурно-исторической среде, не столько в обрядности и культовой практике Церкви как явлениях метафизического и сакрального порядка, сколько в ее функционировании как организации, материализующей институт религии в данном социуме.

Если взглянуть на историю христианства в России, то легко обнаруживается практически постоянное наличие трагического раскола между идеями, духов-

ной сущностью учения, которое несло православие, и реализацией этих идей в общественной жизни. Не случайно даже видные представители современных российских традиционалистов вынуждены признать: «Историческое Православие, хотя оно и хранит в себе верный идеал предания, на практике постоянно отстает от него в ту или другую сторону, колеблется» [1, с. 17] Под преданием в данном контексте понимаются «всеобщие начала, необходимые принципы, а также неизменные первоосновы сверхъестественного христианского откровения» [1, с. 17].

Факт постоянного отступления от предания приобретает совершенно особое значение и звучание именно в плане разговора об идентичности, если обратиться к пониманию предания, его сути известным русским философом и богословом С.Н. Булгаковым. «Наличие церковного предания вытекает из самотождества Церкви и единства живущего в ней Духа. Оно есть внешняя, феноменальная манифестация внутреннего, ноуменального единства Церкви. Оно должно быть понято поэтому прежде всего, как живая сила, как самосознание единого организма, в котором включена вся его прежняя жизнь. В силу этого предание непрерывно и неисчерпаемо, оно не есть только прошлое, но и настоящее, в котором уже живет и будущее» [3, с. 75]. По сути дела, мы имеем здесь определение идентичности христианства. И, следовательно, «отступление» церкви как социальной организации от предания есть ничто иное, как утрата ею, в большей или меньшей степени, своей идентичности как Церкви Христовой.

Между тем, практически на всем протяжении отечественной истории упомя-

нутые колебания церкви прослеживаются на всех уровнях — на уровне индивидуального сознания (что можно наблюдать на примере известных исторических персонажей), на уровне отношений между социальными группами и социальными институтами, наконец, внутри самой церкви. В этом смысле представляется весьма показательной история отношений двух *особо почитаемых* русских святых — преподобного Иосифа Волоцкого и преподобного Нила Сорского. Будучи безусловными единомышленниками и единоверцами в отношении духовного и сакрального содержания предания, что подтверждается фактом их канонизации, они одновременно вели предельно жесткую полемику и являлись безусловными *противниками* друг друга именно по вопросам функционирования церкви как социальной организации, в частности, в отношении церковного землевладения, допустимости использования монастырями труда крестьян, ведения ими торговых операций и т.п. Эти дискуссии, нередко выходившие за рамки парламентских выражений, вошли в историю как борьба иосифлян (последователей Иосифа Волоцкого) с нестяжателями (сторонниками Нила Сорского). Ни в коей мере не обсуждая и тем более не подвергая сомнению справедливость причисления обоих к лику святых, заметим, что, с точки зрения рассматриваемых проблем, данный факт весьма симптоматичен. Коль скоро и преподобный Нил, и преподобный Иосиф признаны святыми, стало быть оба правы перед Богом в своих взглядах и убеждениях, в том числе по вопросам, касающимся предмета их полемики. Тем самым, вопреки формально-правовому разрешению конфликта, выразившемуся

в осуждении нестяжателей Церковным Собором в 1531 году, на метафизическом уровне связанный с ним раскол внутри церковной организации оказался не только не устраненным, но, наоборот, получил в дальнейшем сакральное подкрепление благодаря канонизации вождей и главных идеологов обеих партий. Не случайно отголоски этого давнишнего спора можно встретить и сегодня, когда некоторые публицисты, многие граждане, да и отдельные клирики, выдвигают в адрес современной РПЦ обвинения в неумной страсти к стяжательству, зачастую раздувая при этом степень благосостояния ее клира до совершенно фантастических размеров. Сторонники же противоположной точки зрения, в свою очередь, оперируют абсурдно звучащими на фоне дорогих иномарок и особняков отдельных священнослужителей, рассуждениями о скромном образе жизни и чуть ли не нужде последних.

В качестве кульминации, открытого проявления внутренней противоречивости религиозной составляющей традиции в России, по-видимому, следует рассматривать церковный раскол XVII века, связанный с реформами патриарха Никона. Сама идея реформы явила собой признание частью высшей иерархии факта отхода русского православия от Вселенского Предания. Однако попытка Никона воссоединить русскую церковь с восточнохристианской религиозной традицией в ее первоначальном виде оказалась крайне неудачной как по причине абсолютного игнорирования умонастроений значительной части населения, так и в силу содержательной противоречивости самой реформы с точки зрения провозглашенных целей. Во многом это было обусловлено противоречивостью

личности самого патриарха. По словам американского историка Д. Хоскинга, «взгляды Никона были весьма категоричными и нередко навязывались с бестактной самонадеянностью, что порой смущало даже его ближайших приспешников» [12, с. 204]. При этом «Никон ошибался в утверждении, что его реформы возвращали некогда отвергнутые поправки и тем самым приближали русское православие к древним общепринятым канонам православия в целом. На протяжении веков различные православные церкви принимали расходящиеся детали в службах, а некоторые из «восстановлений» Никона на самом деле являлись инновациями. Более того, он проводил реформы, не советуясь с Церковным Собором, что само по себе было нарушением канонов. Таким образом, Никон противоречил собственной программе» [12, с. 204].

Последствия этого конфликта, так и не получившего окончательного разрешения и имевшего к тому же рецидивы в дальнейшей истории, похоже оказались столь травматичными для церковного сознания, что и по сей день в сфере внутрицерковной жизни во главу угла ставится императив избегания, во что бы то ни стало, риска повторения любых прецедентов такого рода. Не случайно многие современные священнослужители, комментируя в частных беседах неоднозначные или непоследовательные шаги священноначалия, касающиеся функционирования РПЦ как социального института, объясняют их не афишируемым публично стремлением сохранить, по крайней мере формально, внутрицерковный мир и не допустить очередного явного раскола.

Не менее показательна, с точки зрения расщепления религиозной традиции

и отхода от предания, история отношений церкви как социального института с государством. Можно утверждать, что первым, кто провозгласил отделение Церкви от государства, был сам Иисус Христос. Об этом свидетельствует, в частности, Его ответ ученикам фарисеев на вопрос о допустимости уплаты податей римскому императору: «итак, отдавайте кесарю кесарево, а Божие Богу» (Мф. 22, 21), который, заметим, часто преподносился и преподносится церковными идеологами как обоснование подчинения любой власти и сотрудничества с нею. Подобные интерпретации с очевидностью противоречат как смыслу самого высказывания, так и сюжетному и смысловому контексту евангельского повествования. В описании данного эпизода прямо указывается, что с упомянутым вопросом к Христу обратились «лукавые люди», подсланные фарисеями с целью спровоцировать его на ответ, который либо вызвал бы негодование народа, либо дал бы основания для обвинения Иисуса перед римскими властями. О том, что Христос прекрасно разобрался в сути этой манипулятивной ловушки опять-таки прямо говорится в Евангелии: «Иисус, видя лукавство их, сказал: что искушаете Меня, лицемеры?» (Мф. 22, 18). Таким образом, его ответ был, во-первых, в какой-то степени, продиктован ситуацией и, во-вторых, в нем можно уловить тонкую иронию и глубокий подтекст, если иметь в виду два обстоятельства, а именно: в древней Иудее после покорения ее римлянами имели хождение две монетные системы — государственная и священная. Первая, собственно римская, использовалась при всех повседневных расчетах, торговых сделках и уплате государственных податей. Вторая же явля-

лась древней иудейской. Ее основной единицей была священная монета серебряный сикль. Священной ее считали потому, что во времена Христа такие монеты употреблялись иудеями исключительно для уплаты ежегодной подати Иерусалимскому храму. Другое имеющее значение для понимания эпизода обстоятельство — это то, что у древних еврейских книжников было принято рассматривать монету как своего рода визитную карточку правителя, одновременно подтверждающую его власть над территорией — чья монета в ходу в данной стране, тому и принадлежит царство.

Примечательно, что, отвечая на вопрос учеников фарисеев, Христос просит последних показать ему именно ту монету, «которою платится подать», и те приносят Ему римский динарий. Таким образом, возвращение «кесарю кесарева» есть не просто акт передачи по принадлежности того, что изначально принадлежит императору-язычнику, но избавления, очищения, отказа от всего, что с динарием, то есть с империей — «царством земным» связано, от всего, что не только не имеет отношения к делу спасения, но и препятствует ему. В метафизическом смысле это акт лишения императора власти над тем, что ему не принадлежит, в первую очередь, над душой и жизнью человека — тем самым, что является «божьем» и должно быть отдано Богу. Не случайно, по мнению ряда авторов, словами: «отдайте кесарево кесарю, а Божие Богу» — Иисус закончил учение Свое о Царстве Божиим на земле» [4, с. 357]. То есть о царстве, которое, как известно, в отличие от всех иных царств «не от мира сего».

В свете сказанного логично предположить, что для имевшего место в практике отечественного православия иска-

женного и упрощенного толкования данного эпизода, исключительно как якобы подтверждающего легитимность, с точки зрения учения Христа, любой светской власти, требовались достаточно веские причины. И они действительно были.

Исторически сложилось так, что политическая жизнь и сама судьба российской цивилизации тесно сплелись не только с восточным христианством как собственно религией, но и с деятельностью православной церкви как социальной организации и виднейших ее представителей. Пожалуй, наиболее ярко эта тенденция проявилась в масштабных событиях XIV века, связанных со становлением Московского княжества и его борьбой против Золотой орды. В эпицентре той бурной, богатой катаклизмами эпохи мы видим две величественные фигуры крупнейших духовных авторитетов не только своего времени, но и всей последующей русской истории — святителя Алексея, митрополита Московского и игумена Сергия Радонежского. Являясь в личностном плане воплощением христианских идеалов, в том числе связанных с уходом от сует земного мира, оба святых, тем не менее, подвизались как в духовном, так и в общественном служении, используя собственный авторитет для прекращения феодальных усобиц — бедствия на тот момент едва ли не более губительного, чем татарское иго.

Кульминацией драматических событий российской истории XIV века, безусловно, стало Мамаево нашествие и Куликовская битва. К тому времени, святитель Алексей уже скончался и преподобный Сергий, хотя и продолжал подвизаться в скромном чине игумена Радонежского, фактически стал его преемником как высшего духовного авторитета земли русской.

Рассказывая о событиях, связанных с походом Мамаю, многие историки и летописцы отмечают нечто новое, что проявилось в реакции общества на известие о грозящей опасности. «И вот, мы видим, — пишет архимандрит Никон, — что, народ, сто лет привыкший дрожать при одном имени татарина, собрался наконец с духом, встал на поработителей и не только нашел в себе мужество встать, но и пошел искать татарских полчищ в открытой степи и там повалился на врагов несокрушимой стеной, похоронив их под своими многотысячными костями. Как могло это случиться? Откуда взялись, как воспитались люди, отважившиеся на такое дело, о котором боялись и подумать их деды?» [9, с. 165—166].

Исчерпывающий ответ на вопрос, поставленный на заре переполненного апокалиптическими потрясениями XX века русским архимандритом, дал во второй его половине американский психолог, философ и гуманист Э. Фромм. В своем труде «Революция надежды», говоря о всемогуществе идеи, он пишет: «Она (идея. — В.И.) открывает людям глаза. Она вырывает их из глубокой спячки. Она заставляет людей активно мыслить и чувствовать, заставляет увидеть то, что прежде было не доступно взгляду. Идея обладает способностью пробуждать все то, для чего она предназначена, так как она апеллирует к разуму человека и к другим проявлениям свойств человека. Когда идея проникла в самое нутро человека, он становится мощнейшим оружием, поскольку идея пробуждает в нем жажду борьбы, удесятеряет его энергию и указывает ему нужное направление приложения своих сил» [11, с. 227—228]. Именно такой идеей в 1380 году стало христианство, воплощенное на тот мо-

мент церковью и ее выдающимся представителем Сергеем Радонежским во всем своем парадоксальном величии, глубине и мощи. По мнению Д. Хоскинга, в описываемый период, «после наступившей раздробленности, унижения власти князей и веча она (церковь) единственная могла олицетворять собою идею земли Русской. Православие стало воплощением не только религиозного, но и национального и даже политического единства русского народа» [12, с. 71].

Это был момент достижения отечественным институтом религии полной идентичности как Церкви Христовой, момент наивысшего проявления его институциональной витальности по отношению к обществу в целом и к каждому русскому человеку в отдельности. Об этом свидетельствует не только факт удивительного для того времени единения вокруг фигуры московского князя, отношение к которому в разных русских землях было далеко не однозначным, но и то обстоятельство, что на стороне татар не приняло участия в битве ни одного русского человека, вопреки имевшим место вполне конкретным и типичным для того времени, договоренностям Мамаю с Олегом рязанским и литовским князем Ягайло. Летописи донесли до нас, что Олег решил пренебречь своими обязательствами перед Мамаем именно под впечатлением благословления на битву с Мамаем, данного Дмитрию Московскому Сергием Радонежским, о котором ему сообщили очевидцы. Некоторые историки полагают также, что Ягайло отказался помогать Мамаю под влиянием митрополита Киприана, унаследовавшего московскую кафедру после смерти Алексия.

Однако в дальнейшем нечто похожее по форме и по содержанию, хотя все-та-

ки не до такой степени яркое и не со столь масштабными персонажами, можно встретить в российской истории, пожалуй, только еще один раз. Имеется в виду Смутное время и ополчение Минина и Пожарского в 1612 году. При этом, хотя религиозная идея являла собой в тот период главную движущую силу имевшего место национально-освободительного подъема, бросается в глаза отсутствие признанных духовных авторитетов общенационального масштаба. Не случайно значительная часть населения оставалась индифферентной в отношении польской агрессии. Более того, на протяжении всего периода Великой смуты находились представители самых разных социальных слоев, готовые признать власть не только самозванцев, настаивавших на своей принадлежности к роду рюриковичей, но и польского претендента королевича Владислава, хотя последний отклонил требование о принятии православия как условия своего воцарения [7, с. 959].

В дальнейшем в ходе русской истории роль церкви как социального института общества становится все более формальной и малопродуктивной, с точки зрения поддержания чувства доверия. Это было обусловлено, прежде всего, тем, что в отношениях церкви как религиозного института общества и светской власти в России уже в XV веке намечается тенденция к эволюционированию в сторону безусловного признания и поддержки церковью авторитета государства во всех его проявлениях и постепенного вращивания отечественного православия в систему политических институтов общества. Не случайно на смену, быть может, внешне не очень ярким, но потрясающим по своей внутренней силе

словам преподобного Сергия, сказанным в преддверии Куликовской битвы, приходят запоминающиеся и звучные, но малосодержательные, а порой и деструктивные в глубинном смысловом отношении формулы типа: «Мы есть Третий Рим, а четвертому не бывать!», «Православие, самодержавие, народность», «Крест на Святую Софию!» и т.п., сильно напоминающие идеологические лозунги и, по сути своей, таковыми и являющиеся. Это ничто иное, как явный симптом перехода русской церкви от идеи к идеологии, утраты ею, в той или иной степени своей идентичности как религиозного института и смещение ее на смысловом уровне в разряд институтов политических, в частности, реализующих функции идеологического обеспечения проводимой государством политики. В результате огосударствления русская церковь как социальный институт все дальше отходила от главной идеи христианства — идеи личного, индивидуального спасения, ставшего возможным благодаря крестной жертве Христа.

Говоря об отличии *идеологии от идеи*, Э. Фромм отмечал, что «идеология — это “мыслительные товары”, которые внушаются людям прессой, ораторами на митингах, идеологами для того, чтобы манипулировать массами в определенных целях, которые очень часто не имеют ничего общего с самой идеей, а просто-таки противоречат ей. Подобного рода идеологии фабрикуются применительно к той или иной цели — когда речь идет, например, о том, чтобы сделать войну популярной, представив ее как борьбу за свободу. Религиозные идеологии помогают удерживать политическое status quo, т.е. политический строй, который может быть полной противополож-

ностью высоким идеям религии, именем которой проповедует данная идеология» [11, с. 226–227].

Показательно в этом отношении, что «в Московский период в русской церкви было наименьшее количество святых. Лучший период в истории русской церкви был период татарского ига, тогда она была наиболее духовно независима и в ней был сильный социальный элемент» [2, с. 10]. Добавим также, что в свой «лучший период» церковь была независима не только в духовном, но и в организационном отношении. Так, например, упоминавшийся выше митрополит Киприан был утвержден в своем сане в 1378 году вопреки желанию Дмитрия Московского, продвигавшего другого кандидата, поддержанного, между прочим, Золотой Ордой [12, с. 92].

Дополнительный импульс и, более того, правовое оформление обозначенная тенденция огосударствления института религии в России получила с упразднением патриаршества и учреждением Петром I в качестве высшего органа церковного управления Священного Синода с государственным чиновником — генерал-прокурором — во главе. При этом религиозная реформа Петра не ограничивалась духовным и организационным «закрепощением» церкви в рамках тотальной государственной системы, но возлагала на нее фискальные и доносительские функции, прямо покушаясь на святая святых — таинство исповеди. Так, в указе от 17 мая 1722 года говорилось: «если во время исповеди кто-то расскажет священнику о несовершенном, но задуманном и намеренном преступлении, особенно предательстве или восстании против правителя или государства, или о планируемых действиях, направленных

во зло чести или здоровью государя и его семьи, и подчеркнет, что не отказывается от задуманного, тогда исповедник должен не только отказать в отпущении грехов, но и немедленно сообщить об услышанном куда нужно» [12, с. 244]. Как видим, идея использования священников в качестве сексотов возникла отнюдь не в недрах советского КГБ, но стала неотъемлемой частью отечественной традиции еще в XVIII веке. Тем самым не просто подрывалась в самой своей первооснове способность русской церкви поддерживать доверие в обществе, но фактически ей вменялось в обязанность сеять недоверие и подозрительность. Не случайно, как отмечают современные историки, при том, что в результате петровских реформ «приходские священники лучше подготавливались, вели службы в соответствии с улучшенными молитвенниками и искореняли языческие обычаи, все это происходило ценой утраты близких и доверительных отношений с прихожанами» [12, с. 245].

Прямые последствия столь чудовищного покушения со стороны государства на первоосновы религии как социального института можно видеть в отсутствии сколько-нибудь яркой роли церкви в эпоху наполеоновских войн. Но особенно ярко они проявились в судьбоносных событиях начала XX века. Несмотря на бесспорное величие трагической фигуры патриарха Тихона, несмотря на обретение огромного числа новомучеников, русская церковь вопреки пророческим предсказаниям своих признанных авторитетов, в частности, Иоанна Кронштадтского и многих Оптинских старцев, вопреки грозным предзнаменованиям первой революции оказалась не готовой к столкновению с вызовом русского

большевизма ни в организационном, ни, по большому счету, в духовном плане.

Более того, многие яркие представители русской церкви, в буквальном смысле подвижники, делами утверждавшие доверие и помогавшие выживать людям даже в адских условиях сталинских лагерей, прямо возлагали ответственность за происшедшее в России на церковь как социальную организацию и конкретных ее представителей. В частности, до нас дошла в подробном изложении речь на данную тему произнесенная о. Арсением (Стрельцовым) в лагере особого назначения во время спора между заключенными.

«Говорите, что коммунисты верующих пересажали, церкви позакрывали, веру попрали. Да, внешне все выглядит так, но давайте посмотрим глубже, оглянемся в прошлое. В народе упала вера, люди забыли свое прошлое, забросили многое дорогое и хорошее. Кто виноват в этом? Власти? Виноваты мы с вами, потому что собираем жатву с посеянных нами же семян.

Вспомним, какой пример давали интеллигенция, дворянство, купечество, чиновничество народу, а мы священнослужители, были еще хуже всех.

Из детей священников выходили воинствующие атеисты, безбожники, революционеры, потому что в семьях своих видели они безверие, ложь и обман. Задолго до революции утратило священство право быть наставником народа, его совестью. Священство стало кастой ремесленников. Атеизм и безверие, пьянство, разврат стало обычным в их среде.

Из огромного количества монастырей, покрывавших нашу землю, лишь пять или шесть были светочами христианства, его совестью, духом, совершенством веры. Это Валаамский монастырь,

Оптина пустынь с ее великими старцами, Дивеевская обитель, Саровский монастырь, а остальные стали общежитиями почти без веры, а часто монастыри, особенно женские, потрясали верующих своей дурной славой» [10, с. 79].

О перерождении русской церкви в идеологический придаток государственной системы свидетельствует и совершенно индифферентная ее реакция на неоднократно имевшие место в российской истории задолго до убийства семьи Николая II факты абсолютно нелегитимного, с точки зрения как мирских, так и церковных законов, устранения от власти царей и императоров.

Такая реакция на события, вопиюще противоречащие одной из центральных идей, озвучиваемых в то время церковью, а именно, идеи о богоданности верховной власти в Российской империи и православном царе как помазаннике Божьем, получающим власть непосредственно от Бога через таинство помазания на царство, прямо указывает на фактический отход от данной идеи ради поддержки политического status quo и политического строя как такового. То есть, реальные действия церковной организации в ту эпоху целиком укладываются в определение «религиозной идеологии», данной Э. Фроммом. В этом смысле характерно, что, скажем, правление «матушки» Екатерины II, по сей день преподносимое некоторыми историками и писателями как «золотой век» Российской империи, было совершенно противоправным, с точки зрения и светских и духовных законов. И, следовательно, олицетворяемый ею политический строй, строго говоря, можно расценивать как полное отрицание и идеи Богом данной самодержавной власти, и высоких идей христианства как ре-

лигии. С этой точки зрения симптоматично, что на фоне демонстрации безусловной, граничащей с фанатизмом, приверженности православию на формально-обрядовом уровне, реальные поступки и образ жизни Екатерины не просто шли вразрез, но являли собой прямой вызов христианской этике и нравственности. При этом нарушение императрицей практически всех заповедей носило откровенно циничный, граничащий с эсгибиционизмом характер.

Вообще говоря, биографии русских царей, являвшихся, в логике богоданности царской власти, персонализированными олицетворениями религиозной составляющей отечественной традиции, весьма показательны с точки зрения преломления содержания института религии на уровне индивидуального сознания и влияния данного института на развитие личности. Наиболее характерными в данном отношении представляются фигуры Ивана Грозного и Петра Великого. В истории их жизни, отношениях с другими людьми, типичных поведенческих реакциях много общего. И тот, и другой демонстрировали все признаки поведения, типичные для параноидальной личности в сочетании с периодическими психотическими эпизодами, увенчавшимися, в конце концов, в обоих случаях детоубийством. И тот, и другой, по свидетельству имеющихся источников, употребляли алкоголь в немереных дозах. И тот, и другой вели бурную, мягко говоря, личную жизнь, не брезгуя гомосексуальными связями.

Такие расстройства, как паранойя и аддикция, в современной психиатрии обычно рассматриваются как этиологически связанные с первым, оральным в психоаналитической терминологии, этапом

развития личности, которому соответствует институт религии в психосоциальной схеме. Именно это обстоятельство представляется наиболее значимым в данном контексте. И если «расколотость» по отношению к религиозной составляющей традиции сознания и личности Ивана Грозного просто бросается в глаза, то Петр I воспринимается в этом смысле, на первый взгляд, фигурой более или менее целостной. Целостной в отношении последовательного вроде бы отказа Петра от традиционного православия. Наш «голландский император» действительно не любил и не терпел старинного благочестия и религиозности. И жестоко глумился над ними, устраивая «всешутейские соборы» с шутовским «патриархом».

Обласканный Петром I и получивший из его рук сан митрополита Феофан Прокопович был, по мнению Н.А. Бердяева, «в сущности протестантом рационалистического толка» [2, с. 13]. Как уже было сказано, Петр упразднил институт патриаршества, заменив его бюрократической структурой. Все эти действия Петра, многие из которых носили демонстративно-вызывающий характер, были направлены против конкретно-исторического оформления института религии, сложившегося в столь отвратительной для петровского сердца московской Руси. В каком-то смысле их можно рассматривать как спонтанную попытку вернуть данному институту утраченную былую целостность через кардинальное переустройство организации. Не случайно Н.А. Бердяев отмечает, что «церковная реформа Петра была вызвана необходимостью. Авторитет иерархии в народе пал раньше Петра. Религиозный раскол нанес страшный удар этому авторитету. Уровень просвещения и культу-

ры церковной иерархии был очень низкий» [2, с. 12]. Однако попытка эта, в которой, как в капле воды, отразилось негативное разрешение базисного конфликта «доверие против недоверия» на уровне личности Петра, оказалась дикой, чудовищно противоречивой и, как следствие, совершенно неэффективной в смысле повышения институциональной vitality русского православия.

Вопиющие противоречия между буквой и духом православного вероучения в России отчетливо проявлялись и на уровне отношений больших социальных групп. Если для «сильных мира сего» в условиях общества, основанного на крепостном праве, «представление о христианской любви к ближнему всегда остается трансцендентным, неосуществимым и в этом смысле «идеологичным», даже если оно совершенно искренне принято в качестве мотива индивидуального поведения» [8, с. 115], то и простой народ, в свою очередь, «смотрел на барина как на чуждую расу. Нигде, кажется, не было такой пропасти между верхним и нижним слоем, как в петровской императорской России» [2, с. 13].

Не случайно открытые формы проявления этого противоречия периодически, в больших или меньших масштабах сотрясавшие Россию, почти не имеют аналогов в европейской истории. Трудно даже вообразить более крайнюю антитезу христианскому вероучению, чем пресловутый «русский бунт, бессмысленный и беспощадный».

Если попытаться выделить ведущую тенденцию трансформации института религии и его роли в российском обществе в ходе исторического процесса, она характеризуется следующими основными факторами. Православная церковь как

религиозный институт российского общества в момент своего возникновения призвана была дать молодой цивилизации институциональное оформление, безусловно, высоких, вдохновенных идей изначального христианства, способных питать и поддерживать детскую vitalность на протяжении всей человеческой жизни до степени, позволяющей двигать горы и ходить по воде. Идей, дающих надежду, ясный предмет и источник веры. Идей, утверждающих базовое доверие до уровня отношения людей друг к другу как к братьям, стирающих границу между «эллином» и «иудеем», порожденную архаичным восприятием всех «чужаков» и по большому счету внешнего мира вообще как потенциального источника угрозы. Как мы видели, в истории русской церкви были периоды, когда она в полной мере выполняла данную миссию, будучи целиком идентичной как Церковь Христова. Однако вся дальнейшая ее история есть история утраты этой самой идентичности. История отхода церковной организации от идей и смысла предания при формальном сохранении его в первоначальном, неизменном виде. Отхода, вплоть до состояния «рабьей зависимости от государства».

Продолжение этой истории мы можем наблюдать и сегодня. Институт религии, едва пережив короткий ренессанс после десятилетий государственного атеизма, в полном соответствии с российской традицией на глазах стал превращаться в идеологический придаток государства. Безусловное первенство в этом принадлежит РПЦ, явно претендующей на роль государственной религии. Причем, если в эпоху Б.Н. Ельцина все дело в общем-то ограничивалось публичными партийно-правительственными

ми стояниями в храмах по двенадцатым праздникам, то в последние годы симбиоз церковной иерархии и государственного аппарата стал приобретать все более неприличный, граничащий с откровенным хулиганством характер. Весьма показательны в данном отношении традиционные пасхальные послания патриарха верующим, с каждым годом все больше превращающиеся из пастырского слова, посвященного празднику воскресения, спасения и искупления, в набор пропагандистских штампов о «патриотизме», «единении», «терпении» и других актуальных в свете очередных «национальных проектов» президентской администрации банальностях.

Взамен РПЦ настойчиво требует от государства все более осязаемых подтверждений своего особого статуса, причем как материального, так и юридического характера. В частности, представители высшего (и не только) духовенства не устают рассуждать о пресловутой «канонической территории», назойливо требуя защиты ее от «посягательств», прежде всего, иностранных *христианских* миссионеров, властными и силовыми структурами. И, надо сказать, получают определенные авансы от государства в данном отношении.

Также ни для кого не секрет, что возникающие споры «хозяйствующих субъектов» вокруг той или иной собственности, в которых фигурирует РПЦ, практически всегда разрешаются в пользу последней, нередко в ущерб действующим учреждениям культуры, образования, здравоохранения.

При этом, проявления деструктивного, с точки зрения институционального подкрепления базисного доверия в обществе, начала в деятельности РПЦ отнюдь не ограничиваются претензией на

конфессиональную исключительность. Постоянно озвучивая призывы к веротерпимости, гражданскому миру и согласию, церковь в лице отдельных своих представителей фактически поддерживает ряд «общественных организаций», таких как «Союз православных граждан», «Союз православных хоругвеносцев» и т.п., а также одиозных «общественных деятелей», чья активность носит явные признаки религиозного фундаментализма и экстремизма.

Наконец, сама РПЦ все больше приобретает черты тоталитарной организации. Вопросы рукоположения высшего духовенства, перемещения священников, назначения на церковные должности давно превратились в закрытое от массы верующих поле для подковерных игр церковной бюрократии и ее кураторов от власти.

В целом на сегодняшний день в РФ имеют место целенаправленные попытки превратить религию из института подкрепления базисного доверия в инструмент эксплуатации доверия в интересах государственной бюрократии. Однако перспективы такого рода попыток более чем сомнительны по той простой причине, что, не находя в церкви реального подкрепления базисного доверия, молодые (и не только) люди отказываются в доверии ей самой.

То, что дело обстоит именно так, следует из заявлений самих церковных иерархов. В частности, записывая в православные подавляющее большинство населения страны (что, как правило, выдвигается в качестве одного из «объективных» аргументов в пользу особой роли РПЦ), они признают, что число воцерковленных граждан в разы меньше. Достаточно зайти в любой храм, в любой день, кроме Пасхи и Рождества Христова, чтобы убедиться:

абсолютное большинство этих воцерковленных составляют богомольные старушки. Молодых людей среди них — единицы. Это означает, что без кардинальных перемен паства РПЦ, подобно электорату коммунистов, будет неуклонно сокращаться за счет естественной убыли.

Данное обстоятельство объективно толкает верхушку церковной иерархии к все более тесному союзу с государственным аппаратом с тем, чтобы компенсировать собственную неспособность и нежелание реформировать церковную организацию в соответствии с объективными потребностями ее развития административным ресурсом. При этом, однако, упускается из виду то обстоятельство, что объем материальных и административных бенефиций со стороны государства в обмен на тотальную лояльность имеет объективно заданный предел. И этот предел, судя по всему, практически достигнут. РПЦ не может стать официальной государственной религией, поскольку на данном поле она вступает в жесткий «стык» с другими традиционными кон-

фессиями, игнорировать притязания которых в современных российских условиях не могут себе позволить ни президент, ни его окружение, даже если они действительно «духовно окормляются» у архимандрита Тихона (Шевкунова), на что любит намекать последний.

Таким образом, в силу объективных причин уже в ближайшем будущем предстоит либо кардинальное реформирование РПЦ, направленное на повышение ее институциональной витальности, либо неуклонное сокращение ее влияния с утратой в перспективе позиций ведущей российской конфессии. И в том, и в другом случае это означает неизбежный пересмотр содержания и смыслов института религии в целом.

В заключение еще раз подчеркнем, что, с точки зрения психосоциальной теории развития, функциональный институт религии является важнейшим инструментом подкрепления базисного доверия, являющегося цементирующей основой любого сообщества, дефицит которого не заменят никакие «духовные скрепы».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аверьянов В.В.* Проблема традиции в русской философии XX века. Дисс... канд. философ. наук. М., 2000. 208 с.
2. *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 224 с.
3. *Булгаков С.Н.* Православие. М.; Терра, 1991. 413 с
4. *Гладков Б.И.* Толкование Евангелия. М.: Столица, 1997. 718 с.
5. *Де Моз Л.* Психоистория. Ростов-на/Д.: Феникс, 2000. 512 с.
6. История Европы: в 8 т. Т. 1 / Ответ. ред. Е.С. Голубцова. М.: Наука, 1998. 704 с.
7. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. 879 с.
8. *Мангейм К.* Идеология и утопия // Утопия и утопическое мышление / Сост. В. Чаликова. М.: Прогресс, 1991. С. 113—169.
9. Никон (арх.) Житие преподобного Сергия Радонежского. Сергиев Посад, 1904. 262 с.
10. Отец Арсений / Под ред. протоиер. В. Воробьева. М., Изд-во Православного Свято-Тихоновского Богословского ин-та, 2000. 749 с.
11. *Фромм Э.* Революция надежды. СПб: Ювента, 1999. 244 с.
12. *Хоскинг Д.* Россия и русские. М.: АСТ, 2003. 492 с.
13. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996. 344 с.

On the Question of Religious Identity: Cross-Cultural Analysis from the Perspective of Theory of Psychosocial Development

V.A. ILYIN,

*Doctor in Psychology, professor at the Faculty of Psychology,
Russian State Social University*

The author addresses the issue of formation and development of the institute of religion in Russian society in the context of the theory of psychosocial development. With Orthodox Christianity as an example of a dominating confession in Russia, the paper analyzes the functionality of the institute from the perspective of its ability to support basic trust in the society. As it is shown, in the process of cultural-historical development Russian Orthodox Christianity has actually lost its initial institutional vitality and nowadays mostly fulfills the role of ideological support for the state. The author further illustrates the main stages and reasons of such transformation with concrete historical facts exploring the matter from the point of view of the psychosocial approach to development.

Keywords: *identity, psychosocial development, religion, basic social institute.*

REFERENCES

1. *Aver'janov V.V. Problema tradicii v russkoj filosofii HH veka. Diss... kand. filosof. nauk. Moscow, 2000. 208 p.*
2. *Berdjaev N.A. Istoki i smysl russkogo kommunizma. Moscow: Nauka, 1990. 224 p.*
3. *Bulgakov S.N. Pravoslavie. Moscow: Terra, 1991. 413 p.*
4. *Gladkov B.I. Tolkovanie Evangelija. Moscow: Stolica, 1997. 718 p.*
5. *De Moz L. Psihoistorija. Rostov-na/D.: Feniks, 2000. 512 p.*
6. *Istorija Evropy: v 8 t. T. 1 / Otvet. red. toma E.S. Golubcova. Moscow: Nauka, 1998. 704 p.*
7. *Karamzin N.M. Istorija gosudarstva Rossijskogo. Moscow: OLMA-PRESS. 2003. 879 p.*
8. *Mangejm K. Ideologija i utopija // Utopija i utopicheskoe myshlenie / Sost. V. Chalikova. Moscow: Progress, 1991, pp. 113–169.*
9. *Nikon (arh.) Zhitie prepodobnogo Sergija Radonezhskogo. Sergiev Posad, 1904. 262 p.*
10. *Otec Arsenij / Pod red. protoier. V. Vorob'eva. Moscow: Publ. Pravoslavnogo Svjato-Tihonovskogo Bogoslovskogo in-ta, 2000. 749 p.*
11. *Fromm Je. Revoljucija nadezhdy. Saint Petersburg: Juventa, 1999. 244 p.*
12. *Hosking D. Rossija i russkie. Moscow: AST, 2003. 492 p.*
13. *Jerikson Je. Identichnost': junost' i krizis. Moscow: Progress, 1996. 344 p.*

Половые и гендерные различия в представлениях о психологической безопасности¹

Н.Е. ХАРЛАМЕНКОВА,

доктор психологических наук, заведующая лабораторией психологии посттравматического стресса Института психологии РАН

В статье поставлена проблема половых и гендерных различий в представлениях о психологической безопасности. В ходе эмпирического исследования проверялась справедливость гипотезы, согласно которой психологическая безопасность чаще всего ассоциируется с потребностью в самосохранении и со здоровьем, которые имеют свои особенности у мужчин и женщин с разной гендерной идентичностью. Показано, что в представлениях мужчин безопасность связана с информированностью и контролем, а в представлениях женщин — со здоровьем и защищенностью. Влияние гендера оказалось менее существенным по сравнению с влиянием пола, а гендерные различия в представлениях о безопасности оказались сходными с половыми различиями.

Ключевые слова: психологическая безопасность, половые различия, маскулинность, фемининность, андрогинность.

Введение

Проблема безопасности и ее психологические аспекты изучаются современной наукой очень интенсивно. Интерес к ней определяется объективными причинами, в том числе расширением диапазона стрессоров, влияющих на человека, а также повышением силы и частоты их воздействия.

Потребность в безопасности является базовой потребностью человека, удовлетворение которой требует постоянного усилия со стороны личности, причем, как при воздействии стрессоров разной интенсивности, так и без их ощутимого влияния на субъекта. Несмотря на универсальность переживаний, связанных с

нарушением безопасности, нельзя игнорировать разнообразие представлений о безопасности и, соответственно, вариативность реакций на опасность. Эта вариативность обусловлена целой совокупностью факторов, и, прежде всего, определяется возрастными и половыми особенностями человека.

В представлениях о том или ином явлении отражается субъективное восприятие этого явления, по которому можно понять отношение к нему, спектр переживаний, связанных с ним, а также действия, которые будут предприняты в реальной жизненной ситуации, проявляющей себя в конкретных феноменах. Все это верно и при исследовании представлений о безопасности,

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 13-06-00390 «Теоретико-эмпирическое исследование психологической безопасности личности: разработка теоретической модели»).

в которых концентрируется опыт субъекта в достижении и сохранении личной безопасности.

Довольно часто человек чувствует себя в безопасности тогда, когда ничто не угрожает его здоровью и удовлетворяется потребность в самосохранении. А. Маслоу соотносил потребность в безопасности со стремлением человека к стабильности и с избеганием или преодолением угроз. Он писал: «Потребность в безопасности редко выступает как активная сила, она доминирует только в ситуациях критических, экстремальных, побуждая организм мобилизовать все силы для борьбы с угрозой» [2, с. 85]. К критическим ситуациям он относил войны, болезни, стихийные бедствия, социальные кризисы и др. Так или иначе нарушение безопасности рассматривалось им как угроза жизни и, соответственно, как угроза самосохранению.

Потребности в самосохранении и в безопасности очень близки друг другу вследствие того, что их наличие переживается человеком как стремление к сохранению жизни и здоровья и требует от него совершения конкретных действий (поддержания состояния стабильности или обращения в бегство, поиска помощи, включения в борьбу и др.), которые позволили бы ему справиться со страхом смерти и достигнуть состояния равновесия и покоя. Однако, несмотря на близость ощущений, связанных с этими потребностями, они не являются идентичными друг другу. Используя модель иерархии потребностей, предложенную А. Маслоу, можно отнести потребность в самосохранении к первому

уровню иерархии (уровню физиологических потребностей), а потребность в безопасности — ко второму. Иными словами, потребность в безопасности, как это было показано нами в предыдущих работах [3; 4; 6], ассоциируется с различными угрозами; и лишь одной из них является угроза жизни. Потребность в безопасности включает в себя потребность в самосохранении, но не ограничивается ею. Можно предположить, что в зависимости от социально-демографических, социально-психологических и личностных особенностей потребность в самосохранении будет по-разному оцениваться субъектами как одно из проявлений потребности в безопасности.

Программа эмпирического исследования

В настоящей статье предмет исследования был ограничен выбором социально-демографических характеристик, а именно половых и гендерных особенностей респондентов.

Цель исследования состояла в выявлении половых и гендерных различий в представлениях о психологической безопасности респондентов разного пола.

Гипотеза исследования: психологическая безопасность чаще всего ассоциируется с потребностью в самосохранении и со здоровьем, которые имеют свои особенности у мужчин и женщин с разной гендерной идентичностью.

Выборка: 45 женщин и 49 мужчин разных профессий в возрасте от 35 до 45 лет².

² Данные были собраны А.П. Литавриной под научным руководством Н.Е. Харламенковой [1].

Методики:

1. Для оценки представлений о психологической безопасности применялась *Анкета психологической безопасности*, разработанная в лаборатории психологии посттравматического стресса Института психологии РАН, которая представляет собой список из 60 дескрипторов, наиболее часто ассоциирующихся с психологической безопасностью [7]. Всем респондентам необходимо было оценить степень близости того или иного дескриптора к своему представлению о безопасности (по шкале от +2 — абсолютно соответствует до -2 — совершенно не соответствует).

2. Методика «МиФ» (Маскулинность и Фемининность). Предлагаемая модификация методики базируется на перечне маскулинных и фемининных качеств, предложенных Т.Л. Бессоновой, которая основывалась на концепции андрогинии С. Бем [5]. Респонденту предлагалось завершить предложения («На самом деле я...», «Мужчины считают, что я...», «Женщины считают, что я...» и др.), используя один и тот же список слов и четыре варианта ответов: «всегда», «обычно», «иногда», «никогда». Рассчитывались средние показатели маскулинности и фемининности и определялся тип гендерной идентичности: маскулинность и фемининность выше 17 баллов — андрогинный тип, маскулинность выше, а фемининность ниже 17 баллов — маскулинный тип, фемининность выше, а маскулинность ниже 17 баллов — фемининный тип, маскулинность и фемининность ниже 17 баллов — недифференцированный тип.

Для обработки результатов был использован статистический пакет Statistica 8.0: U-критерий Манна—Уитни,

факторный анализ (method Principal components, Varimax raw).

Результаты эмпирического исследования и их обсуждение

Оценка предпочтений в выборе слов-дескрипторов в сравниваемых группах осуществлялась путем подсчета суммы баллов по ответам +1 и +2 по каждому из 60 дескрипторов Анкеты психологической безопасности у всех респондентов группы с последующим расчетом верхних квартилей. Если суммы баллов по определенному дескриптору превышали значения верхнего квартиля, то их рассматривали как наиболее предпочитаемые ассоциации. Результаты представлены в табл. 1, в которой указаны дескрипторы с наибольшими суммами баллов.

Первые пять рангов из категории наиболее частотных ассоциаций на слово «безопасность» у мужчин занимают «контроль ситуации», «уверенность в себе», «самосохранение», «жизненный опыт, опытность», «здоровье». При этом по сравнению с женщинами в категорию наиболее предпочитаемых ассоциаций у мужчин не вошли «отсутствие угроз», «доверие», «отсутствие тревоги, страха», «любовь», «свобода», «мир в стране».

У женщин на первом месте оказались «здоровье», «контроль ситуации», «самосохранение», «дом, жилье», «защита защищенность». В категорию наиболее предпочитаемых ассоциаций у женщин не вошли «жизненный опыт, опытность», «физическая подготовка, сила», «компетентность, ум», «обдумывание, прогнозирование», «владение информацией».

Таблица 1
**Предпочтения (ранги) в выборе
 дескрипторов мужчинами
 и женщинами**

№	Дескрипторы	Муж- чины	Жен- щины
1	Контроль ситуации	1	2
2	Уверенность в себе	2	7
3	Самосохранение	3	3
4	Жизненный опыт, опытность	4	-
5	Здоровье	5	1
6	Надежность	6	6
7	Надежные друзья, верность	7	8
8	Владение информацией	8	-
9	Уверенность в окружении	9	10
10	Защита, защищенность	10	5
11	Физическая подготовка, сила	11	-
12	Компетентность, ум	12	-
13	Надежный спутник, опора	13	16
14	Дом, жилье	14	4
15	Обдумывание, прогно- зирование	15	-
16	Отсутствие угроз	-	9
17	Доверие	-	11
18	Отсутствие тревоги, страха	-	12
19	Любовь	-	13
20	Свобода	-	14
21	Мир в стране	-	15

Примечание. Цифры указывают на большее (1 ранг) или меньшее (15 или 16 ранг) предпочтение дескриптора в группе значимых ассоциаций; знак «-» означает, что сумма баллов, набранная по данному дескриптору, не превышает значения верхнего квартиля, и этот дескриптор не входит в группу самых предпочитаемых ассоциаций.

Сопоставление представлений о психологической безопасности у мужчин и женщин позволяет определить, что для мужчин она тесно связана с внутренним опытом и уверенностью в себе, с разви-

тием физических и интеллектуальных ресурсов, т.е., по-существу, со своими умениями и возможностями. В представлениях женщин находиться в безопасности значит иметь здоровье, свой дом и быть защищенной, используя внешние средства. В «мужской» безопасности можно выделить рациональную составляющую (обдумывание, компетентность, ум), а в женской — эмоциональную (любовь, доверие, отсутствие страха).

Для получения статистически значимых различий между мужской и женской выборками был применен критерий Манна–Уитни (табл. 2). Сравнивались дескрипторы, баллы по которым оказались выше нижнего квартиля.

В целом полученные результаты нашли свое подтверждение при расчете статистически значимых различий. У мужчин выше показатели по переменным «жизненный опыт, опытность», «осторожность, отказ от риска». У женщин наблюдаются высокие показатели по переменным, связанным с эмоционально-чувственной сферой: радость, любовь, счастье, доверие, чувство комфорта. Для женщин, как было показано выше, важна своя территория — дом; не менее важной оказалась поддержка мамы.

Несмотря на выявленные половые различия, у большинства респондентов безопасность ассоциируется с потребностью в самосохранении и со здоровьем, что подтверждает справедливость выдвинутой нами гипотезы. Для понимания специфики этой связи у мужчин и женщин и уменьшения размерности данных (количества переменных) был использован факторный анализ — метод главных компонент (Principal Component analysis, PCA) и варимакс-враще-

Таблица 2

Статистически значимые различия между мужской и женской выборками при сравнении баллов, набранных по дескрипторам психологической безопасности

Дескрипторы	Сумма рангов мужчины	Сумма рангов женщины	U	P
Доверие	1972.0	2398.0	784	0.03
Дом, жилье	2005.5	2459.0	780	0.02
Радость	2042.0	2440.0	799	0.02
Жизненный опыт, опытность	2573.0	1891.5	856	0.04
Чувство комфорта	2026.0	2438.0	801	0.03
Любовь	2063.5	2401.0	838	0.04
Осторожность, отказ от риска	2593.0	1872.5	837	0.04
Счастье	1999.5	2466.0	774	0.01
Отсутствие угроз	2047.0	2417.5	822	0.03
Поддержка мамы	2062.5	2402.0	837	0.04

ние (Varimax Rotation). У мужчин факторизация была проведена по девяти переменным, набравшим наибольшее количество баллов (см. табл. 1).

В результате выделено три фактора, определяющих представления о психологической безопасности у мужчин.

1-й фактор — *владение информацией* — «владение информацией» (0.82), «надежность» (0.80), «контроль ситуации» (0.74), «уверенность в себе» (0.6); собственный вес равен 2.05, процент объясняемой дисперсии — 31.7 %.

2-й фактор — *самосохранение* — «самосохранение» (0.77), «жизненный опыт, опытность» (0.65), «здоровье» (0.50); собственный вес равен — 1.4, процент объясняемой дисперсии — 17.4 %.

3-й фактор — *уверенность в окружении* — «уверенность в окружении» (-0.77), «надежные друзья» (-0.54); собственный вес равен — 1.3, процент объясняемой дисперсии — 13.7 %.

Интересно отметить, что для мужчин безопасность связана с владением информацией и с контролем ситуации, т.е. с активной жизненной позицией.

Самосохранение, являясь вторым фактором, сопряжено с жизненным опытом и со здоровьем. Подтверждением того, что безопасность для мужчин определяется их собственной активностью (информированностью, опытом, умом и др.), является тот факт, что внешняя среда (окружение и друзья) рассматриваются как переменные, которые могут снижать собственную безопасность, так как веса переменных, которые входят в третий фактор, имеют отрицательное значение.

В женской выборке факторный анализ проводили по восьми переменным, набравшим наибольшие баллы. Было выделено три фактора, определяющих представления о психологической безопасности у женщин.

1-й фактор — *здоровье* — «здоровье» (0.86), «защита, защищенность» (0.68), «отсутствие угроз» (0.67); собственный вес равен 2.2, процент объясняемой дисперсии — 27.7 %.

2-й фактор — *самосохранение* — «самосохранение» (0.87), «надежные друзья» (0.67), «контроль ситуации» (0.59);

собственный вес равен — 1.6, процент объясняемой дисперсии — 19.5 %.

3-й фактор — *дом, жилье* — «дом, жилье» (0.75), «уверенность в себе» (0.7), «контроль ситуации» (-0.57); собственный вес равен — 1.4, процент объясняемой дисперсии — 17.4 %.

У женщин «здоровье» и «самосохранение» попали в разные факторы. Здоровье сопряжено с отсутствием угроз и защищенностью, и является первым фактором, а самосохранение (второй фактор) — с надежными друзьями и контролем ситуации. Третий фактор психологической безопасности — наличие своего дома, жилья.

Полученные данные подтверждают справедливость выдвинутой гипотезы и свидетельствуют о том, что для мужчин безопасность ассоциируется с активными физическими и ментальными действиями; самосохранение и здоровье тесно связаны между собой и сопряжены с жизненным опытом; достижение безопасности не соотносится с поддержкой окружения, которое в представлениях мужчин в большей степени препятствует этому процессу. Для женщин быть в безопасности означает быть здоровой. В отличие от мужчин для женщин важны не столько свои собственные возможности, сколько возможности окружения (надежные друзья, жилье).

Известно, однако, что половые различия не всегда соответствуют гендерным предпочтениям, особенно в таких социальных условиях, в которых традиционные роли претерпевают изменения и начинают взаимно пересекаться, в чем-то дублировать друг друга. Для проверки второй части гипотезы о различиях в представлении о безопасности у субъектов с разной гендерной идентичностью

был использован опросник «МиФ». По результатам тестирования выборка была разделена на 4 группы: 1) андрогинные (набравшие баллы выше 17 по шкалам маскулинности и фемининности) — 30 человек, 13 женщин и 17 мужчин; 2) фемининные (набравшие баллы выше 17 только по шкале фемининности) — 23 человека, 17 женщин и 6 мужчин; 3) маскулинные (набравшие баллы выше 17 только по шкале маскулинности) — 16 человек, 4 женщины и 12 мужчин; 4) недифференцированные (набравшие ниже 17 баллов по обоим шкалам) — 25 человек, 11 женщин и 14 мужчин.

Были проведены три необходимых для проверки справедливости гипотезы сравнения: маскулинных мужчин и фемининных женщин, андрогинных мужчин и женщин и недифференцированных мужчин и женщин. Различия по переменным (дескрипторам Анкеты психологической безопасности), по которым были получены невысокие баллы (в пределах нижнего квартиля) в анализе не учитывались.

Получены незначительные статистические различия, которые, однако, совпадают с выявленными половыми различиями (см. табл. 2), и показывают, что безопасность фемининной женщины связана с наличием дома, чувства доверия к окружающим и ощущением комфорта. Для маскулинного мужчины эти факторы менее значимы, возможно, в силу того, что в паре с женщиной мужчина берет на себя другие функции по обеспечению безопасности, и тогда эта пара становится комплементарной (см. табл. 3).

Предполагалось, что сравнение андрогинных и недифференцированных мужчин и женщин не выявит различий между

Таблица 3

Сравнение маскулинных мужчин и фемининных женщин по представлениям о психологической безопасности

Дескрипторы	Сумма рангов мужчины	Сумма рангов женщины	U	P
Доверие	115	320	37,0	0,004
Дом, жилье	124	310	46,5	0,01
Чувство комфорта	133	301	55,5	0,04

ними по представлению о психологической безопасности. Тем не менее, оказалось, что это не так, и сугубо женские и мужские черты проявились даже при наличии гендерного сходства. Интересно отметить, что андрогинные женщины не продемонстрировали типичные женские представления о безопасности, а андрогинные мужчины — как мужские (жизненный опыт, опытность), так и женские (отсутствие тревоги, страха; спокойствие, умиротворенность) характеристики (табл. 4). Однако в целом, отмечена тенденция сближения половых и гендерных стереотипов в представлениях о психологической безопасности андрогинными мужчинами и женщинами.

Такая же картина наблюдается при сравнении мужчин и женщин, идентичность которых не дифференцирована по признакам маскулинности и фемининности. Между ними получены различия

по переменным «доверие» ($U=36.5$, $p=0.04$), «безмятежность, легкость» ($U=28.5$, $p=0.008$) и «осторожность, отказ от риска» ($U=29$, $p=0.01$). По первым двум высокие значения получены у женщин, по последней — у мужчин.

Результаты исследования представлений о безопасности у мужчин и женщин с разной гендерной идентичностью не противоречат сложившимся в психологии стереотипам «мужского» и «женского» за исключением некоторых особенностей. Это, прежде всего, соотношение потребности в безопасности и потребности в самосохранении у мужчин и женщин и различия между полами в оценке влияния социального окружения на психологическую безопасность.

По нашим данным, и у мужчин, и у женщин потребность в самосохранении тесно связана с потребностью в безопасности. Специфика самосохранения была

Таблица 4

Сравнение андрогинных мужчин и женщин по представлениям о психологической безопасности

Дескрипторы	Сумма рангов мужчины	Сумма рангов женщины	U	P
Порядок, соблюдение норм, правил	307	128.5	50.5	0.016
Отсутствие тревоги, страха	230.5	204	51.5	0.025
Жизненный опыт, опытность	296	139	61	0.047
Спокойствие, умиротворенность	301	134	56	0.043
Отсутствие угроз	195	239	42.5	0.008

выявлена при проведении факторного анализа. Он показал, что самосохранение не идентично безопасности и делает в нее вклад совместно с другими потребностями. Главным в обеспечении безопасности для мужчин является информированность и контроль — активные регулятивные функции, функции овладения обстоятельствами, ситуацией. Самосохранение, занимая второе место в представлениях о безопасности у мужчин, соотносится с жизненным опытом и, по-существу, также основывается на функции овладения и регуляции.

У женщин представления о безопасности, в первую очередь, соотносятся со здоровьем и защищенностью, т.е. с тем, что женщине дала природа, и предлагают обстоятельства жизни, которые она использует в целях своей безопасности. В отличие от мужчин женщине нужны дополнительные, внешние ресурсы для обеспечения защищенности и безопасности. Самосохранение здесь также занимает второе место, но в отличие от представления мужчин о безопасности тесно связано с надежностью ближайшего окружения. Это и не удивительно, ведь во многих исследованиях показано, что женщины стремятся к поддержанию коммуникативных связей, а мужчины — к развитию своего Я. Интересно другое, что свою безопасность мужчины не только не соотносят с надежностью окружения и уверенностью в нем, но и отвергают эту возможность, рассматривая ее как помеху. Следует допустить, что в разных выборках мужчин выявленная особенность может проявлять себя по-разному и выражаться в больших или меньших сомнениях в надежности окружения. Тем не менее, нужно признать, что в отличие от женщин мужчины более авто-

номны в достижении своей безопасности и больше доверяют своей информированности и осведомленности. Это, однако, не исключает того, что соединение мужского и женского вариантов в достижении и сохранении безопасности, например, для построения семейной жизни, способно усилить как личную безопасность, так и безопасность супружеской пары. Конечно, возможно и обратное, т.е. ослабление личной, супружеской безопасности вследствие негативного влияния на семейную систему кого-либо из ее членов, но в этом случае данных о половой и гендерной идентичности, по-видимому, будет недостаточно и возникнет необходимость в изучении личностных особенностей конкретного субъекта, а также в исследовании столь же конкретной семьи и ее истории.

Заключение

Подводя итоги проведенного исследования, отметим, что специфика представлений о психологической безопасности определяется половыми различиями между людьми. Оказалось, что влияние гендера не столь существенно, как влияние пола, и во многом совпадает с результатами, полученными при оценке различий между мужчинами и женщинами. Мужские (маскулинные) предпочтения в представлениях о психологической безопасности основаны на активных стратегиях поведения, женские (фемининные) — на пассивных. Это объясняется закрепившейся в филогенезе половой дифференциацией и связанной с ней спецификой мужского и женского поведения. Предложенное объяснение можно использовать и для обоснования

предпочтений самостоятельных действий мужчинами и совместных коммуникативных стратегий женщинами в достижении безопасности.

Важно также подчеркнуть, что в тех случаях, когда маскулинные и фемининные признаки уравниваются, т.е. в случае андрогинной идентичности, тенденция сближения половых и гендерных стереотипов в представлениях о психологической безопасности андрогинными мужчинами и женщинами сохраняется. При этом выявлен интересный феномен: представления андрогинных женщин о безопасности не включают типично женские ассоциации, а андрогинные мужчи-

ны включают как мужские (жизненный опыт, опытность), так и женские (отсутствие тревоги, страха; спокойствие умиротворенность) характеристики. Этот феномен, скорее всего, имеет социальную природу и появляется вследствие выраженной маскулинизации женщин и андрогинизации мужчин, подкрепляемых обществом и влияющих не только на представления о психологической безопасности, но и на разные сферы жизнедеятельности. Усиление этой тенденции может привести к нарушению баланса между «мужским» и «женским» в социуме и повлиять на процесс усвоения половой роли мальчиками и девочками.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Литаврину А.П.* Представление о личной безопасности у мужчин и женщин с разным типом гендерной идентичности: дипломная работа. М., ГАУГН, 2013.
2. *Маслоу А.* Мотивация и личность. СПб.: Евразия, 2001. 478 с.
3. Проблемы психологической безопасности / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Н.В. Тарабрина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. 440 с.
4. *Тарабрина Н.В., Быховец Ю.В.* Террористическая угроза: теоретико-эмпирическое исследование. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. 156 с.
5. *Ткаченко А.А., Введенский Г.Е., Дворянчиков Н.В.* Судебная сексология. Руководство для врачей. М.: Медицина, 2001. 440 с.
6. *Харламенкова Н.Е.* Личностная безопасность и стратегии ее достижения // Проблемы психологической безопасности / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Н.В. Тарабрина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 133–159.
7. *Харламенкова Н.Е.* Представление о психологической безопасности: возрастной и личностный компоненты // Современная личность: Психологические исследования / Отв. ред. М.И. Воловикова, Н.Е. Харламенкова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 141–160.

Sex and Gender Differences in Representations of Psychological Safety³

N.E. KHARLAMENKOVA,

Doctor in Psychology, head of the Laboratory of Psychology of Posttraumatic Stress, Institute of Psychology of the Russia Academy of Sciences

The paper addresses the problem of sex and gender differences in representations of psychological safety. An empirical research was carried out to test the hypothesis that psychological safety is most often associated with health and the need for self-preservation which have certain specifics in men and women with different gender identities. The paper shows that men tend to associate safety with knowledge and control, while women tend to associate it with health and security. The influence of gender was found to be less significant than that of sex, and gender differences in representations of safety turned out to be similar to sex differences.

Keywords: *psychological safety, sex differences, masculinity, femininity, androgyny.*

REFERENCES

1. Litavrina A.P. Predstavlenye o lichnostnoy besopasnosti u muzhchin i zhenshin s raznym tipom gendernoy identichnosti: diplomnaya rabota. Moscow, GAUGN, 2013.
2. Maslou A. Motivatsiya i lichnost. Sankt-Peterburg.: Evraziya. 478 p.
3. Problemy psikhologicheskoy bezopasnosti / Zhuravlev A.L., ed. Moscow: Izdatelstvo "Instituta Psichologii RAN", 2012. 440 p.
4. Tarabrina N.V., Bychovetz Yu.V. Terroristicheskaya ugroza: teoretiko-empiricheskoe issledovanie. Moscow: "Izdatelstvo Instituta Psichologii RAN", 2014. 156 p.
5. Tkachenko A.A., Vvedensky G.E., Dvoryanchikov N.V. Sudebnaya seksologiya. Rukovodstvo dlya vrachei. Moscow: Medicine, 2001. 440 p.
6. Kharlamenkova N.E. Lichnostnaya bezopasnost i strategii yeye dostizeniya. Problemy psikhologicheskoy / Zhuravlev A.L., ed. Moscow: Publ "Instituta Psichologii RAN", 2012a. pp. 133–159.
7. Kharlamenkova N.E. Predstavlenie o psihologicheskoy besopasnosti: vozrastnoy i lichnostniy komponenty // Sovremennaya lichnost': Psihologicheskie issledovaniya / Otv. red. M.I. Volovikova, N.E. Harlamenkova. Moscow: Publ. "Institut psihologii RAN", 2012. pp. 141–160.

³ This work was supported by the Russian Foundation for Humanities (project № 13-06-00390 "Theoretical-and-empirical investigation of personality psychological safety: the constructing of theoretical model").

Когнитивно-стилевые детерминанты успешности профессиональной деятельности¹

А.С. БАКАНОВ,

*кандидат технических наук, научный сотрудник
Института психологии РАН*

М.Е. ЗЕЛЕНОВА,

*кандидат психологических наук, научный сотрудник
Института психологии РАН*

В статье представлены результаты экспериментального исследования эффективности работы с электронными документами в зависимости от когнитивно-стилевых особенностей субъектов трудовой деятельности и характера предъявления текста на экране компьютера. Выявлены взаимосвязи критериев успешности деятельности с такими когнитивными стилями, как «полезависимость/полнезависимость», «узкий/широкий диапазон эквивалентности», «импульсивность/рефлексивность». В исследовании применялся специально разработанный программный модуль, позволяющий имитировать работу сотрудников ведомств. Диагностика когнитивных стилей осуществлялась с использованием методик «Включенные фигуры» Г. Уиткина, «Свободная сортировка объектов» Р. Гарднера и В. Колги, «Сравнение похожих рисунков» Дж. Кагана.

Ключевые слова: *индивидуально-личностные особенности, когнитивные стили, принятие решений, регуляция деятельности, эффективность деятельности, системы электронного документооборота.*

Внедрение новейших научных достижений в экономику, усложнение и автоматизация технологических процессов, использование информационных моделей и робототехники существенно меняет характер труда и влечет за собой усиление роли «человеческого фактора» в обеспечении результативности и безопасности трудовой деятельности. Социальная и экономическая значимость последствий нарушения трудового процесса (точности, своевременности,

безошибочности и т.д.) в системах управления постоянно увеличивается. Анализ последствий масштабных техногенных катастроф показывает, что эффективность деятельности и снижение риска возникновения аварий зависит не только от организации производства, но во многом определяется особенностями менталитета отдельных людей. Потребность в изучении закономерностей поведения и деятельности человека в системах управления техникой и человечес-

¹ Государственное задание ФАНО РФ № 0159-2015-0005.

кими ресурсами, разработка практических рекомендаций по оптимизации различных составляющих этого процесса за последние годы приводит к тому, что прогнозирование профессиональной пригодности субъектов трудовой деятельности, выявление психологических факторов, оказывающих влияние на качество и надежность работы разных категорий специалистов, остаются в числе наиболее значимых проблем социальной психологии труда [1; 7 и др.].

В настоящее время накоплен большой эмпирический материал, позволяющий утверждать, что успешность работы профессионалов зависит не только от уровня их подготовленности, профессиональных компетенций, опыта работы и т. д., но во многом определяется личностными особенностями участников трудового процесса. В исследованиях В.А. Бодрова, Л.Г. Дикой, М.А. Котика, О.А. Конопкина и многих других показано, что индивидуально-стилевые характеристики, способы принятия решений, структура самосознания и уровень профессиональной мотивации оказывают регулирующее влияние на все аспекты поведения человека, играют важную роль в достижении целей и успешности выполнения производственных заданий [10; 15; 25; 26 и др.].

Согласно положениям теории ресурсного подхода, индивидуально-личностные особенности наряду с физиологическими, соматическими, социально-демографическими и другими составляющими выступают в качестве одного из важных факторов, влияющих на успешность индивида во всех сферах его жизнедеятельности, включая профессиональную. Внутренние ресурсы рассматриваются как энергетический, информа-

ционный, поведенческий потенциал, обеспечивающий реализацию трудовых задач и достижение заданных показателей. При этом подчеркивается, что результативность деятельности зависит не только от количества имеющихся ресурсов, но и от эффективности их применения [6; 8]. Компонентный и структурный состав психологических ресурсов субъекта труда остается до конца не раскрытым. В наибольшей степени эмпирически изучены внутренние и внешние переменные, способствующие психологической устойчивости человека в экстремальных ситуациях, а также физиологические, когнитивные и поведенческие возможности индивида, используемые для адаптации к трудным жизненным ситуациям [2; 9; 19 и др.].

Представители метасистемного подхода предлагают анализировать психическую регуляцию деятельности и поведение человека с учетом двух уровней взаимодействия — внешнесистемного и внутрисистемного. При этом считается, что именно метарегулятивная активность самого субъекта, выступая в качестве интегрирующего звена, позволяет объединить разные системные уровни (физиологический, личностный, социально-психологический, профессиональный и т.д.) и обеспечить распределение внутренних ресурсов и их использование применительно к конкретной ситуации [16; 23; 35 и др.].

Проблема выявления индивидуально-типических особенностей процесса саморегуляции активности и поведения человека в процессе осознанной регуляции деятельности рассматривается в работах, проводимых в русле дифференциального подхода. Авторами данного направления определены и проанализиро-

ваны индивидуальные стили саморегуляции, показаны их особенности применительно к разным видам труда, описаны «эффективные» и «неэффективные» профили субъекта трудовой деятельности, на основе конфигурации которых можно прогнозировать продуктивность и надежность при выполнении профессиональных заданий специалистами разных профессий [28].

В работах В.Ф. Венды, А.И. Галактионова, Н.Д. Заваловой, В.А. Пономаренко и многих других широко освещены вопросы влияния информационных факторов на деятельность человека и его состояние в трудовом процессе [13; 14; 17 и др.]. Важное место отводится проблеме информационного стресса, особенностям принятия решений в условиях информационной перегрузки и дефицита времени, выявлению психологических механизмов взаимодействия человека с интеллектуальной информационной средой обитания [6; 18; 32 и др.]. В исследованиях О.И. Ларичева и А.Б. Петровского отмечается, что в ходе взаимодействия с интеллектуальной информационной средой специалисту приходится учитывать большое число различных факторов, а также решать задачи многокритериального выбора. Это приводит к нагрузке на человеческую систему переработки информации, вынуждая индивида использовать разные, порой весьма оригинальные эвристики для решения поставленных задач [27; 29]. Возможности человека по приему и переработке информации с позиций когнитивной психологии описываются с помощью различных функциональных моделей структуры памяти пользователя, механизмов процесса мышления и других познавательных процессов [12; 20].

Постановка проблемы и программа исследования

Значительное увеличение информационных потоков, развитие и внедрение электронных технологий в делопроизводство повлияли на переход к безбумажному документообороту во многих органах исполнительной власти РФ. Изменение характера работы с документацией вызвало определенные трудности, связанные с обеспечением эффективности и надежности деятельности в процессе межведомственного взаимодействия. В крупные управленческие организации ежедневно поступают сотни документов. Ошибки, возникающие при сортировке и попадании документов в непрофильные подразделения, нередко приводят к нарушению сроков и серьезным задержкам в реализации важных правительственных указов и проектов. Для сбора, распределения, архивирования и т.д. документов в таких организациях используются системы электронного документооборота [5]. Практика показывает, что существует не только необходимость совершенствования подобного рода автоматизированных систем, но и необходимость осуществлять подбор кадров, способных наиболее эффективно работать на их основе. Специалисты данного профиля должны не только хорошо представлять общую структуру и специфику работы отдельных ведомственных подразделений, уметь анализировать и распределять входящие документы, но и располагать навыками пользования компьютерными программами и современными техническими средствами, помогающими решать поставленные задачи, обладать определенными способностями и индивидуально-личностными качествами [4; 30 и др.].

Целью представленной работы явилось изучение взаимосвязей между когнитивно-стилевыми особенностями субъектов трудовой деятельности и эффективностью выполнения заданий при работе с электронной документацией. Предполагаемые взаимозависимости схематически представлены на рисунке.

Рис. Схематическое изображение взаимосвязей показателей когнитивных стилей с критериями эффективности работы с электронной документацией:

ПЗ/НПЗ — полнезависимость/ полнезависимость; И/Р — импульсивность/ рефлексивность; УДЭ/ШДЭ — узкий/широкий диапазон эквивалентности

По мнению ряда ученых, именно когнитивные стили в значительной степени определяют индивидуальные способы переработки информации, участвуют в процессе выбора и принятия решений в трудовой деятельности, регулируют аффективные и поведенческие аспекты активности человека [21; 31; 33 и др.]. Показана важная роль когнитивно-стилевых особенностей субъекта труда в реализации деятельности, предполагающей самостоятельность и ответственность при принятии решений, особенно в ситуациях с высокой степенью неопределенности. При этом подчеркивается роль

когнитивных стилей в качестве системообразующих (интегрирующих, узловых) факторов в процессе осуществления выбора [22]. В работах М.А. Холодной, И.П. Шкуратовой и других исследователей было также показано, что при выполнении заданий по сортировке объектов «аналитики» (стиль «узкий/широкий диапазон эквивалентности» — полюс узости диапазона эквивалентности) значительно чаще опираются на явные формальные признаки объектов, тогда как «синтетика» (полюс широты диапазона эквивалентности) учитывают и дополнительные, неявные взаимозависимости между объектами [33; 34]. Согласно результатам исследований, проведенных Т.Н. Брусенцовой, В.А. Колга и другими учеными, когнитивные стили оказывают влияние на качество работы с текстами, что позволяет некоторым индивидам получать определенные преимущества при выполнении заданий, например, когда нужно переструктурировать (реорганизовать) определенный текст [11; 24 и др.].

Процедура и методы исследования.

В представленном исследовании моделировалась деятельность сотрудников ведомств, в задачу которых включено ознакомление с содержанием входящих документов, их анализ и оценка с целью определения государственных структур, в которые конкретный документ должен быть передан для дальнейшей работы [4].

Экспериментальное исследование включало три этапа (табл. 1).

На первом этапе эксперимента использовался специально разработанный программный комплекс, воспроизводящий основные принципы работы системы электронного документооборота в

Схема экспериментального исследования

Этапы исследования	Цели и характер деятельности испытуемого
I этап	Работа с текстовыми документами на экспериментальной установке, имитирующей традиционную деятельность сотрудников ведомств в системе электронного документооборота по сортировке документации, и принятие решений по их отправке
II этап	Работа с текстовыми документами на экспериментальной установке после введения специального программного модуля поддержки (сортировка электронных документов с опорой на выделенные слова и принятие решений по их отправке)
III этап	Психологическое тестирование участников исследования с целью диагностики когнитивно-стилевых особенностей

ходе поступления и перераспределения текстовых документов. Для предъявления испытуемым был подготовлен набор текстов, аналогичных тем, с которыми работают в госучреждениях в системах документооборота.

На втором этапе работа с документацией осуществлялась с добавлением программного модуля, реализующего функции системы поддержки принятия решений. Данный модуль позволял осуществлять предварительную обработку текстов методом контент-анализа на базе использования специально разработанного словаря (тезауруса). При этом в тексте, с которым работал испытуемый, опорные слова на экране компьютера выделялись цветом. То есть применение модуля позволяло визуализировать посредством выделения ключевых слов цветом структуру документа, с которым имел дело испытуемый [3].

В ходе первого и второго этапов исследования испытуемый просматривал тексты документов, после прочтения которых принимал решение об их предназначении. Экспериментатор наблюдал и фиксировал (в том числе и в формате *.mpeg) траекторию движения взгляда ис-

пытуемого, как в процессе чтения текста, так и в процессе принятия решения. Регистрация движения взгляда осуществлялась с использованием специализированного оборудования SMI. После каждого принятого решения по конкретному документу участникам эксперимента предъявлялись (также на мониторе компьютера) вопросы двух типов. К вопросам первого типа относились вопросы по поводу адресата, которому данный документ должен быть направлен для исполнения. Вопросы второго типа предполагали выявление альтернативных получателей данного документа.

На III этапе исследования с участниками проводилась беседа, в ходе которой уточнялись причины принятия решений в каждом конкретном случае, а также проводилось психологическое тестирование, направленное на выявление индивидуально-стилевых особенностей испытуемых.

В исследовании изучались следующие когнитивные стили:

– стиль «полезависимость/ полнезависимость», традиционно рассматриваемый как способ индивида решать перцептивные задачи, наличие «способности

преодолевать сложноорганизованный контекст» (согласно Г. Уиткину) [34];

– стиль «узкий /широкий диапазон эквивалентности», отражающий преимущественную ориентацию индивида на черты сходства или различия классифицируемых объектов, их явные или скрытые признаки;

– стиль «импульсивность/рефлексивность», характеризующий индивидуальные различия в скорости и правильности принимаемых решений в ситуациях неопределенности и наличия множества альтернатив.

Для диагностики когнитивно-стилевых особенностей применялись следующие *методики*: 1) методика «Включенные фигуры» Г. Уиткина (оценка поле-зависимости/поленезависимости, индивидуальный вариант); 2) методика «Свободная сортировка объектов» Р. Гарднера и В. Колги (оценка узости/широты диапазона эквивалентности); 3) методика «Сравнение похожих рисунков» Дж. Кагана (оценка импульсивности/рефлексивности как когнитивного темпа принятия решения) [24; 33].

Для оценки успешности деятельности использовались следующие показатели: 1) время чтения текста; 2) коэффициент использования опорных слов; 3) время ответа на вопросы; 4) коэффициент правильности ответа; 5) коэффициент уверенности принятия решения.

В исследовании приняли участие сотрудники ведомств, студенты, аспиранты, преподаватели вузов. Всего обследовано 60 человек, средний возраст – 27 лет.

Статистическая обработка данных проводилась с использованием стандартного пакета программ SPSS. При оценке достоверности различий применялись Т-критерий Стьюдента, U-критерий Ман-

на–Уитни. Для оценки взаимосвязей между переменными использовался коэффициент корреляции Спирмена.

Результаты исследования и их обсуждение

В табл. 2 представлены результаты сравнительного анализа средних показателей, характеризующих успешность выполнения заданий испытуемыми на первом и втором этапах эксперимента. Сопоставлялись показатели эффективности работы испытуемых, полученные при сортировке документов в обычном режиме работы, с показателями успешности, зафиксированными по итогам работы в режиме подключения программного модуля, позволяющего визуализировать структуру документа и обозначить ключевые слова цветом.

Как видно из табл. 2, статистически значимые различия касаются, прежде всего, скорости чтения предъявляемых текстов. Выявлено, что в ситуации визуализации структуры документа с помощью выделения цветом опорных слов испытуемые быстрее просматривают документ и принимают решение относительно департамента его предназначения. То есть, мы выяснили, что сортировка документации в данном случае осуществляется значимо более быстрыми темпами. Анализ результатов показывает также, что при работе испытуемых в режиме использования модуля поддержки наблюдается тенденция к сокращению времени, необходимого для ответа на вопросы, предъявляемые на мониторе (показатель успешности «время ответа на вопросы»). Кроме того, в ситуации работы с «подсказкой» отмеча-

Таблица 2

Сравнение успешности работы испытуемых с документами на I и II этапах исследования

Показатели	Критерий парных выборок						
	Парные разности			95% доверительный интервал разности средних			
Критерии эффективности работы с документами:	Среднее	Стандартное отклонение	Стандартная ошибка среднего	Нижняя граница	Верхняя граница	t	Значимость
Время чтения текста	8761,56	7016,03	2338,68	3368,56	14154,55	3,75	0,01
Время ответа на вопросы типа 1	1175,17	1961,32	653,77	-332,44	2682,77	1,80	0,11
Коэффициент правильности ответа 1	0,08	0,19	0,06	-0,06	0,23	1,32	0,23
Коэффициент уверенности принятия решения 1	0,04	0,09	0,03	-0,03	0,11	1,46	0,18
Время ответа на вопросы типа 2	-486,70	1647,04	549,01	-1752,73	779,33	-0,89	0,09
Коэффициент правильности ответа 2	0,02	0,08	0,03	-0,04	0,08	0,69	0,51
Коэффициент уверенности принятия решения 2	0,03	0,21	0,07	-0,13	0,20	0,47	0,15

ется рост «коэффициента уверенности принятия решения».

Таким образом, опираясь на результаты сравнительного анализа, можно сделать вывод о том, что визуализация структуры документа и выделение опорных слов цветом отражается на скорости выполнения заданий по сортировке документов в сторону увеличения темпа работы испытуемых. Показано также, что введение на втором этапе программного модуля приводит к повышению степени субъективной уверенности исполнителей в результатах своей деятельности.

Результаты корреляционного анализа критериев успешности деятельности с социально-демографическими характеристиками обследованных представлены в табл. 3.

Анализ таблицы интеркорреляций позволяет говорить о следующих взаимосвязи-

симостях. Показано, что чем больше опыт работы в сфере делопроизводства, тем меньше время, в течение которого испытуемые просматривают текст документа, предъявленного на экране компьютера, и меньше время, затрачиваемое на принятие решения относительно выбора структуры, которым данный документ следует перенаправить для дальнейшей работы. Напротив, «коэффициент правильности ответов» находится в прямо пропорциональной зависимости с показателем «опыт работы». То есть испытуемые, имеющие опыт работы с документацией, чаще решают задачи правильно («отправляют» документы нужным адресатам в соответствующие ведомства). Следует также отметить, что статистическая обработка данных не только позволила выявить взаимосвязь «коэффициента правильности ответов» с наличием опыта работы в сфере делопроизводства —

**Корреляционные взаимосвязи критериев эффективности деятельности
с характеристиками социально-демографического статуса**

Показатели	Пол	Возраст	Образование	Опыт
<i>Этап I. Чтение текста без опорных слов</i>				
Время чтения текста	0,61	0,54	0,21	-0,72
Время ответа на вопросы типа 1	0,17	0,27	-0,03	-0,41
Коэффициент правильности ответа 1	-0,04	-0,41	0,28	0,68
Коэффициент уверенности принятия решения 1	0,43	-0,05	-0,01	0,06
Время ответа на вопросы типа 2	0,35	-0,16	0,31	0,10
Коэффициент правильности ответа 2	-0,41	0,15	-0,07	-0,37
Коэффициент уверенности ответа 2	0,05	0,15	-0,37	-0,22
<i>Этап II. Чтение текста с опорными словами</i>				
Время чтения текста	0,26	0,37	-0,03	-0,52
Время ответа на вопросы типа 1	0,17	0,22	0,07	-0,52
Коэффициент правильности ответа 1	-0,61	-0,44	-0,41	0,41
Коэффициент уверенности принятия решения 1	0,48	0,26	0,04	-0,46
Время ответа на вопросы типа 2	-0,43	-0,32	-0,08	0,72
Коэффициент правильности ответа 2	-0,10	0,20	0,40	0,17
Коэффициент уверенности ответа 2	0,78	0,68	0,48	-0,68

этот факт вполне ожидаем и закономерен, но также установить, что при подключении модуля, выделяющего опорные слова на втором этапе эксперимента, правильность ответов испытуемых увеличивается. Введение модуля поддержки помогает, прежде всего, «новичкам», т.е. индивидам, которые ранее не сталкивались с заданиями по классификации документов. Выявлено также, что скорость выполнения заданий выше у женщин, однако мужчины чаще дают правильные ответы.

Результаты корреляционного анализа критериев успешности деятельности с показателями когнитивных стилей представлены в табл. 4.

Как видно из табл. 4, показатели когнитивных стилей имеют множественные взаимосвязи с критериями успешности деятельности. Следует также отметить, что наибольшее число значимых взаимосвязей наблюдается между успешностью деятельности по сортировке

документов и когнитивным стилем «узкий/широкий диапазон эквивалентности» (УДЭ/ШДЭ).

Анализ коэффициентов интеркорреляций данного стиля с характером выполнения заданий показывает, что чем больше широта диапазона эквивалентности («синтетичность»), тем выше такие критерии эффективности деятельности, как «коэффициент правильности ответов» и «коэффициент уверенности принятия решения». То есть «синтетики» по сравнению с «аналитиками» на всех этапах обследования лучше справляются с заданиями по сортировке документации, у них выше степень уверенности в правильности своих действий. Тем не менее, после выделения опорных слов на втором этапе эксперимента отмечается усиление взаимосвязей между показателями когнитивного стиля «узкий/широкий диапазон эквивалентности» и коэффициентами правильности ответов и уверенности принятия решения. Анализ

Корреляционные взаимосвязи критериев эффективности деятельности с показателями когнитивных стилей (коэффициент Спирмена)

Показатели когнитивных стилей	Критерии эффективности деятельности						
	1	2	3	4	5	6	7
<i>Полезависимость/ полнезависимость (тест Уиткина)</i>							
Время ответа (этап I)	-0,32	0,1	-0,17	-0,76	0,03	0,43	-0,29
Количество ошибок (этап I)	0,38	0,08	-0,38	-0,01	0,12	-0,03	0,18
Время ответа (этап II)	-0,25	-0,12	0,22	-0,13	0,05	-0,25	-0,08
Количество ошибок (этап II)	0,13	0,20	-0,46	0,25	-0,31	0,09	0,71
<i>Импульсивность/рефлексивность (тест Кагана)</i>							
Время ответа (этап I)	-0,15	0,1	-0,18	-0,39	0,25	0,34	0,05
Количество ошибок (этап I)	-0,34	-0,38	0,46	0,06	-0,10	-0,70	-0,45
Время ответа (этап II)	-0,27	0,42	0,13	-0,39	0,10	0,17	-0,09
Количество ошибок (этап II)	-0,36	-0,89	-0,24	-0,23	0,22	-0,10	-0,18
<i>Узкий /широкий диапазон эквивалентности (тест Гарднера-Колги)</i>							
Время сортировки (этап I)	-0,49	0,13	-0,06	-0,69	-0,26	0,57	-0,04
Количество групп (этап I)	-0,53	-0,12	-0,09	-0,65	-0,54	0,52	-0,16
Число единичных групп (этап I)	-0,54	-0,04	-0,1	-0,55	-0,34	0,51	-0,01
Максимальное число объектов в группе (этап I)	-0,42	-0,49	0,68	0,21	0,10	-0,15	-0,22
Время сортировки (этап II)	-0,19	-0,08	0,59	-0,41	0,52	0,13	-0,48
Количество групп (этап II)	-0,26	-0,2	0,43	-0,68	0,34	0,22	-0,73
Число единичных групп (этап II)	-0,20	-0,11	0,61	-0,40	0,35	-0,04	-0,68
Максимальное число объектов в группе (этап II)	-0,18	-0,37	0,24	0,01	0,52	0,48	-0,19

Примечание. Критерии эффективности деятельности: **1** — время чтения текста; **2** — время ответа на вопросы типа 1; **3** — коэффициент правильности ответа 1; **4** — коэффициент уверенности принятия решения 1; **5** — время ответа на вопросы типа 2; **6** — коэффициент правильности ответа 2; **7** — коэффициент уверенности принятия решения 2.

полной матрицы интеркорреляций выявил наличие значимых взаимосвязей между показателями стиля «узкий/широкий диапазон эквивалентности» (такими как «время сортировки» и «максимальное число объектов в группе») и «коэффициентом использования опорных слов» испытуемыми. Данный факт позволяет говорить о том, что в процессе работы «синтетика» (полюс широты диапазона эквивалентности) активно используют подсказку, которая способствует повышению успешности их деятельности.

Относительно взаимосвязей когнитивного стиля «полезависимость/полнезависимость» (ПЗ/ПНЗ) выявлено, что чем больше полнезависимость (показатели «время ответа» и «количество ошибок»), тем больше показатель «правильности ответа». Установлено также, что на втором этапе исследования «полезависимые» индивиды во время работы с текстом в большей степени используют опорные слова, по сравнению с «полнезависимыми» участниками исследования. Показано, что степень «полнезависимости

/полезависимости» тесно связана с «коэффициентом уверенности принятия решения», при этом у «полезависимых» индивидов степень уверенности в правильности выполненного ими задания повышается при введении опорных слов.

Что касается когнитивного стиля «импульсивность/ рефлексивность» (И/Р), то на основе данных, представленных в табл. 4, можно утверждать, что участники эксперимента, совершающие большое число ошибок при выполнении теста Гарднера-Колги (более «импульсивные»), имеют и значимо более низкие «коэффициенты правильности ответов» во время работы без опоры на выделенные слова. Введение модуля и использование опорных слов во второй серии эксперимента отражается лишь на работе более «импульсивных» испытуемых. Выявлено, что, с одной стороны, темп выполнения заданий по сортировке документов у более «импульсивных» участников ускоряется, с другой стороны, просматривается некоторая тенденция к снижению качества выполнения заданий.

Заключение

Обработка и анализ материалов экспериментального исследования позволили обнаружить статистически достоверные корреляционные взаимозависимости когнитивных стилей с эффективностью выполнения заданий по работе с электронной документацией. Показано, что успешность деятельности по сортировке документов наиболее тесно связана с такими когнитивными стилями, как «широкий/узкий диапазон эквивалентности» и «полезависимость/полenezависимость».

Наиболее качественно с заданиями по классификации документов и определению необходимых получателей (ведомств-исполнителей) справляются индивиды, имеющие широкий диапазон эквивалентности («синтетика»), по сравнению с индивидами, обладающими стилевыми свойствами, характеризующими узкий диапазон эквивалентности («аналитиками»). Установлено также, что «полenezависимые» индивиды демонстрируют лучшие результаты деятельности по отношению к «полезависимым». Однако в условиях использования системы поддержки принятия решений скорость работы «полезависимых» испытуемых повышается.

В целом по итогам исследования можно констатировать, что использование специализированного экспериментального комплекса, моделирующего основные принципы работы системы электронного документооборота при обработке и распределении текстовых документов, отражается на степени надежности выполнения заданий участниками исследования. Визуализация структуры текста и выделение опорных слов помогают более эффективно решать задачи, связанные с классификацией документов. Показано, что рост показателей эффективности деятельности, включая такой индикатор, как степень субъективной уверенности в правильности принятого решения, в большей степени отмечается у «новичков», не имеющих опыта работы. Разработанный программный комплекс может иметь определенное практическое применение. Его можно использовать при обучении начинающих специалистов в области делопроизводства, а также на курсах переподготовки и повышения квалификации ведомственных работников.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абрамова В.Н.* Потребности практической психологии в развитии социальной психологии труда // Социальная психология труда: Теория и практика. Том 1 / Отв. ред. Л.Г. Дикая, А.Л. Журавлев. М.: Изд-во Институт психологии РАН, 2010. С. 26–43.
2. *Алдашева А.А.* Индивидуальные стратегии экологического поведения // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2014. №3 (43). С. 31–36.
3. *Баканов А.С.* Метод извлечения экспертных знаний в процессе работы с юридической текстовой информацией // Прикладная юридическая психология. 2013. № 4. С. 122–126.
4. *Баканов А.С., Зеленова М.Е., Алдашева А.А.* Когнитивные стили и эффективность работы с документацией // Сборник научных трудов SWorld. Вып. 2. Том 15. Одесса: КУПРИЕНКО СВ, 2014. С. 74–79.
5. *Баканова Н.Б.* Использование программно-технических комплексов для повышения эффективности контроля в системах документооборота // Электросвязь. 2007. № 6. С. 51–53.
6. *Бодров В.А.* Информационный стресс: учеб. пособие для вузов. М.: ПЕР СЭ, 2000. 352 с.
7. *Бодров В.А.* Психология профессиональной пригодности. М.: ПЕР СЭ, 2001. 511 с.
8. *Бодров В.А.* Психологический стресс: развитие и преодоление. М.: ПЕР СЭ, 2006. 528 с.
9. *Бодров В.А.* Профессиональное утомление: фундаментальные и прикладные проблемы. М.: Изд-во Институт психологии РАН, 2009. 500 с.
10. *Бодров В.А., Орлов В.Я.* Психология и надежность: человек в системах управления техникой. М.: Изд-во Институт психологии РАН, 1998. 288 с.
11. *Брусенцова Т.Н.* Исследование когнитивных стилей учащихся в автоматизированной системе обучения // Вопросы психологии. 1984. № 4. С. 70–76.
12. *Величковский Б.М.* Когнитивная наука: Основы психологии познания: в 2 т. Т. 1. М.: Смысл, 2006. 448 с.
13. *Венда В.Ф.* Инженерная психология и синтез систем отображения информации. М.: Машиностроение, 1975. 400 с.
14. *Галактионов А.И.* Основы инженерно-психологического проектирования АСУ ГП. М.: Энергия, 1978. 208 с.
15. *Дикая Л.Г.* Психическая саморегуляция функционального состояния человека (системно-деятельностный подход). М.: Изд-во Институт психологии РАН, 2003. 318 с.
16. *Дикая Л.Г.* Социально-психологические и личностные аспекты саморегуляции функционального состояния человека // Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Выпуск 4 / Под ред. В. А. Бодрова, А.Л. Журавлева. М.: Издательство Институт психологии РАН, 2012. С. 163–181.
17. *Завалова Н.Д., Ломов Б.Ф., Пономаренко В.А.* Образ в системе психической регуляции деятельности. М.: Наука, 1986. 178 с.
18. *Зараковский Г.М., Магазанник В.Д.* Психологические критерии сложности процесса принятия решения человеком-оператором // Методология инженерной психологии, психологии труда и управления / Отв. ред. Б.М. Ломов, В.Ф. Венда. М.: Наука, 1981. С. 63–78.

19. Зеленова М.Е. Индивидуальный стиль саморегуляции как внутренний ресурс стрессоустойчивости субъектов трудовой деятельности // Социальная психология и общество. 2013. № 1. С. 69–82.
20. Зинченко Т.П. Когнитивная и прикладная психология. М.: МОДЭК, 2000. 608 с.
21. Ильин Е.П. Психология индивидуальных различий. СПб.: ПИТЕР, 2004. 701 с.
22. Карпов А.В. Процессы принятия решения в структуре управленческой деятельности // Психологический журнал. 2000. Т. 1. № 1. С. 48–57.
23. Карпов А.В. Метасистемная организация уровневых структур психики. М.: Изд-во Института психологии РАН, 2004. 504 с.
24. Колга В.А. Дифференциально-психологическое исследование когнитивного стиля и обучаемости. Дисс. ... канд. психол. наук. Л., 1976. 164 с.
25. Конопкин О.А. Психологические механизмы регуляции деятельности. М.: Наука, 1980. 256 с.
26. Котик М.А. Саморегуляция и надежность человека-оператора. — Таллин: Валгус, 1974. 167 с.
27. Ларичев О.И., Петровский А.Б. Системы поддержки принятия решений. Современное состояние и перспективы развития // Итоги науки и техники. Серия Техническая кибернетика / Под ред. Емельянова С.В. М.: ВИНТИ, 1987. Т. 21. С. 131–164.
28. Моросанова В.И. Дифференциальный подход к психической саморегуляции: исследование действий профессионала // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 3. С. 98–111.
29. Петровский А.Б. Многокритериальное принятие решений по противоречивым данным: подход теории мультимножеств // Информационные технологии и вычислительные системы. 2004. № 2. С. 56–66.
30. Савченко Т.Н., Головина Г.М., Баканов А.С. Учет функциональной структуры деятельности руководителя при проектировании системы поддержки принятия управленческих решений // Психология человека в современном мире / Отв. ред. А.Л. Журавлев, М.И. Воловикова, Л.Г. Дикая, Ю.И. Александров. М.: Изд-во Института психологии РАН, 2009. С. 256–260.
31. Семичева Н.В. Квадриполярность когнитивно-стилевой детерминации принятия решений // Вестник Университета. Государственный Университет Управления. М.: ГУУ. 2009. № 24. С. 209–211.
32. Стрелков Ю.К. Инженерная и профессиональная психология. М.: Издательский центр «Академия», 2003. 360 с.
33. Холодная М.А. Когнитивные стили: О природе индивидуального ума. 2-ое изд. СПб.: Питер, 2004. 384 с.
34. Шкуратова И.П. Когнитивный стиль и общение. Ростов-н/Д.: Изд-во РПУ, 1994. 156 с.
35. Ясько Б.А. «Личность — деятельность — профессиональная среда» и метасистемный подход // Социальная психология труда: Теория и практика. Том 1 / Отв. ред. Л.Г. Дикая, А.Л. Журавлев. М.: Изд-во Института психологии РАН, 2010. С. 101–118.

Cognitive Styles as Determinants of Success in Professional Activity

A.S. BAKANOV,

*PhD in Technical Sciences, research fellow at the Institute of Psychology
of the Russian Academy of Sciences*

M.E. ZELENova,

*PhD in Psychology, research fellow of the Institute of Psychology
of the Russian Academy of Science*

The paper presents outcomes of a research on the efficiency of working with electronic documents in individuals depending on the specifics of their cognitive styles and on the ways in which text is displayed on a computer screen. A correlation was found between the criteria of success in activity and such cognitive styles as 'field dependence/ field independence', 'narrow/wide range of equivalence', impulsivity/reflectivity. The research employed a specially developed program module that imitated work of office staff. Cognitive styles were measured with the Embedded Figures Test (Witkin), the Free Sorting Test (Gardner, Kolga) and the Matching Familiar Figures Test (Kagan).

Keywords: *individual characteristics, cognitive styles, making decisions, activity regulation, efficiency of activity, electronic document circulation systems.*

REFERENCES

1. Abramova V.N. Potrebnosti prakticheskoi psihologii v razvitii social'noi psihologii truda // Social'naya psihologiya truda: Teoriya i praktika. Tom 1 / Otv. red. L.G. Dikaya, A.L. Zhuravlev. Moscow: Izd-vo Institut psihologii RAN, 2010. pp. 26–43.
2. Aldasheva A.A. Individual'nye strategii ekologicheskogo povedeniya // Social'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke. 2014. no. 3 (43). pp. 31–36.
3. Bakanov A.S. Metod izvlecheniya ekspertnyh znaniy v processe raboty s yuridicheskoi tekstovoi informaciei // Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya. 2013. no 4. pp. 122–126.
4. Bakanov A.S., Zelenova M.E., Aldasheva A.A. Kognitivnye stili i effektivnost' raboty s dokumentaciei // Sbornik nauchnyh trudov SWorld. Vyp. 2. Tom 15. Odessa: KUPRI-ENKO SV, 2014. pp. 74–79.
5. Bakanova N.B. Ispol'zovanie programmno-tehnicheskikh kompleksov dlya povysheniya effektivnosti kontrolya v sistemah dokumentooborota // Elektrosvyaz. 2007. no 6, pp. 51–53.
6. Bodrov V.A. Informacionnyi stress: ucheb. posobie dlya vuzov. Moscow: PER SE, 2000. 352 p.
7. Bodrov V.A. Psihologiya professional'noi prigodnosti. Moscow: PER SE, 2001. 511 p.
8. Bodrov V.A. Psihologicheskii stress: razvitie i preodolenie. Moscow: PER SE, 2006. 528 p.
9. Bodrov V.A. Professional'noe utomlenie: fundamental'nye i prikladnye problemy. Moscow: Izd-vo Institut psihologii RAN, 2009. 500 p.

10. *Bodrov V.A., Orlov V.Ya.* Psihologiya i nadezhnost': chelovek v sistemah upravleniya tekhniki. Moscow: Izd-vo Institut psihologii RAN, 1998. 288 p.
11. *Brusencova T.N.* Issledovanie kognitivnykh stilei uchashihhsya v avtomatizirovannoi sisteme obucheniya // Voprosy psihologii. 1984. no 4. pp. 70–76.
12. *Velichkovskii B.M.* Kognitivnaya nauka: Osnovy psihologii poznaniya. V 2-h tt. T. 1. Moscow: Smysl, 2006. 448 p.
13. *Venda V.F.* Inzhenernaya psihologiya i sintez sistem otobrazheniya informacii. Moscow: Mashinostroenie, 1975. 400 p.
14. *Galaktionov A.I.* Osnovy inzhenerno-psihologicheskogo proektirovaniya ASU GP. Moscow: Energiya, 1978. 208 p.
15. *Dikaya L.G.* Psihicheskaya samoregulyaciya funkcional'nogo sostoyaniya cheloveka (sistemno-deyatel'nostnyi podhod). Moscow: Izd-vo Institut psihologii RAN, 2003. 318 p.
16. *Dikaya L.G.* Social'no-psihologicheskie i lichnostnye aspekty samoregulyacii funkcional'nogo sostoyaniya cheloveka // Aktual'nye problemy psihologii truda, inzhenernoi psihologii i ergonomiki. Vypusk 4 / Pod red. V.A. Bodrova, A.L. Zhuravleva. Moscow: Izdatel'stvo Institut psihologii RAN, 2012. pp. 163–181.
17. *Zavalova N.D., Lomov B.F., Ponomarenko V.A.* Obraz v sisteme psihicheskoi regulyacii deyatel'nosti. Moscow: Nauka, 1986. 178 p.
18. *Zarakovskii G.M., Magazannik V.D.* Psihologicheskie kriterii slozhnosti processa prinyatiya resheniya chelovekom-operatorom // Metodologiya inzhenernoi psihologii, psihologii truda i upravleniya / Otv. red. B.M. Lomov, V.F. Venda. Moscow: Nauka, 1981. pp. 63–78.
19. *Zelenova M.E.* Individual'nyi stil' samoregulyacii kak vnutrennii resurs stressoustoichivosti sub'ektov trudovoi deyatel'nosti // Social'naya psihologiya i obshestvo. 2013. no. 1. pp. 69–82.
20. *Zinchenko T.P.* Kognitivnaya i prikladnaya psihologiya. Moscow: MODEK, 2000. 608 p.
21. *Il'in E.P.* Psihologiya individual'nykh razlichii. Saint Petersburg: PITER, 2004. 701 p.
22. *Karpov A.V.* Processy prinyatiya resheniya v strukture upravlencheskoi deyatel'nosti // Psihologicheskii zhurnal. 2000. T. 1. no. 1. pp. 48–57.
23. *Karpov A.V.* Metasistemnaya organizaciya urovnevnykh struktur psihiki. Moscow: Izd-vo Institut psihologii RAN, 2004. 504 p.
24. *Kolga V.A.* Differencial'no-psihologicheskoe issledovanie kognitivnogo stilya i obuchaemosti. Diss...kand. psihol. nauk. Leningrad, 1976. 164 p.
25. *Konopkin O.A.* Psihologicheskie mehanizmy regulyacii deyatel'nosti. Moscow: Nauka, 1980. 256 p.
26. *Kotik M.A.* Samoregulyaciya i nadezhnost' cheloveka-operatora. – Tallin: Valgus, 1974. 167 p.
27. *Larichev O.I., Petrovskii A.B.* Sistemy podderzhki prinyatiya reshenii. Sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya // Itogi nauki i tekhniki. Seriya Tehnicheskaya kibernetika / Pod red Emel'yanova S. V. Moscow: VINITI, 1987. T. 21. pp. 131–164.
28. *Morosanova V.I.* Differencial'nyi podhod k psihicheskoi samoregulyacii: issledovanie deistvii professionala // Psihologicheskii zhurnal. 2012. T. 33. no. 3. pp. 98–111.

29. *Petrovskii A.B.* Mnogokriterial'noe prinyatie reshenii po protivorechivym dannym: podhod teorii mul'timnozhestv // Informacionnye tehnologii i vychislitel'nye sistemy. 2004. no. 2. pp. 56–66.
30. *Savchenko T.N., Golovina G.M., Bakanov A.S.* Uchet funkcional'noi struktury deyatel'nosti rukovoditelya pri proektirovanii sistemy podderzhki prinyatiya upravlencheskikh reshenii // Psihologiya cheloveka v sovremennom mire / Otv. red. A.L. Zhuravlev, M.I. Volovikova, L.G. Dikaya, Yu.I. Aleksandrov. Moscow: Izd-vo Institut psihologii RAN, 2009. pp. 256–260.
31. *Semicheva N.V.* Kvadripolyarnost' kognitivno-stilevoi determinacii prinyatiya reshenii // Vestnik Universiteta. Gosudarstvennyi Universitet Upravleniya. Moscow: GUU. 2009. no. 24. pp. 209–211.
32. *Strelkov Yu.K.* Inzhenernaya i professional'naya psihologiya. Moscow: Academia, 2003. 360 p.
33. *Holodnaya M.A.* Kognitivnye stili: O prirode individual'nogo uma. 2-oe izd. Saint Petersburg: Piter, 2004. 384 p.
34. *Shkuratova I.P.* Kognitivnyi stil' i obshenie. Rostov-n/D: Izd-vo RPU, 1994. 156 p.
35. *Yas'ko B.A.* "Lichnost' – deyatel'nost' – professional'naya sreda" i metasistemnyi podhod // Social'naya psihologiya truda: Teoriya i praktika. Tom 1. / Otv. red. L.G. Dikaya, A.L. Zhuravlev. Moscow: Izd-vo Institut psihologii RAN, 2010. pp. 101–118.

Уверенность в общении и самоотношение как факторы удовлетворенности личности отношениями с другими

В.А. ФЕДОТОВА,

*магистр психологии, преподаватель департамента менеджмента
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»*

Е.Д. КОМОВА,

*магистр психологии, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»*

В статье продемонстрированы результаты исследования, целью которого было изучение особенностей взаимосвязи уверенности в общении и самоотношения с удовлетворенностью личности отношениями со значимыми другими. Основная гипотеза состояла в предположении о том, что самоотношение и уверенность являются взаимосвязанными характеристиками личности, общим элементом которых является уверенность личности в себе, а позитивное самоотношение и высокая степень уверенности личности связаны с высокой степенью ее удовлетворенности отношениями со значимыми другими. Было выявлено, что самоотношение и уверенность личности интегрируются и приводят к более полному осознанию своих отношений со значимыми другими и своей роли в них и воплощаются в таком интегральном показателе, как удовлетворенность отношениями. Полученные результаты исследования расширяют имеющиеся представления о предпосылках и условиях удовлетворенности личности отношениями со значимыми другими.

Ключевые слова: уверенность, самооценка, самоотношение, удовлетворенность отношениями, значимые другие.

Рост интереса к проблеме уверенности последние десятилетия вызван тем, что она носит междисциплинарный характер. Проблема уверенности личности ставится отнюдь не только в рамках психологической науки, она настолько широка, что ее можно обнаружить во многих психологических работах в рамках исследования доверия к себе, самоотношения, самооценки, тревожности и мотивации достижения. Первым, кто серьезно занялся изучением проблемы уверенности, был А. Сальтер. Ссылаясь на

теорию И.П. Павлова, А. Сальтер предположил, что причиной неуверенности является преобладание процессов торможения над процессами возбуждения. На основе своего клинического опыта А. Сальтер выделил и описал шесть характеристик здоровой, уверенной в себе личности: эмоциональная речь как подлинное открытое проявление чувств, конкретное обозначение личностью тех чувств, которые она испытывает, спонтанность их выражения, четкость формулировок, употребление местоимения

«я», а также полное соответствие слов невербальным проявлениям [8]. Также автор подчеркивал способность уверенной личности спокойно и без смущения выслушивать похвалу в свой адрес, свойственность ей трезвой оценки собственных сил и качеств.

По мнению Дж. Смита, процесс социализации со временем накладывает ограничения на возможность проявления уверенного поведения. То есть, изначально каждому человеку присуще стремление к отстаиванию собственных прав, но с детства нам навязывается поведение, способствующее снижению изначальной уверенности [7].

Р. Энтони, еще раз подчеркивая диалогичность взаимосвязей личности с миром, говорит о том, что правильная обратная связь с окружающей действительностью важна для развития уверенности [11]. Навыки этой обратной связи формируются в процессе становления личности. Человек воспринимает ситуацию, а затем программирует свое сознание в соответствии с тем, что ему кажется реальностью. Это определяет его образ мыслей и его поведение, что, в свою очередь, определяет его восприятие последующей ситуации. Следовательно, то как мы воспринимаем, думаем и ведем себя, влияет на дальнейшее восприятие и поведение.

Несмотря на возросший интерес к данной проблематике в настоящее время, уверенность не имеет четкого определения. Уверенность в качестве одной из составляющих включают следующие конструкты: установка, интеллектуальное состояние, уровень напряжения, значимое переживание и т.д. Стоит также заметить, что на данный момент выделяют две основные позиции в понимании

этого конструкта, сложившиеся как в российской, так и в зарубежной психологии, и соответственно два ведущих направления исследований: уверенность в правильности своих суждений и уверенность в себе.

Уверенность/неуверенность в общении: предпосылки формирования

По словам А. Лэнгле, необходимо найти адекватную форму выражения своей позиции и своих чувств. Если человек не может себя выразить, то, несмотря на всю внутреннюю ясность и обособленность его внутренней позиции (уверенности в себе), личность остается замкнутой внутри самой себя и неподготовленной к тому, чтобы воплотить свои намерения в реальность. Таким образом, фокус нашего внимания смещается в сторону уверенности личности в общении [3].

Анализируя причины неуверенного поведения, В.Г. Ромек приходит к предположению о том, что их можно объяснить, обратившись к теории социального научения А. Бандуры, согласно которой подобные модели поведения формируются как результат подражания [7]. То есть, люди, окружающие ребенка, служат образцами для подражания, для копирования. Таким образом, определенные аспекты поведения личности формируются в соответствии с теми его образцами, которые доминировали в окружающей ребенка среде. Также В.Г. Ромек, анализируя возможные причины неуверенного поведения, берет во внимание теорию «выученной беспомощности» М. Селигмана. По мнению М. Селигмана, существуют

несколько источников, создающих предпосылки для формирования выученной беспомощности [12]:

1) опыт переживания неприятных, травмирующих событий при отсутствии возможности контроля событий собственной жизни;

2) отсутствие самостоятельности с детства (стремление родителей делать все за ребенка);

3) опыт наблюдения беспомощных людей.

Р.Е. Альберти и М.Л. Эммонс в своих работах рассматривают уверенное поведение как одно из возможных вариантов реагирования в различных конфликтных ситуациях. Они также выделяют пассивное (неуверенное поведение) и агрессивное реагирование. Пассивное поведение не позволяет человеку выразить свои чувства. В стремлении к самовыражению человек, прибегающий к агрессивному поведению, обычно достигает своей цели, при этом ущемляя интересы и самолюбие других [7].

Исходя из всего вышесказанного, можно считать, что уверенность в себе есть свойство личности, центром которого выступает позитивная оценка индивидом собственных навыков, умений и способностей. Предпосылками для формирования таких оценок служит позитивный опыт — успешное взаимодействие личности с другими. То есть, закладываются такие предпосылки уже с самого рождения человека в отношениях с родителями. Эти позитивные оценки помогают индивиду в достижении значимых для него целей, в удовлетворении его потребностей. Также стоит отметить, что в формировании уверенности личности особую роль играет не столько объективный успех и достижение, сколько

субъективная положительная оценка собственных действий и их результатов (тут большое значение имеет характер самоотношения личности), а также оценки значимых других.

Взаимосвязь концептов уверенности и самоотношения

Что касается уверенности в себе, то многие данные были получены в контексте исследования других психических явлений. Дж. Вольпе использовал понятие уверенности в себе как характеристику открытости личности в отношениях с другими. А. Рич и Г. Шредер рассматривали уверенность в себе как «способность искать, поддерживать или усиливать подкрепление в межличностной ситуации благодаря выражению чувств или желаний, когда такое выражение связано с риском не только потерять поддержку, но и быть наказанным» [1, с. 15].

Р. Зигмундом была подчеркнута ключевая роль самооенок в уверенном поведении. Автор говорит о том, что часто страх вызывает заикленность на определенных негативных ожиданиях, а также их вербализацию. Человек фиксирует внимание на таких утверждениях, как «Я не смогу этого сделать...», «Я не справлюсь...» и т.д. [4]. Таким образом, уверенное поведение не осуществляется, и происходит концентрация внимания на этих определенных негативных установках, закрепляется переживание неуспеха в такой ситуации. Затем негативный опыт, в свою очередь, снижает доверие личности к самой себе и закрепляет неуверенность, а предыдущий опыт способствует формированию способа оценки себя. То есть, неуверенность возника-

ет под воздействием нарушенного образа себя, негативных оценок и сравнения собственных достижений с достижениями других. Р. Зигмунд на основе описанных рассуждений приходит к заключению, что установки личности по отношению к себе, самооценки и самовербализации играют решающую роль в формировании уверенного либо неуверенного поведения [7].

Также проблема уверенности в себе затрагивалась при исследовании «Я-концепции». Н.Ю. Будич в своем исследовании отмечает, что уверенность в себе во многом основывается на специфике «Я-концепции» личности. Так, выделяют такие аспекты «Я-концепции», связанные с уверенностью, как самосоответствие, внутренняя согласованность и интегрированность элементов «Я-концепции», уровень оценки своих возможностей по сравнению с другими людьми и трудность принимаемых и вырабатываемых целей. Под самосоответствием подразумевается соответствие или небольшое расхождение «Я-реального» и «Я-идеального» (по К. Роджерсу), а также согласованность способностей и качеств субъекта с мотивами и целями (по В.В. Столину) [1, с. 31].

В определении уверенности Р. Ульриха были выделены когнитивные, пове-

денческие и эмоциональные составляющие, которые проявляются во взаимодействии личности с социальным окружением. Уверенность в себе была рассмотрена как способность личности предъявлять требования и добиваться их осуществления, а под требованиями подразумевались также и установки личности по отношению к себе [8].

В качестве основы уверенности в концепции В.Г. Ромека выступает стабильное позитивное отношение индивида к собственным навыкам, умениям и способностям, проявляющееся в затрагивающих индивида социальных ситуациях, предполагающих его личное участие.

В концепции В.Г. Ромека уверенность личности рассматривается с учетом трех ее составляющих: уверенность в себе, социальная смелость, инициатива в социальных контактах [8]. Социальная смелость является противоположностью социальным страхам и выражается в позитивном эмоциональном фоне, сопровождающем любые, в том числе и новые, социальные контакты. Это — эмоциональный компонент уверенности в себе. Инициатива в социальных контактах заключается в готовности к контактам с социумом (рис. 1).

Исходя из анализа литературы по проблемам уверенности личности и ее само-

Рис. 1. Структура уверенности личности

отношения, мы предполагаем тесную взаимосвязанность данных концептов.

Программа эмпирического исследования

Цель данного исследования заключалась в изучении особенностей взаимосвязи уверенности в общении и самоотношения с удовлетворенностью личности отношениями со значимыми другими.

Гипотеза исследования состояла в предположении о том, что существует взаимосвязь между уверенностью в общении, самоотношением личности и удовлетворенностью в межличностных отношениях:

— самоотношение и уверенность являются взаимосвязанными характеристиками личности, в качестве общего элемента которых выступает уверенность личности в себе;

— самоотношение, уверенность в общении и удовлетворенность личности отношениями со значимыми другими — положительно взаимосвязанные характеристики, а именно, позитивное самоотношение и высокая степень уверенности личности связаны с высокой степенью ее удовлетворенности отношениями со значимыми другими.

Экспериментальную базу исследования составили 25 человек в возрасте от 20 до 30 лет (11 мужчин и 14 женщин).

Для сбора эмпирических данных нами использовались следующие методики.

1. Диагностика самоотношения испытуемых с помощью методики исследования самоотношения (МИС) В.В. Столина, Р.С. Пантелеева.

Опросник был предложен Р.С. Пантелеевым в 1989 г. и предназначен для изу-

чения самоотношения — эмоционально-ценностного компонента самосознания. Многомерный опросник исследования самоотношения содержит 110 утверждений распределенных по девяти шкалам: «внутренняя честность» (открытость), «самоуверенность», «саморуководство», «отраженное самоотношение», «самоценность», «самопринятие», «самопривязанность», «внутренняя конфликтность», «самообвинение». Респонденту предъявляется 110 утверждений и стандартный бланк ответов. Инструкция подразумевает градацию ответов «согласен», «не согласен», которые фиксируются испытуемыми в соответствующих позициях бланка. Обработка данных производится с помощью специального ключа. Результаты представляются в виде индивидуального профиля самоотношения, составленного на основе девяти шкал. Методика позволяет оценить общую выраженность каждого из девяти выделенных компонентов самоотношения [6].

2. Изучение особенностей уверенности испытуемых посредством опросника «Уверенность личности» В.Г. Ромека.

Используемый в исследовании тест уверенности В.Г. Ромека позволяет исследовать стабильные поведенческие проявления уверенности, навыки уверенного поведения. Данный опросник состоит из 30 вопросов. Все вопросы закрытые, каждый вопрос имеет три варианта ответа. Опросник позволяет получить значения по трем областям уверенности личности: уверенность в себе, социальная смелость, инициатива в социальных контактах. Уверенность в каждой из областей оценивается по 10 вопросам и может иметь значения от 10 до 30 баллов. В данном исследовании опросник «Уверенность личности» В.Г. Ро-

мека использовался для определения уровня уверенности испытуемых по шкалам уверенности в себе, социальной смелости, инициативе в социальных контактах [7].

3. Анализ степени удовлетворенности отношениями со значимыми другими с помощью модифицированного опросника удовлетворенности браком (В.В. Столин, Т.Л. Романова, Г.П. Бутенко).

Данная методика изначально была разработана В.В. Столиным, Т.Л. Романовой, Г.П. Бутенко для диагностики степени удовлетворенности личности браком. Опросник был модифицирован нами с целью изучения удовлетворенности личности отношениями с партнером, с которым респондент состоит в близких отношениях. Опросник представляет собой одномерную шкалу, состоящую из 24 утверждений, относящихся к различным сферам: восприятия себя и партнера, мнения, оценки, установки и т.д. Каждому утверждению соответствуют три варианта ответа: верно, трудно сказать, неверно. Также испытуемым задавался прямой вопрос о степени удовлетворенности отношениями с партнером и о степени удовлетворенности отношениями с близкими в целом. Для подтверждения и расширения результатов, полученных на основе использования модифицированного опросника удовлетворенности браком В.В. Столина, Т.Л. Романовой, Г.П. Бутенко, респондентам были также заданы два прямых вопроса о степени их удовлетворенности отношениями с партнером и отношениями с близкими в целом [9].

4. Анализ удовлетворенности отношениями со значимыми другими посредством методики незавершенных предложений Дж.М. Сакса, С. Леви (J.M. Sachs, S. Levy. The sentence completion test).

Проективная психологическая методика относится к методикам дополнения, а именно — аддитивным методикам, одному из видов проективных методик. Данная методика была использована нами с целью подтверждения и расширения данных о степени удовлетворенности личности отношениями со значимыми другими, полученных при помощи модифицированного опросника удовлетворенности браком В.В. Столина, Т.Л. Романовой, Г.П. Бутенко.

Методика включает 60 незаконченных предложений, которые разделяются на 15 групп, характеризующих в той или иной степени систему отношений обследуемого к семье, к представителям своего или противоположного пола, к вышестоящим по служебному положению и подчиненным и т.п. [2].

Анализ результатов методики незаконченных предложений Дж. М. Сакса—С. Леви

Выделим наиболее значимые тенденции на основе анализа результатов методики незаконченных предложений.

Одним из наиболее заметных аспектов является то, что характер суждений личности о себе у большинства респондентов совпадает с характером суждений о своих отношениях со значимыми другими. Так, негативные суждения о себе, неприятие себя, неуверенность в собственных силах («Я мог(ла) бы быть очень счастливым(ой), если бы *полюбил себя*», «Я мог(ла) бы быть очень счастливым(ой), если бы *выглядела иначе*», «Я мог(ла) бы быть очень счастливым(ой), если бы *верила в себя*», «Если все против меня, то *дело во мне*», «Если

все против меня, то *я сама виновата*» и т.д.) сочетаются с суждениями, свидетельствующими о недостаточной удовлетворенности взаимоотношениями со значимыми другими («Думаю, что мой отец редко *думает обо мне*», «Моя семья обращается со мной *ужасно*», «Моя мать и я *враги*», «Когда вижу женщину вместе с мужчиной, *я завидую*» и т.д). Позитивная оценка себя («Думаю, я достаточно способен(на), *чтобы добиться всего, чего мне хочется*», «Если все против меня, то *они скоро будут за меня*», «В детстве я был(а) *очень милым ребенком*» и т.д.) сочетается с позитивным характером суждений о взаимоотношениях со значимыми другими («Моя мать *самый близкий мне человек*», «Думаю, что мой отец всегда будет рядом», «Я люблю свою мать, но *никаких но, я просто очень люблю свою маму*», «Моя семья обращается со мной *идеально*», «Моя семья обращается со мной *так, как мне этого хотелось бы*» и т.д.).

Результаты корреляционного анализа компонентов самооотношения и компонентов уверенности личности

При обработке результатов был проведен корреляционный анализ с помо-

щью критерия г -Спирмена для выявления взаимосвязей между компонентами самооотношения и компонентами уверенности личности.

Обозначим переменные, представленные в табл. 1 (шкалы по методике исследования самооотношения Р.С. Пантелеева и шкалы уверенности, выделяемые В.Г. Ромеком):

- Шкала 1 – «внутренняя честность»;
- Шкала 2 – «самоуверенность»;
- Шкала 3 – «саморуководство»;
- Шкала 4 – «зеркальное Я»;
- Шкала 5 – «самоценность»;
- Шкала 6 – «самопринятие»;
- Шкала 7 – «самопривязанность»;
- Шкала 8 – «внутренняя конфликтность»;
- Шкала 9 – «самообвинение»;
- Шкала 10 – уверенность в себе;
- Шкала 11 – социальная смелость;
- Шкала 12 – инициатива в социальных контактах.

Анализируя полученные результаты (табл. 1), мы можем сделать вывод о наличии значимых связей между такими показателями, как внутренняя честность (открытость) и инициатива в социальных контактах ($r=0,463$); зеркальное Я и инициатива в социальных контактах ($r=0,476$); самоценность и уверенность в себе ($r=0,508$).

Таблица 1

Связь показателей компонентов самооотношения и компонентов уверенности личности по коэффициенту корреляций Спирмена

Самоотношение	Шкала 1	Шкала 2	Шкала 3	Шкала 4	Шкала 5	Шкала 6	Шкала 7	Шкала 8	Шкала 9
Уверенность	1	2	3	4	5	6	7	8	9
Шкала 10	-,050	,195	,267	,400	,508*	,159	,000	-,135	,006
Шкала 11	,098	,101	,007	-,085	,179	,014	-,208	-,285	-,117
Шкала 12	,463*	,346	,476*	,032	,355	,211	,063	-,351	-,214

Условные обозначения: «*» – $P < 0,05$; «**» – $P < 0,01$.

Результаты корреляционного анализа степени удовлетворенности отношениями личности со значимыми другими и компонентов самоотношения личности

Нами был проведен корреляционный анализ степени удовлетворенности личности отношениями со значимыми другими с компонентами самоотношения (табл. 2).

Обозначим переменные, представленные в табл. 2 (шкалы по методике исследования самоотношения Р.С. Пантелеева и результаты методик, направленных на выявление удовлетворенности личности отношениями со значимыми другими):

- Шкала 1 — «внутренняя честность»;
- Шкала 2 — «самоуверенность»;
- Шкала 3 — «саморуководство»;
- Шкала 4 — «зеркальное Я»;
- Шкала 5 — «самоценность»;
- Шкала 6 — «самопринятие»;
- Шкала 7 — «самопривязанность»;
- Шкала 8 — «внутренняя конфликтность»;
- Шкала 9 — «самообвинение»;
- Шкала 10 — «удовлетворенность отношениями с партнером»;
- Шкала 11 — «удовлетворенность отношениями с партнером (по модифицированному опроснику удовлетворенности браком)»;

- Шкала 12 — «удовлетворенность отношениями с близкими».

В результате проведенного корреляционного анализа было выявлено наличие значимых связей самоуверенности и удовлетворенности отношениями со значимыми другими как по результатам ответа на прямой вопрос ($r=0,624$), так и по результатам модифицированного опросника удовлетворенности браком ($r=0,558$). Также обнаружилась значимая связь самопринятия и удовлетворенности отношениями с партнером ($r=0,498$).

Результаты корреляционного анализа степени удовлетворенности отношениями личности со значимыми другими с уверенностью личности

Нами был проведен корреляционный анализ степени удовлетворенности личности отношениями со значимыми другими с уверенностью личности (табл. 3).

Обозначим переменные, представленные в табл. 3:

- Шкала 1 — «удовлетворенность отношениями с партнером»;
- Шкала 2 — «удовлетворенность отношениями с партнером (по модифицированному опроснику удовлетворенности браком)»;

Таблица 2

Связь показателей компонентов самоотношения и степени удовлетворенности личности отношениями со значимыми другими по коэффициенту корреляций Спирмена

Самоотношение \ Удовлетворенность отношениями со значимыми другими	Шкала 1	Шкала 2	Шкала 3	Шкала 4	Шкала 5	Шкала 6	Шкала 7	Шкала 8	Шкала 9
Шкала 10	,026	,624**	,193	,029	,316	,498*	,180	-,135	,126
Шкала 11	-,135	,558**	,006	,112	,309	,338	,042	-,284	,121
Шкала 12	-,122	-,122	,126	,162	,084	-,072	-,265	-,116	,095

Условные обозначения: «*» — $P < 0,05$; «**» — $P < 0,01$.

- Шкала 3 — «удовлетворенность отношениями с близкими»;
- Шкала 4 — «уверенность в себе»;
- Шкала 5 — «социальная смелость»;
- Шкала 6 — «инициатива в социальных контактах».

Таблица 3

Связь показателей компонентов уверенности и степени удовлетворенности личности отношениями со значимыми другими по коэффициенту корреляции Спирмена

Уверенность \ Удовлетворенность отношениями со значимыми другими	Шкала 4	Шкала 5	Шкала 6
Шкала 1	,399	,379	,477*
Шкала 2	,189	,248	,234
Шкала 3	,414*	,343	,289

Условные обозначения: «*» — $P < 0,05$;
«**» — $P < 0,01$.

Полученные в результате корреляционного анализа результаты свидетельствуют о наличии значимой связи инициативы в социальных контактах и удовлетворенности личности отношениями с партнером ($r=0,414$). Также значимо связаны удовлетворенность личности отношениями с близкими и уверенность в себе ($r=0,477$).

Сравнительный анализ результатов степени удовлетворенности личности отношениями со значимыми другими по модифицированной методике удовлетворенности браком В.В. Столина с ответами на прямые вопросы о степени удовлетворенности

Для подтверждения и расширения результатов, полученных на основе ис-

пользования модифицированного опросника удовлетворенности браком В.В. Столина, Т.Л. Романовой, Г.П. Бутенко, респондентам были также заданы два прямых вопроса о степени их удовлетворенности отношениями с партнером и отношениями с близкими в целом. Результаты в виде диаграмм распределения степени удовлетворенности среди респондентов представлены ниже (см. рис. 2 и 3).

Далее, на основе корреляционного анализа, представленного в предыдущем разделе, можно проследить тесную связь ($r=0,911$) между результатами, полученными при помощи модифицированного опросника В.В. Столина, и ответами респондентов на вопрос о степени удовлетворенности отношениями с партнером. Данная значимая связь может служить подтверждением надежности полученных результатов. То есть, респонденты, отвечая на вопросы модифицированного опросника, косвенно характеризующие специфику и состояние отношений с партнером, ответом на прямой вопрос о степени удовлетворенности этими отношениями в большинстве случаев подтверждали результат, полученный посредством опросника.

Обсуждение результатов эмпирического исследования

В результате корреляционного анализа нами было выявлено несколько значимых связей между различными компонентами самоотношения, уверенности и удовлетворенности личности отношениями со значимыми другими. Так, внутренняя честность, открытость коррелируют с инициативой в социальных

Диаграмма 1. Распределение степени удовлетворенности отношениями с партнером (прямой вопрос)

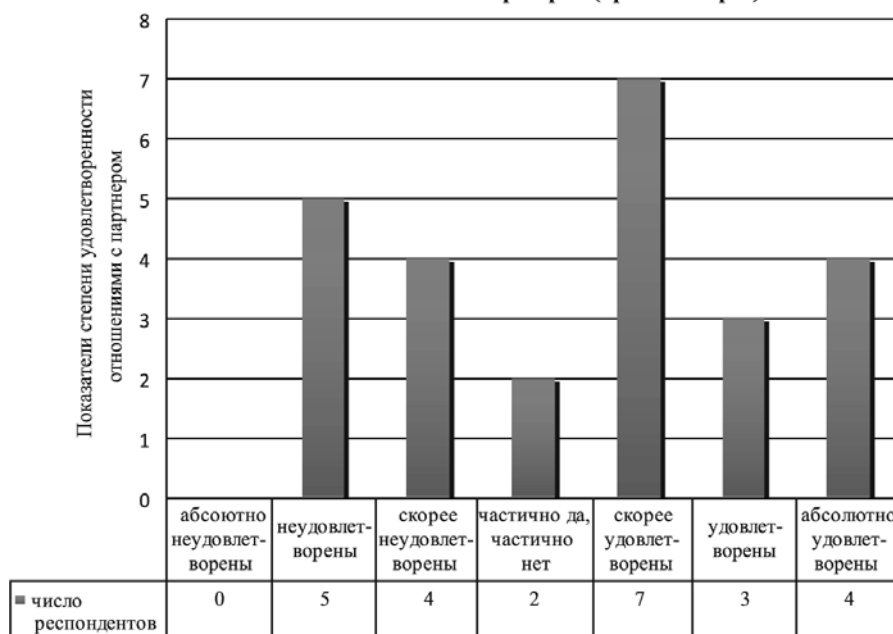

Рис. 2. Результаты степени удовлетворенности личности отношениями с партнерами по браку

Диаграмма 2. Степень удовлетворенности отношениями с партнером по модифицированному опроснику Столина

Рис. 3. Результаты степени удовлетворенности личности отношениями со значимыми другими по модифицированной методике удовлетворенности браком В.В. Столина

контактах. По определению В.Г. Ромека, инициатива в социальных контактах подразумевает готовность к такого рода контактам. На первый взгляд, связь данных характеристик выглядит довольно противоречивой, так как личности закрытой, нежелающей выдавать значимую информацию о себе, свойственна большая инициатива в социальных контактах, чем личности открытой, способной к глубокой рефлексии. Возможно, это объясняется тем, что контакты закрытой личности гораздо более поверхностны, легки, ведь она держит дистанцию. Для личности открытой несвойственна поверхностность общения, она более способна к рефлексии и критике, не стремится скрывать даже неприятную информацию, в связи с чем контакты для нее часто могут быть болезненны. Возможно, по этой причине более открытая, искренняя и глубокая личность менее инициативна в социальных контактах.

Связь «зеркального Я» и инициативы в социальных контактах уже не вызывает подобных противоречий: «Зеркальное Я» связано с тем, какое отношение к себе личность ожидает получить. Так, человек, готовый к социальным контактам, предполагает, что его личность способна вызывать симпатию других. Такой человек ожидает от другого положительной ответной реакции в виде проявления симпатии, уважения, одобрения и т.д. Естественно, личность, ожидающая негативной реакции от окружающих, не стремится к установлению новых контактов.

Также не слишком удивительной оказывается и связь самооценки и уверенности личности в себе, так как на основе теоретического анализа нами уже была выявлена практически неразрыв-

ность данных феноменов. Личность, ощущающая собственную ценность как для себя самой, так и для окружающих, с большой вероятностью будет уверена в себе, так как уверенность, по мнению В.Г. Ромека, подразумевает позитивную оценку собственных навыков и способностей. Также возможна и обратная связь — потеря интереса к своему внутреннему миру, самоотстраненность, потеря ценности собственного Я подразумевает отсутствие уверенности в себе. Эту связь подтверждает К. Хорни, говоря: «Уверенность в себе... Нужно обрести этого «себя», чтобы быть в нем уверенным» [10, с. 354] Поэтому проблема уверенности часто кроется в том, что человек не принимает себя таким, какой он есть, а как следствие, не принимая себя, не может быть и уверен в себе «таком».

Высокие показатели самоуверенности, а это представления о себе как о личности, способной вызывать уважение, как о самостоятельном волевом человеке, связаны с высокими показателями удовлетворенности личности отношениями со значимыми другими в целом. Неудовлетворенность же собой и собственными возможностями связана с низкой степенью удовлетворенности личности отношениями со значимыми другими в целом. Подтверждение данной связи мы находим также и при анализе результатов методики незаконченных предложений М. Сакса—С. Леви. Так, суждения респондентов о себе как о личности, способной вызывать уважение других («Мои подчиненные *меня уважают*», «Мои подчиненные *довольны работой со мной*», «Если кто-нибудь работает под моим руководством, *ему повезло*» и т.д.) сочетаются с такими суждениями, как: «Идеалом женщины (мужчины) для ме-

ня является *мой мужчина*», «Супружеская жизнь кажется мне... *моя — счастливой*», «Если все против меня, то *он все равно за меня*» и т.д.

Значимая связь самопринятия и удовлетворенности отношениями с партнером подтверждает выводы о диалогичном характере отношений личности. Эту же связь мы можем проследить и на основе анализа результатов методики незаконченных предложений М. Сакса—С. Леви, где негативные суждения о себе у большинства респондентов сочетаются с негативными суждениями об отношениях со значимыми другими: «Я мог(ла) бы быть очень счастливым(ой), если бы *полюбила себя*», «Думаю, что мой отец редко *думает обо мне*», «Моя мать и я *враги*», «Когда вижу женщину вместе с мужчиной, я *завидую*». Так, дружеское отношение к себе, безусловное принятие себя в своей истинной сущности, как мы можем предположить, способствует и установлению подобных отношений с партнером. При недостаточном самопринятии нам сложно устанавливать удовлетворительные отношения, в которых будем получать это принятие от партнера. Г. Олпорт пишет о том, что самопринятие является одним из свойств зрелой личности, при этом оно сочетается с тем, что, осознавая свое эмоциональное состояние, такая личность будет учитывать и то, как это повлияет на других, и стремиться к тому, чтобы это не мешало их благополучию [5].

Также была выявлена связь удовлетворенности личности отношениями с близкими и уверенности в себе. То есть, чем более личность уверена в себе, тем более удовлетворенной отношениями со значимыми другими она является. Возможно, данная связь обусловлена также

и тем, что уверенность в себе позволяет человеку проявлять активную позицию в отношениях со значимыми другими, тем самым стремясь к решению проблем, способных снизить эту характеристику.

Заключение

С первого и до последнего дня жизни человека межличностные отношения являются неперенным условием и атрибутом его существования. Значение отношений, в которые включена личность, а также их содержания и качества сохраняется на протяжении всего жизненного пути. На данный момент в связи с отсутствием преемственности между различными психологическими теориями, концепциями, а также отсутствием терминологической однозначности в описаниях удовлетворенности межличностными отношениями, нет единой картины данного феномена, отражающей его структурные элементы и факторы. В данном исследовании была осуществлена попытка связать такие аспекты, как отношение к себе, уверенность в общении и удовлетворенность личности отношениями со значимыми другими.

Полученные результаты эмпирического исследования дополняют и расширяют имеющиеся представления о предпосылках и условиях удовлетворенности личности отношениями со значимыми другими, а также дают основу для дальнейших исследований проблемы удовлетворенности отношениями в целом. В ходе исследования было выявлено, что самоотношение и уверенность личности и их взаимосвязи интегрируются и приводят к более полному осознанию своих отношений со значимыми другими и своей

роли в них и воплощаются в таком интегральном показателе, как удовлетворенность отношениями со значимыми другими. Это обуславливает необходимость учета таких характеристик личности как

самоотношение и уверенность в качестве факторов удовлетворенности отношениями со значимыми другими в дальнейших исследованиях проблемы удовлетворенности личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Будич Н.Ю. Уверенность в себе как фактор личностного самоопределения: дисс. ... канд. психол. наук. Хабаровск. 2005. 154 с.
2. Карелин А. Большая энциклопедия психологических тестов. М.: Эксмо, 2007. 416 с.
3. Лэнгле А. Что движет человеком? Экзистенциально-аналитическая теория эмоций. М.: Генезис. 2006. 235 с.
4. Никитин Е.П., Харламенкова Н.Е. Феномен человеческого самоутверждения. СПб.: Алетейя, 2000. 224 с.
5. Олпорт Г. Становление личности: Избранные труды / Под общ. ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2002. 416 с.
6. Пантилеев С.Р. Методика исследования самоотношения. М. : Смысл, 1993. 32 с.
7. Ромек В.Г. Причины неуверенности в себе // Социальная психология личности в вопросах и ответах: учеб. пособие / Под ред. В.А. Лабунской. М.: Гардарики, 1999. С. 207–226.
8. Ромек В.Г. Уверенность в себе: этический аспект // Журнал практического психолога. № 9. 1999. С. 3–14.
9. Столин В.В. и др. Опросник удовлетворенности браком // Вестник Московского университета. Психология. 1984. № 2. С. 84–86.
10. Хорни К. Невроз и личностный рост. Борьба за самоосуществление. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа и БСК, 1997. 486 с.
11. Энтони Р. Главные секреты абсолютной уверенности в себе. СПб.: Питер, 2007. 224 с.
12. Seligman M. Helplessness: on depression, development and death. N. Y.: W.H. Freeman, 1995. 250 p.

Confidence in Communication and Self-Attitude as Factors of Satisfaction with Relationships

V.A. FEDOTOVA,

*MA in Psychology, lecturer at the Department of Management,
National Research University "Higher School of Economics"*

E.D. KOMOVA,

MA in Psychology, National Research University "Higher School of Economics"

The paper presents outcomes of a research on the correlation between one's confidence in communication, self-attitude and his/her satisfaction with relationships with significant others. The tested hypothesis was that self-attitude and confidence are the interrelated characteristics of personality, with self-confidence as their common element, and that positive self-attitude and high levels of self-confidence in the individual correlate with his/her satisfaction with the relationships with significant others. As it is shown, self-attitude and self-confidence become integrated, resulting in the person's deeper understanding of the relationships and of his/her role in them, and reflect themselves in the integral indicator of relationship satisfaction. The paper concludes that the outcomes of current research enrich the existing views on backgrounds and conditions of the person's satisfaction with relationships with significant others.

Keywords: *self-confidence, self-esteem, self-attitude, relationship satisfaction, significant others.*

REFERENCES

1. *Budich N.Ju.* Uverennost' v sebe kak faktor lichnostnogo samoopredelenija: diss. ... kand. psihol. nauk. Habarovsk. 2005. 154 p.
2. *Karelin A.* Bol'shaja jenciklopedija psihologicheskikh testov. Moscow: Jeksmo, 2007. 416 p.
3. *Ljengle A.* Chto dvizhet chelovekom? Jekzistencial'no-analiticheskaja teorija jemocij. Moscow: Genezis. 2006. 235 p.
4. *Nikitin E.P., Harlamenkova N.E.* Fenomen chelovecheskogo samoutverzhdenija. Saint-Petersburg: Aletejja, 2000. 224 p.
5. *Olport G.* Stanovlenie lichnosti: Izbrannye trudy / Pod obshh. red. D.A. Leont'eva. Moscow: Smysl, 2002. 416 p.
6. *Pantileev S.R.* Metodika issledovanija samootnoshenija. Moscow: Smysl, 1993. 32 p.
7. *Romek V.G.* Prichiny neuverennosti v sebe // Social'naja psihologija lichnosti v voprosah i otvetah: ucheb. posobie / Pod red. V.A. Labunskoj. Moscow: Gardariki, 1999. pp. 207–226.
8. *Romek V.G.* Uverennost' v sebe: jeticheskij aspekt // Zhurnal prakticheskogo psihologa. no. 9. 1999. pp. 3–14.
9. *Stolin V.V. i dr.* Oprosnik udovletvorennosti brakom // Vestnik Moskovskogo universiteta. Psihologija. 1984. no. 2. pp. 84–86.
10. *Horni K.* Nevroz i lichnostnyj rost. Bor'ba za samoosushhestvlenie. Saint-Petersburg: Vostochno-Evropejskij institut psihoanaliza i BSK, 1997. 486 p.
11. *Jentoni R.* Glavnye sekrety absoljutnoj uverennosti v sebe. Saint-Petersburg: Piter, 2007. 224 p.
12. *Seligman M.* Helplessness: on depression, development and death. New York: W.H. Free-man, 1995. 250 p.

Особенности интенциональности личности разностатусных подростков

Н.Н. ТОЛСТЫХ,

*доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой
социальной психологии развития Московского городского
психолого-педагогического университета*

М.Д. КОНДРАТЬЕВ,

*аспирант кафедры социальной психологии развития
Московского городского психолого-педагогического университета*

В статье представлены результаты эмпирического исследования интенциональности подростков, имеющих разный интрагрупповой статус. Интрагрупповой статус подростков определялся при помощи трех методик: социометрии, референтометрии и методического приема определения неформальной интрагрупповой структуры власти в контактном сообществе. Операционализация «интенциональности» осуществлена при помощи выявления двух ее аспектов: содержательного (направленность личности на себя, на взаимодействие или на задачу, определяемая с помощью ориентационного опросника Б. Басса) и темпорального (временная перспектива, определяемая с помощью методики Ф. Зимбардо). Продемонстрирована специфика интенциональности подростков, имеющих разный статус в аттракционной структуре, структуре референтности и структуре неформальной власти.

Ключевые слова: *интенциональность, интрагрупповой статус, социометрия, референтометрия, методический прием определения неформальной интрагрупповой структуры власти, направленность, временная перспектива, подростки.*

К постановке проблемы исследования

В статье представлены результаты эмпирического исследования, которое находится на стыке таких отраслей психологической науки, как социальная психология, возрастная психология и психология личности. Интенциональность, если ее понимать предельно широко, — это направленность, устремленность субъекта на что-то, внутреннее движение к чему-

то. В психологическом контексте интерпретация интенциональности сближает это понятие с такими, как мотивация, смысл, воля. Так, Р. Мэй, много внимания уделявший проблематике интенциональности, спорит в этой связи со знаменитым тезисом Р. Декарта «Я мыслю, значит, я существую», противопоставляя ему тезис, в большей степени, по мнению Р. Мэя, отражающий существенный опыт личности, «Я постигаю — я могу — я изъясняю волю (я буду)» [5, с. 264], и

пишет: «Именно в интенциональности и воле человек ощущает свою индивидуальность, “я — это я” в утверждении “я могу”» [5, с. 234].

Операционализируя представление об интенциональности для целей эмпирического исследования, мы выделили два ее аспекта: содержательный и темпоральный, временной.

В качестве первого из них — содержательного — мы рассматриваем направленность личности в том ее значении, которое разрабатывалось в 60–70-е гг. XX в. в школе Л.И. Божович, где направленность понималась как возникающая в процессе жизни устойчиво доминирующая система мотивов, в которой основные, ведущие мотивы, подчиняя себе все остальные, структурируют мотивационную сферу человека и определяют те наиболее значимые и важные для человека мотивационные объекты, которые и характеризуют, в конечном счете, его личность и поведение [1; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 13]. В качестве фундаментальной в этих исследованиях рассматривалась характеристика направленности с точки зрения отношения человека к себе и к другим людям, обществу. «В зависимости от того, — писала Л.И. Божович, — что побуждает человека — мотивы личной заинтересованности или мотивы, связанные с интересами других людей, строятся и все другие особенности его личности: интересы, черты характера, стремления и переживания. Более того, от направленности личности зависит не только комплекс характерных для данного человека качеств, но и внутреннее строение каждого присущего ему качества» [1, с. 368]. Соответственно, основными видами направленности личности исходно были индивидуалистическая (личная) и

коллективистическая (просоциальная). Позже в результате экспериментальных исследований к ним был добавлен третий вид — деловая направленность.

В те же годы в США велись близкие по содержанию исследования типов ориентаций личности (*personality orientation*). Примером могут служить исследования Б. Басса и его коллег [12 и др.], в которых ориентация личности изучалась в контексте социального поведения индивида. В этих работах тип ориентации определяется в результате выявления индивидуальных различий в отношении индивидов к себе, к взаимодействию с другими людьми и к делу, к задаче. Соответственно, американскими исследователями также было выявлено три вида ориентаций: ориентация на себя (*self-orientation*), ориентация на взаимодействие (*interaction-orientation*) и ориентация на дело (*task-orientation*).

Методическое обеспечение эмпирического исследования

Близость описанных позиций позволила нам в качестве инструмента для определения направленности личности использовать русскоязычную версию предложенного Б. Бассом опросника, который позволяет судить о виде ориентации на основании самоотчетов испытуемых и дает, таким образом, знание о том, какого рода представления о характерном для него поведении (направленном на себя, на взаимодействие или на дело) имеет тот или иной участник опроса [2].

Временной аспект интенциональности изучался с помощью опросника временной перспективы Ф. Зимбардо (ZTPI), который позволяет выявить то,

что точнее можно было бы назвать преимущественной временной установкой на тот или иной временной отрезок. Этих временных отрезков — по Ф. Зимбардо, факторов, или шкал — пять: негативное прошлое, позитивное прошлое, гедонистическое настоящее, фаталистическое настоящее, будущее [3].

Интрагрупповой статус подростков определялся при помощи трех методик: социометрии, референтометрии и методического приема определения неформальной интрагрупповой структуры власти в контактном сообществе [4]. В качестве малых контактных групп изучались школьные классы одной из общеобразовательных школ г. Москвы. Объем выборки — 71 человек, учащиеся 9-х классов (три класса), 38 девушек и 33 юноши. В момент проведения исследования (февраль—март 2013 г.) все они планировали продолжить свое обучение в данном образовательном учреждении (поступить в 10-й класс).

По результатам проведенных социометрии, референтометрии и методического приема определения неформальной интрагрупповой структуры власти для каждого класса была выявлена социально-психологическая структура этой учебной группы.

Анализ материалов наблюдения за учащимися на уроках и переменах, а также данные, полученные в ходе бесед с педагогами и классными руководителями, позволяют говорить о том, что классы (как малые группы) имеют одинаковый уровень развития, что, в свою очередь, позволило в ходе дальнейшего анализа объединить высокостатусных, средне-статусных и низкостатусных учащихся из всех трех классов в соответствующие три группы.

Результаты эмпирического исследования

Начнем анализ полученного эмпирического материала с данных по всей выборке. В результате обработки данных, полученных с помощью опросника Зимбардо (ZTP1), с использованием критерия Уилкоксона было выявлено, что при сравнении выраженности пяти факторов временной перспективы обнаруживаются значимые различия ($p < 0,01$) между всеми возможными парами исследуемых факторов, кроме пары «Негативное прошлое» и «Фаталистическое настоящее». Оба эти фактора в данной выборке выражены сравнительно менее других (рис. 1). Наибольшее среднее значение имеют показатели по шкале «Гедонистическое настоящее» (3,65), наименьшее — по шкале «Фаталистическое настоящее» (2,73).

Рассмотрим теперь данные, полученные по Ориентационному опроснику Б. Басса, которые отражают содержательный аспект интенциональности (рис. 2).

Как видно из рис. 2, наибольшим средним значением по выборке обладает тип ориентации «на себя» (34), наименьшим — «на взаимодействие» (26).

Корреляционный анализ результатов, полученных по методикам ZTP1 и Ориентационный опросник на всей выборке, проведенный с помощью коэффициента корреляции Спирмена, показал, что на уровне значимости $p < 0,01$ существуют значимые средние отрицательные корреляции между показателями: «Фаталистическое настоящее» и «Ориентация на задачу» (-0,371), «Будущее» и «Ориентация на взаимодействие» (-0,431), а также положительная корреляция между факторами «Будущее» и «Ориентация на задачу» (0,454).

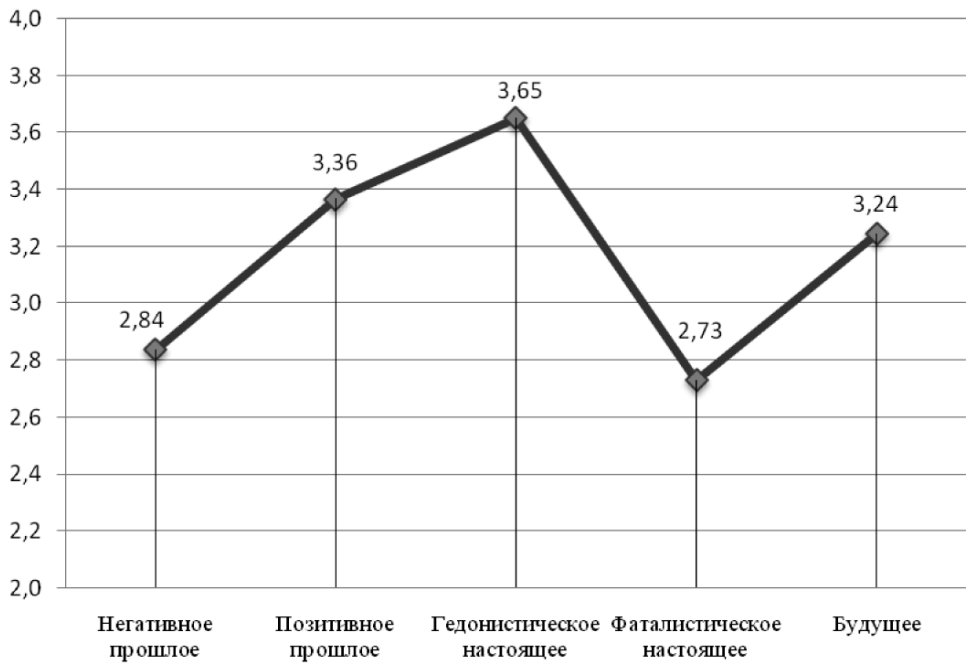

Рис. 1. Средние показатели по шкалам ZPTI (в целом по выборке)

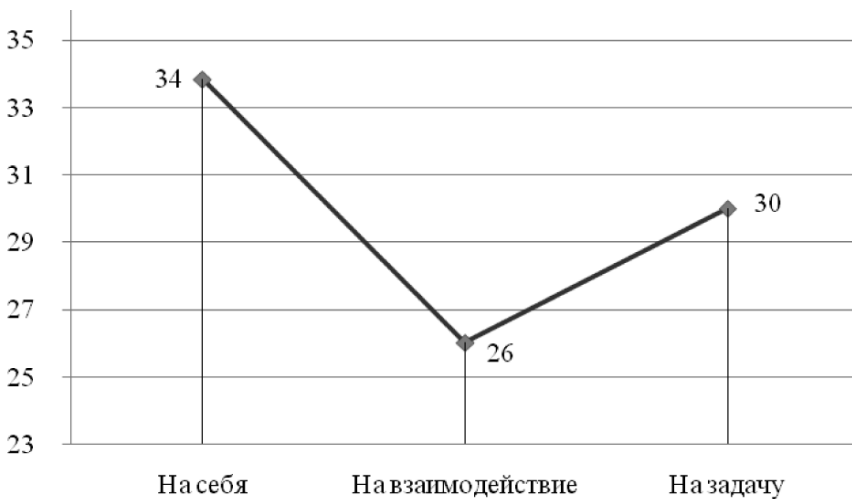

Рис. 2. Средние показатели выраженности различных типов ориентации личности (в целом по выборке)

Перейдем теперь непосредственно к анализу результатов в контексте разделения выборки на группы в зависимости от показателей интрагруппового статуса.

Особенности интенциональности подростков с различными показателями социометрического статуса. В результате проведения социометрической процедуры в каждом из классов удалось выявить учащихся с высоким, средним и низким социометрическим статусом.

С помощью непараметрического критерия U Манна—Уитни проверялись переменные, связанные с темпоральным и содержательным аспектами интенциональности личности (по результатам ZТPI и Ориентационного опросника). В качестве группирующей переменной использовался показатель социометрического статуса.

По данным проведенного исследования, на уровне средних значений для *социометрически высокостатусных* подростков характерны сравнительно высокие показатели по шкалам «Позитивное прошлое», «Будущее» (временной аспект интенциональности), с одной стороны, и «Ориентация на себя» (содержательный аспект интенциональности) — с другой.

Социометрически среднестатусных подростков отличают сравнительно высокие показатели по темпоральной шкале «Гедонистическое настоящее», а *социометрически низкостатусных* — сравнительно низкие показатели по шкале «Позитивное прошлое» (темпоральный аспект интенциональности) в сочетании со сравнительно высокими показателями по шкале «Ориентация на задачу» наряду со сравнительно низкими по шкалам «Ориентация на себя» и «Ориентация на взаимодействие» (содержательный аспект интенциональности).

Особенности интенциональности подростков с различными показателями референтометрического статуса. В результате обработки данных по референтометрии также было получено статусное распределение испытуемых и осуществлено сравнение групп подростков с разным референтометрическим статусом при помощи статистического критерия U Манна—Уитни.

Выявлено, что для *референтометрически высокостатусных* учащихся характерны высокие показатели по шкалам «Негативное прошлое» и «Ориентация на взаимодействие».

Для *референтометрически низкостатусных* учащихся характерны сравнительно высокие показатели по шкалам «Будущее» и «Ориентация на задачу», а также сравнительно низкие показатели по шкалам «Негативное прошлое», «Фаталистическое настоящее», «Ориентация на взаимодействие». Можно предположить, что эти показатели являются следствием намеренной концентрации низкостатусных учащихся на целях, лежащих в будущем (и требующих для достижения ориентации на задачу), причем именно низкий статус может выступать причиной данной ориентации.

Для *референтометрически среднестатусных* учащихся обнаружены некоторые различия лишь на уровне тенденций.

Особенности направленности личности подростков с различными показателями статуса в интрагрупповой структуре неформальной власти. По результатам обработки данных, полученных с помощью методического приема определения неформальной структуры власти, испытуемые также были разделены на три группы по показателю статуса.

Использование непараметрического критерия U Манна–Уитни позволило установить значимость различий по рассматриваемым шкалам между группами с высоким, средним и низким неформальным статусом.

Оказалось, что для *высокостатусных* в структуре неформальной власти подростков характерны сравнительно низкие показатели по темпоральной шкале «Гедонистическое настоящее», а по характеристике направленности — высокие показатели по шкале «Ориентация на себя»; для *среднестатусных* — сравнительно высокий показатель по темпоральной шкале «Фаталистическое настоящее», а для *низкостатусных* — сравнительно высокие показатели по шкалам «Позитивное прошлое» и «Ориентация на себя».

Обсуждение результатов эмпирического исследования

Что касается выборки в целом, то описанные выше коэффициенты корреляции свидетельствуют о наличии взаимосвязи между отдельными показателями временных установок и типами ориентации личности. Ф. Зимбардо, характеризуя разные типы временной ориентации, отмечал, что установка на «Будущее» предполагает способность индивида осуществлять действия, направленные на цели, «расположенные» в будущем, т.е. действовать целенаправленно, осознавая при этом, что от сегодняшней активности зависит завтрашний успех (именно это Ж. Нюттен называет временной компетентностью). Это в большей степени сочетается с типом «Ориентация на задачу» и в мень-

шей — с типом «Ориентация на взаимодействие», поскольку преобладание ориентации на взаимодействие может означать, что для индивида существенно более важным по сравнению с достижением цели является обеспечение комфортного общения. В свою очередь, временная установка «Фаталистическое настоящее» предполагает меньшую заинтересованность индивида в продуктивной деятельности как таковой.

Рассмотрим полученные нами результаты в контексте интрагруппового статуса личности.

1) Социометрический статус. Показатели временных установок и характера содержательной ориентации групп подростков с разным социометрическим статусом отражены на рис. 3 и 4.

Обращаясь к особенностям *темпорального аспекта интенциональности* подростков с разным социометрическим статусом, нетрудно заметить следующее. Для *высокостатусных* подростков характерны самые высокие показатели временной установки на «Позитивное прошлое», для *низкостатусных* — самые низкие. Весьма вероятно, что установка на позитивное прошлое как ресурс, отражающий реальное благополучие проживания периода детства, может выступать одним из источников формирования высокого социометрического статуса в отрочестве. Для *высокостатусных* подростков характерна также более высокая (в сравнении с *низко- и среднестатусными*) выраженность установки на «Будущее», что, в свою очередь, объясняет их социометрическую привлекательность тем набором личностных черт и форм поведения, которые, по Ф. Зимбардо, характерны для людей с подобным типом ус-

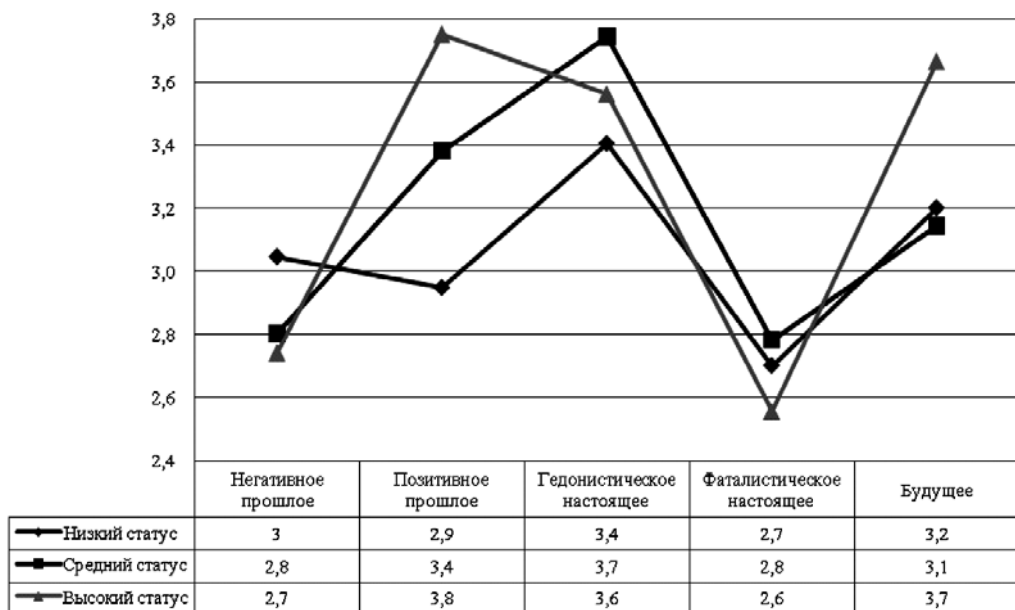

Рис. 3. Средние значения шкал ZPTI у подростков с высоким, средним и низким социометрическим статусом

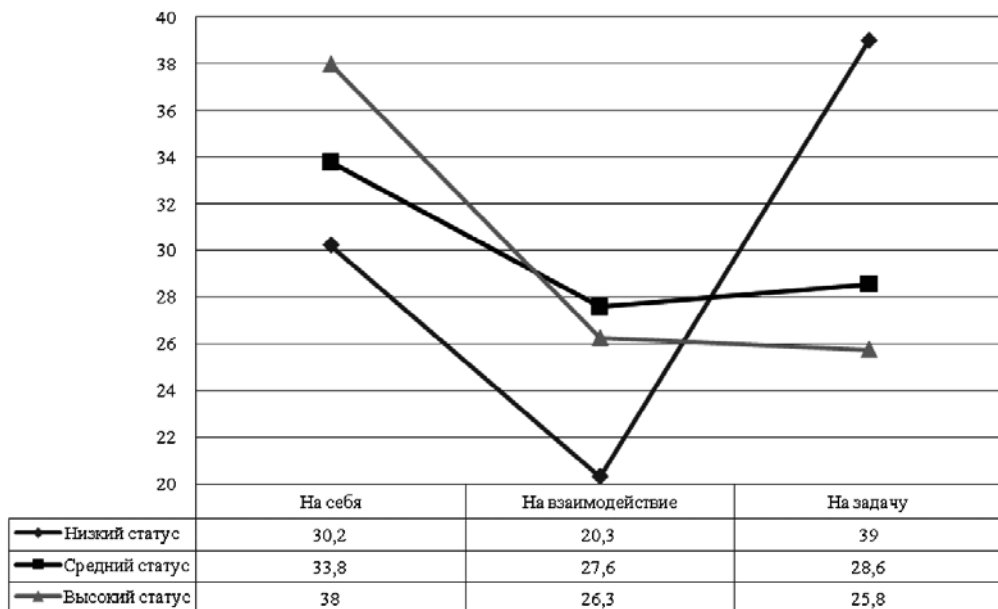

Рис. 4. Средние значения шкал Ориентационного опросника у подростков с высоким, средним и низким социометрическим статусом

тановки: открытость, доброжелательность, позитивное отношение к окружающим, креативность и т.п. *Высокостатусные* подростки к тому же характеризуются минимальными значениями по шкалам «Фаталистическое настоящее» и «Негативное прошлое». Иными словами, в соответствии с интерпретацией, которую дает Ф. Зимбардо, именно социометрически *высокостатусных* подростков (в сравнении с представителями двух других статусных слоев), отличают самые высокие показатели по всем тем установкам, которые являются продуктивными, и минимальные — по непродуктивным. Отдельно отметим средне-высокие показатели по шкале «Гедонистическое настоящее». И здесь мы также наблюдаем определенный оптимум у социометрически *высокостатусных* подростков: по Ф.Зимбардо, плохо, когда гедонизм высок, но плохо и его отсутствие.

Что касается социометрически *средне-нестатусных* подростков, то приоритетной для них временной установкой выступает именно «Гедонистическое настоящее», и это на фоне незначительной (наравне с *низкостатусными*) установкой на будущее. Их «темпоральный профиль» явно проигрывает профилю *высокостатусных*.

Совсем тревожной выглядит ситуация у социометрически *низкостатусных* подростков. Они имеют худшие показатели по временным установкам, связанным с прошлым, их мало удовлетворяет настоящее положение вещей, они не умеют получать удовольствие от общения, каких-то занятий и т.п. (шкала «Гедонистическое настоящее»), но и на будущее особенно не рассчитывают, на него не ориентируются и о нем не заботятся.

Анализируя *содержательный аспект интенциональности*, отметим следующие особенности. Во-первых, бросается в глаза тот факт, что самые высокие (по сравнению с другими группами подростков) показатели *высокостатусные* подростки имеют по шкале «Ориентация на себя», *средне-нестатусные* — по шкале «Ориентация на взаимодействие», а *низкостатусные* — по шкале «Ориентация на задачу». Это уже само по себе чрезвычайно интересно. Но если «эгоизм» *высокостатусных* и «общительность» *средне-нестатусных* не вызывает особого удивления, то столь высокие показатели по шкале «Ориентация на задачу» у *низкостатусных* подростков оказываются в определенном смысле неожиданными. Говоря об этой группе подростков, можно предположить, что их сравнительно низкие (на уровне тенденций) показатели ориентации на себя отражают эго-защитную реакцию, вызванную в том числе и положением в группе. Суть этой реакции заключается в усилении других типов ориентации, чаще при этом — на задачу, а не на взаимодействие, так как активность в рамках ориентации на взаимодействие в их случае не является эффективной.

2. Референтометрический статус.

Показатели временных установок и характера содержательной ориентации групп подростков с разным референтометрическим статусом отражены на рис. 5 и 6.

Первое, что бросается в глаза при взгляде на эти рисунки, — их значительные отличия от рисунков, характеризующих особенности интенциональности подростков, различающихся по своему социометрическому статусу.

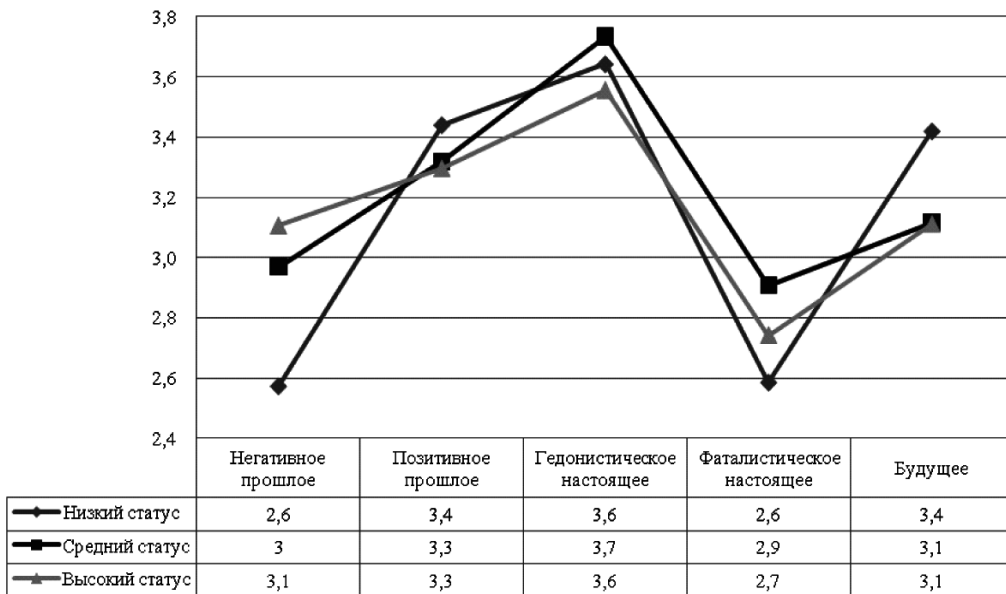

Рис. 5. Средние значения шкал ZPTI у подростков с высоким, средним и низким референтометрическим статусом

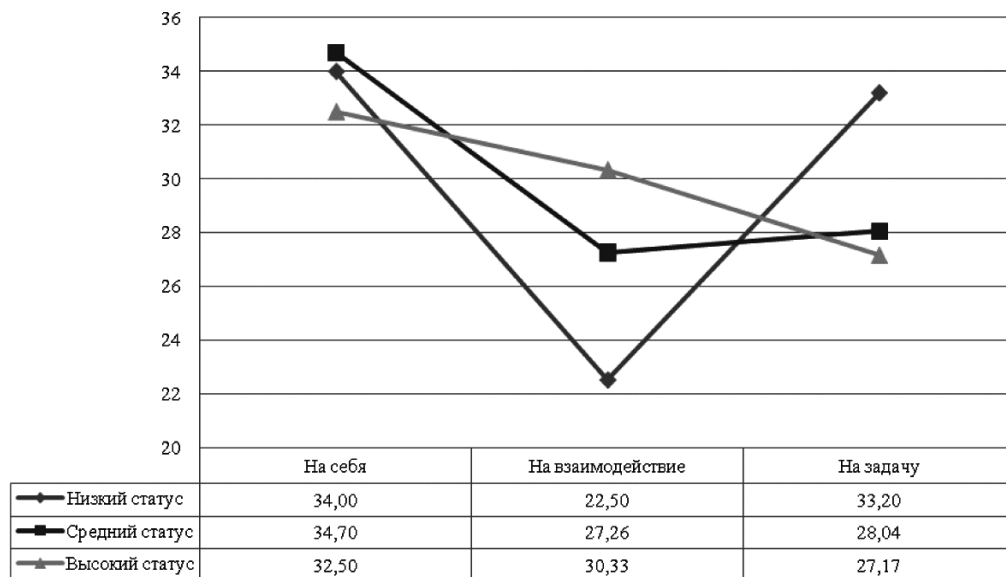

Рис. 6. Средние значения шкал Ориентационного опросника у подростков с высоким, средним и низким референтометрическим статусом

Рассмотрим вначале *темпоральный аспект интенциональности* подростков с разным референтометрическим статусом. «Темпоральные профили» этих групп подростков значительно более похожи между собой, чем аналогичные «профили» групп подростков с разным социометрическим статусом. В данном случае для всех трех групп приоритетной является одна и та же темпоральная установка — на «Гедонистическое настоящее» (отметим все же, что на уровне тенденции она слабее выражена у высокостатусных), на втором по значимости месте для всех трех групп оказывается «Позитивное прошлое» (и также с минимальными различиями между группами). Это значит, что указанные темпоральные установки не играют роли дифференцирующего критерия при сравнении подростков с разным референтометрическим статусом.

Наибольшие же различия — и, на первый взгляд, весьма парадоксальные — получены в данном случае по шкалам «Негативное прошлое» и «Будущее». Так, оказалось, что самыми «интересными», референтометрически значимыми для сверстников являются, если можно так выразиться, подростки «с прошлым», выдавшие жизнь не с самой лучшей стороны. А как раз у самых непривлекательных все в прошлом, по крайней мере субъективно, было хорошо: у них и самые высокие показатели по шкале «Позитивное прошлое», и самые низкие — по шкале «Негативное прошлое». Подобные установки по отношению к прошлому Ф. Зимбардо, как уже отмечалось, оценивает как продуктивные, причем для него не важно, каким на самом деле

было прошлое индивида, важно лишь субъективное его видение. Однако нельзя исключить и компенсаторного характера отвержения установки на негативное прошлое в случае подростков с низким референтометрическим статусом.

Группа низкостатусных учащихся отличается наиболее выраженной установкой на будущее при минимальных показателях по шкале «Фаталистическое настоящее», что также, по Ф. Зимбардо, можно оценить положительно, если иметь в виду личность респондента, но это, как видим, не интересно и не значимо для сверстников, когда речь идет о референтометрическом выборе.

Анализ *содержательного аспекта интенциональности* подростков с разным референтометрическим статусом также рисует нам картину, отличную от той, которая характеризовала группы подростков с разным социометрическим статусом. В данном случае на первом месте у *высокостатусных* подростков оказывается ориентация на взаимодействие (и самый низкий показатель по ориентации на себя), у *среднестатусных* — на себя, и лишь у *низкостатусных* приоритет прежний — ориентация на задачу. Вообще «содержательный профиль» референтометрически *низкостатусных* подростков более всего похож на такой профиль у социометрически *низкостатусных*. Разница, главным образом, в более высоком значении ориентации на себя. Можно предположить, что свое «референтное аутсайдерство» подростку ощутить труднее, чем аутсайдерство, выявляемое социометрией, а поэтому и эго-защитная реакция не так выражена.

3. Статус неформальной власти. Показатели временных установок и характера содержательной ориентации групп подростков с разными показателями статуса неформальной власти отражены на рис. 7 и 8.

Сравнение трех групп, выделенных в выборке на основе показателя статуса неформальной власти, позволило выявить следующие особенности *темпорального аспекта интенциональности*.

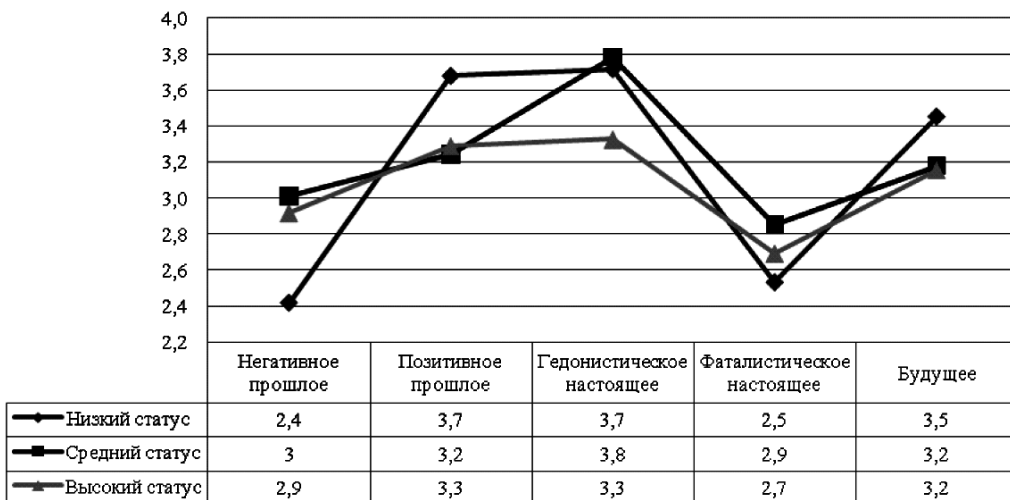

Рис. 7. Средние значения шкал ZTP1 у подростков с высоким, средним и низким статусом неформальной власти

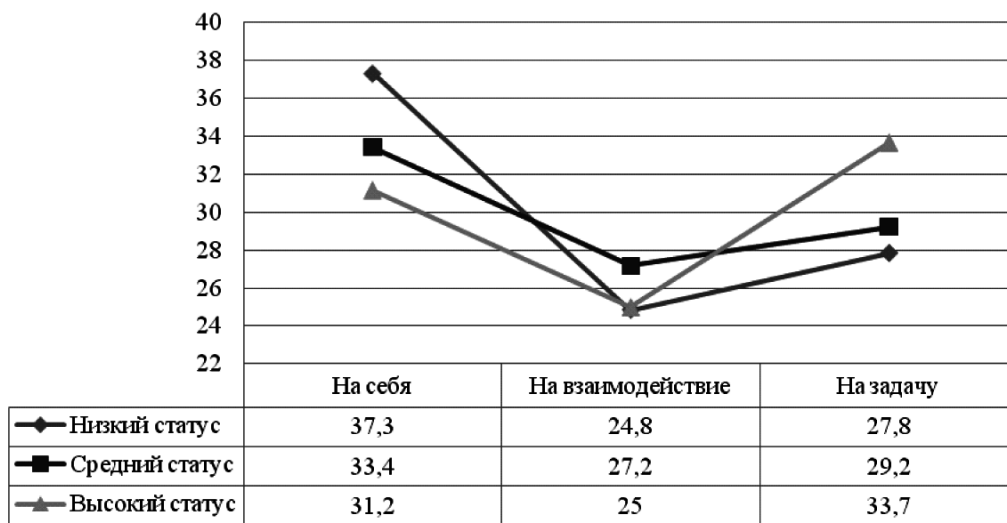

Рис. 8. Средние значения шкал Ориентационного опросника у подростков с высоким, средним и низким статусом неформальной власти

Самый позитивный, продуктивный, желательный, с точки зрения личностного развития (если ориентироваться на мнение Ф. Зимбардо), «темпоральный профиль» мы видим у представителей группы *низкостатусных*. Для них характерны самые низкие показатели по шкале «Негативное прошлое» и самые высокие показатели — по шкалам «Позитивное прошлое» и «Будущее». Гипотетические объяснения этому факту могут быть разными. Вполне возможно, например, что совсем не такие «хорошие ребята» видятся сегодня сверстниками как «эффективные руководители». Но, возможно, связь специфической установки на прошлое подростков с низким властным статусом объясняется усилением установки на позитивное прошлое как защитной реакцией в ответ на статусное положение в группе в настоящем.

Отметим единственный показатель, отличающий в данном случае *высокостатусных* подростков. Их показатели по шкале «Гедонистическое настоящее» оказались ниже, чем у подростков с другим статусом. Вполне возможно, что та ответственность, которую несут высокостатусные в сфере отношений власти подростки, делает их менее ориентированными на гедонистическое настоящее, либо требует от них меньшего уровня гедонизма.

Специфичен *содержательный аспект интенциональности* высокостатусных в структуре неформальной власти подростков. Ими становятся не «эгоисты» (как при социометрии) и да-

же не ориентирующиеся на взаимодействие (как при референтометрии), а те, кто ориентирован на решение задачи.

Выводы

Анализ данных, полученных в результате исследования, позволил сформулировать следующие выводы:

1. Группы подростков, различающихся по показателям социометрического, референтометрического статуса, а также статуса неформальной власти, имеют специфические профили темпорального и содержательного компонентов интенциональности.

2. Существует взаимосвязь между отдельными показателями выраженности временных установок и типами ориентации личности.

3. Анализ особенностей интенциональности в контексте интрагруппового статуса личности следует осуществлять именно в логике отдельных компонентов интегрального статуса, поскольку в противном случае различия могут быть утеряны при обработке данных.

4. Есть основания предполагать, что отдельные характеристики компонентов интенциональности личности могут выступать в качестве «слагаемых» ее интрагруппового статуса.

Проделанная нами работа позволила выявить описанные выше взаимосвязи, но на вопрос о влиянии одних факторов на другие будет возможно ответить лишь после проведения дополнительных исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Божович Л.И.* Личность и ее формирование в детском возрасте. СПб.: Питер, 2008. 400 с.
2. *Болотова А.К., Макарова И.В.* Прикладная психология. М.: Аспект-пресс, 2001. 383 с.
3. *Зимбардо Ф., Бойд Дж.* Парадокс времени. Новая психология времени, которая улучшит вашу жизнь. СПб.: Речь, 2010. 352 с.
4. *Кондратьев М.Ю.* Методический алгоритм определения интегрального внутри-группового статуса члена контактного сообщества // Социальная психология и общество. 2014. Т. 5. № 3. С. 125–142.
5. *Мэй Р.* Любовь и воля. М.: Рефл-бук, Ваклер, 1997. 384 с.
6. *Неймарк М.С.* Изучение подростков с разной направленностью личности // Изучение мотивации поведения детей и подростков / Под ред. Л.И. Божович и Л.В. Благонадежиной. М.: Педагогика, 1972. С. 147–248.
7. *Неймарк М.С.* Опыт экспериментального исследования направленности личности подростка // Вопросы психологии. 1963. № 1. С. 3–12.
8. *Неймарк М.С.* Психологическое изучение направленности личности подростка: дисс. ... докт. психол. наук. М., 1972.
9. *Неймарк М.С., Толстых Н.Н.* Направленность личности: взгляд из 2012 года // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 16. Психология. Педагогика. Вып. 1. Январь 2013. С. 5–13.
10. *Неймарк М.С., Чудновский В.Э.* Сопоставление различных экспериментальных методик по выявлению направленности личности // Изучение мотивации поведения детей и подростков / Под ред. Л.И. Божович и Л.В. Благонадежиной. М.: Педагогика, 1972. С. 249–258.
11. *Чудновский В.Э.* Опыт экспериментального выявления преобладающих мотивов у школьников // Вопросы психологии. 1968. № 1. С. 67–74.
12. *Bass В.М.* Social Behavior and the Orientation Inventory: a Review // Psychologi. Bull. 1967. Vol. 68. № 4, P. 260–292.
13. *Neimark M.* Personality Orientation. N. J.: Educational Technology Publication, Inc., Englewood, 1976. 302 p.

Features of Intentionality in Adolescents of Different Statuses

N.N. TOLSTYKH,

*Doctor in Psychology, professor, head of the Chair of Social Psychology
of Development, Moscow State University of Psychology and Education*

M.D. KONDRATYEV,

*PhD student at the Chair of Social Psychology of Development,
Moscow State University of Psychology and Education*

The paper presents findings of an empirical research on intentionality in adolescents of different intragroup statuses. The intragroup status was measured with three techniques: sociometry, reference measurement tool, and a technique for defining non-formal intragroup structure of power in contact community. Operationalization of intentionality was carried out by describing two aspects of the concept: content aspect (that is, self-orientation, interaction-orientation or task-orientation measured with Bass Orientation Inventory) and temporal aspect (time perspective measured with Zimbardo Time Perspective Inventory). The paper then outlines the specifics of intentionality in adolescents of different statuses in attraction structure, reference structure and informal power structure.

Keywords: *intentionality, intragroup status, sociometry, reference measurement tool, technique for definition of non-formal intragroup structure of power, orientation, time perspective, adolescents.*

REFERENCES

1. *Bozhovich L.I.* Lichnost' i ee formirovanie v detskom vozraste. Saint-Petersburg: Piter, 2008. 400 p.
2. *Bolotova A.K., Makarova I.V.* Prikladnaja psihologija. Moscow: Aspekt-press, 2001. 383 p.
3. *Zimbardo F., Boyd Dzh.* Paradoks vremeni. Novaja psihologija vremeni, kotoraja uluchshit vashu zhizn'. Saint-Petersburg: Rech', 2010. 352 p.
4. *Kondrat'ev M.Ju.* Metodicheskij algoritm opredelenija integral'nogo vnutrigruppovogo statusa chlena kontaktnogo soobshhestva // Social'naja psihologija i obshhestvo. 2014. T. 5. no. 3. pp. 125–142.
5. *Mjej R.* Ljubov' i volja. Moscow: Refl-buk, Vakler, 1997. 384 p.
6. *Nejmark M.S.* Izuchenie podrostkov s raznoj napravlennoš'ju lichnosti // Izuchenie motivacii povedenija detej i podrostkov / Pod red. L.I. Bozhovich i L.V. Blagonadezhnoi. Moscow: Pedagogika, 1972. pp. 147–248.
7. *Nejmark M.S.* Opyt jeksperimental'nogo issledovanija napravlennošti lichnosti podrostka // Voprosy psihologii. 1963. no. 1. pp. 3–12.

8. *Nejmark M.S.* Psihologicheskoe izuchenie napravlenosti lichnosti podrostka: diss. ... dokt. psihol. nauk. Moscow, 1972.
9. *Nejmark M.S., Tolstyh N.N.* Napravlenost' lichnosti: vzgljad iz 2012 goda // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Serija 16. Psihologija. Pedagogika. Vyp. 1. Janvar' 2013. pp. 5–13.
10. *Nejmark M.S., Chudnovskij V.Je.* Sopostavlenie razlichnyh jeksperimental'nyh metodik po vyjavleniju napravlenosti lichnosti // Izuchenie motivacii povedenija detej i podrostkov / Pod red. L.I. Bozhovich i L.V. Blagonadezhnoi. Moscow: Pedagogika, 1972. pp. 249–258.
11. *Chudnovskij V.Je.* Opyt jeksperimental'nogo vyjavlenija preobladajushhih motivov u shkol'nikov // Voprosy psihologii. 1968. no. 1. pp. 67–74.
12. *Bass B.M.* Social Behavior and the Orientation Inventory: a Review // Psychologi. Bull. Vol. 68. № 4. 1967. pp. 260–292.
13. *Neimark M.* Personality Orientation. New Jersey: Educational Technology Publication, Inc., Englewood, 1976. 302 p.

Социальные представления подростков, склонных к риску

Т.П. АВДУЛОВА,

кандидат психологических наук, доцент Московского педагогического государственного университета

Л.А. МОТЫЛЕВА,

директор ГБОУ школа № 1106

В статье анализируется взаимосвязь у подростков склонности к рисковому поведению и особенностей социальных представлений. Показано распределение подростков по уровням склонности к риску. Обнаружены значимые связи между высоким уровнем склонности к риску и низкими показателями совестливости, низкой ориентацией на социальные аксиомы (религиозность), низким стремлением к упорядоченности мира, отсутствием веры в персональный справедливый мир. Одновременно показано, что воздерживающиеся от риска подростки отличаются высокой потребностью в упорядоченности мира и ориентацией на универсальные социальные правила.

Ключевые слова: *подросток, риск, склонность к рисковому поведению, социальные представления, социальные аксиомы, вера в справедливый мир, совестливость, эмоциональный интеллект.*

Постановка проблемы исследования

Склонность к риску является как личностным, так возрастным и социальным феноменом, который проявляется в связи с определенными типологическими особенностями, но неизбежно нарастает в подростковом возрасте и юности, а также трансформируется в зависимости от социальной среды и обстоятельств социализации личности. Данные исследований М. Цукермана показывают, что в период с 9 до 14 лет склонность к риску стремительно возрастает и достигает максимальных значений к 18–20 годам, после чего неизбежно снижается [19]. Многие авторы отмечают естественность риска для подросткового возраста,

его условную нормативность, различая две направленности рискового поведения: социально допустимую и деструктивную [2; 16].

Наряду с этим, риск становится для подростков формой самораскрытия через внешнее поведение и острые телесные ощущения, так как подлинное самораскрытие для незрелой личности невозможно и оказывается субъективно еще большим риском, нежели опасность для здоровья или для жизни. Происходит своеобразная подмена: неготовность рисковать личностью (познавать себя, актуализировать и реализовывать свое Я, взростеть) ведет к усилению физического риска ощущения границ Я и внешних возможностей Я. Все чаще молодые люди выбирают риск как альтернатив-

ную возможность ощутить вкус жизни, испытать себя и показать неограничиваемость собственных возможностей скучной реальностью.

Рисковое поведение является своеобразным отражением процесса формирования социальной идентичности, декларацией самости, выражающей стремление показать собственную уникальность, подняться над средним, обезличенным уровнем самопрезентации [1]. Определенная маргинальность, согласно Э. Эриксону, может лучше выразить уникальную идентичность подростка, в том числе и в существовании в качестве делинквента, если общество не способно предложить ему нечто другое [11].

Фактором рискованного поведения для подростков становятся также сверстники, само общение с которыми нередко само по себе провоцирует рискованное поведение. При этом принадлежность к группе ровесников, обеспечивает удовлетворение потребностей в безопасности, в защищенности, в аффилиации и в достижениях, которые подросток разделяет с группой. К социальным факторам рискованного поведения относятся также негативные характеристики социальной среды (чуждое окружение, делинквентное окружение, распространенность насилия в среде).

Важным личностным качеством, сопряженным со склонностью к риску является профиль временной перспективы, в частности, доминирование настоящего и несформированность перспективы будущего. В исследованиях Дж. Бойда и Ф. Зимбардо показано, что склонность к риску коррелирует с профилем временной перспективы настоящего, а различия особенно ощутимы при сравнении с профилем личностей, ориентированных на будущее [3].

Применительно к подростковому возрасту эта зависимость объясняет как рост поведения риска, так и его снижение в юности. Если для младших подростков закономерной временной ориентацией является сосредоточенность в настоящем и неспособность просчитать последствия риска как на личностном, так и на эмоциональном уровнях, то по мере взросления нормативная картина развития открывает подростку будущее. Ориентация на будущее, эмоциональная включенность в построение новой временной перспективы являются достаточно объективным показателем взросления подростка и отражают преодоление негативной фазы кризиса развития.

Рисковое поведение проявляется в тесной связи с социальными условиями и культурой общества. В зависимости от социальной реальности рискованное поведение обретает новые формы и новую поведенческую направленность. Но гораздо важнее, что склонность к рискованному поведению откладывает отпечаток на социальные связи и отношения подростков, влияет на их социальные представления и моральные ориентиры. Во многом преходящий скачок в рискованном поведении ведет к формированию определенной направленности социальных представлений.

Одним из базовых компонентов социальных представлений является отношение к социальным аксиомам, к справедливости, к социальным и моральным нормам и правилам, которые и стали предметом нашего исследования.

Представления о справедливости наиболее полно изучены в теории веры в справедливый мир, впервые озвученной М. Лернером, а затем развиваемой в исследованиях К. Дальберга, И. Липкуса,

Л. Монтады [9]. Вера в справедливый мир понимается М. Лернером как базовые мировоззренческие представления об упорядоченности и справедливости мира, где каждый человек получает по заслугам. Эта вера отвечает потребности человека объяснить ситуации страдания, несправедливости, существования невинных жертв и представляет собой определенную иллюзорную установку, формирующуюся уже в детстве. Как подчеркивает М. Лернер, большинство людей стремятся организовать свою жизнь на основе обязательств и заслуг, принимая на себя ответственность, но не желая видеть несправедливость и травматичность реального мира [15].

Адаптивные функции веры в справедливый мир широко представлены в процессах социализации личности. Так, в обзоре С.К. Нартовой-Бочавер показано, что субъекты с высокими показателями веры в справедливый мир значимо чаще проявляют просоциальное поведение, оказывают помощь другим, в большей степени удовлетворены жизнью, а также оптимистичны и дружелюбны [9].

В целом в социальных представлениях подростков и юношества идеи справедливости и социальных императивов фигурируют чаще, создавая онтологическую основу соотносительности Я и общества. Социальные представления позволяют подросткам создавать собственную персонифицированную модель окружающей среды на основании описания, объяснения и категоризации различных компонентов социального окружения.

Социальные представления, согласно Т.П. Емельяновой, осуществляют познавательную функцию ориентации субъекта в социальной реальности [6], а в подходе С. Московичи важной характерис-

тикой социальных представлений является их представленность в культуре, т.е. значимость и «выпуклость» в определенный момент в конкретном обществе [8]. Таким образом, наличие социальных представлений, связанных со справедливостью и социальными регуляторами, отражает характер отношения к этой проблеме в среде подростков.

Описание модели и результатов исследования

Нами было проведено исследование особенностей социальных представлений подростков с разным уровнем склонности к рисковому поведению. В исследовании приняли участие 63 подростка в возрасте от 13 до 15 лет, учащиеся 7–9-х классов. Исследование проводилось на базе ГБОУ «Школа № 107» г. Москвы. В исследовании использовались следующие методики. Исследование социальных представлений подростков изучалось нами на основании методик «Социальные аксиомы» М. Бонда и К. Леунга, «Шкала совестливости» В.В. Мельникова, Л.Т. Ямпольского и опросника «Вера в справедливый мир» Д. Клауди (в адаптация С.К. Нартовой-Бочавер). Склонность к рисковому поведению оценивалась на основании опросника «Диагностика склонности к риску» Т.П. Авдуловой. Кроме того, в качестве вспомогательной методики, мы провели тест «Эмоциональный интеллект» Д. Гоулмена.

Опросник «Социальные аксиомы» М. Бонда и К. Леунга направлен на выявление отношения к трем классическим универсальным социальным аксиомам, отношение к которым, согласно идее ав-

торов, отражает социальную позицию личности. Социальные аксиомы воссоздают наиболее общие убеждения человека относительно самого себя, социального окружения, а также физического и духовного мира. Социальные аксиомы играют определяющую роль как в отражении картины мира, так и в построении реальных социальных связей и становятся конкретными социальными ориентирами личности [10; 16]. М. Бонд и К. Леунг, обобщая и систематизируя социальные аксиомы, выделили три наиболее общих, на их взгляд, базовых положения: контроль судьбы, религиозность и ожидание вознаграждения (награда за усилия).

1. Награда за усилия. Суждения этой социальной аксиомы отражают оптимизм в отношении того, что трудности жизни могут быть преодолены личностными усилиями и приложением ресурсов человека к решению проблем. Эта аксиома отражает готовность принимать на себя ответственность и труд в построении собственной жизни.

2. Религиозность. Содержание этой аксиомы фокусируется на положительных функциях веры и религиозной позиции. Авторы выделяют религиозную веру и практику как неотъемлемую черту любой культуры. Отношение различных культурных групп к религиозности варьируется.

3. Контроль судьбы. Показатели по данному фактору позволяют понять отношение к таким жизненным темам, как предсказуемость важных результатов и «предрешенность» того, что происходит в жизни. Эта аксиома отражает отношение к определенному фатализму.

«Шкала совестливости» В.В. Мельникова и Л.Т. Ямпольского предназначена для исследования отношения к социаль-

ным и этическим нормам и требованиям. Высокие значения по шкале отражают такие проявления совестливости, как добросовестность, ответственность, принципиальность, руководство моральными правилами в жизни. Это лица, ориентирующиеся на нравственный стандарт и социальные ожидания, как правило, с хорошим самоконтролем и саморегуляцией [4].

Опросник «Вера в справедливый мир» Д. Клауди (в адаптации С.К. Нартовой-Бочавер) позволяет исследовать такой базовый структурный компонент личности как «веру в справедливый мир», который воспроизводит в себе, как минимум, три адаптивные функции: 1) принятие субъектом на себя обязательств поступать справедливо; 2) сформированность внутренней уверенности в том, что и другие будут поступать справедливо в ответ на справедливость субъекта; 3) осмысленное отношение к жизни и стремление упорядоченно интерпретировать события своей жизни. Вера в справедливый мир выступает как социальный стереотип, упрощающий адаптацию, поддерживающий упорядоченную картину мира и формирующий доверие субъекта к миру и людям. Вера в справедливый мир выступает в двух показателях: вера в персональный справедливый мир и вера в общий справедливый мир [9].

Методика «Диагностика склонности к риску» Т.П. Авдуловой направлена на выявление уровня рискованного поведения. Стимульный материал представлен 15 вопросами, каждому из которых соответствуют 5 вариантов ответов по шкале Лайкерта, которые кодируются по 5-балльной системе от «совершенно не согласен» до «полностью согласен». Кро-

ме того, методика позволяет проанализировать некоторые причины склонности к риску: недооценка последствий своих действий; стремление продемонстрировать взрослость и самостоятельность; стремление пережить сильные эмоции; стремление лучше понять себя [1].

Методика «Эмоциональный интеллект» Д. Гоулмена представляет собой вариант самоотчета, определяющий коэффициент эмоционального интеллекта, показывающий насколько человек хорошо понимает свои эмоции, чувства других людей и может управлять своей эмоциональной сферой во взаимодействии с окружающими. Д. Гоулмен как раз понимает эмоциональный интеллект как ведущий фактор социальной успешности личности и компонент социальной компетентности личности [5].

Описание и анализ результатов исследования

Результаты распределения испытуемых нашей выборки по уровням рискованного поведения представлено в табл. 1.

Большинство подростков (79%) продемонстрировали средний уровень рискованного поведения, отражающий определенное возрастное увеличение готовности совершать опасные действия. При этом высокий уровень рискованного поведения оказался у 10% участвовавших в исследовании подростков, а низкий показатель — всего у 11% опрошенных. Обобщенные данные по выборкам взрослых людей демонстрируют цифру в 3–5% респондентов, склонных к высокому риску, а 95–97% взрослых людей являются рискофобами [7].

Соотношение уровней эмоционального интеллекта и склонности к риску у подростков нашей выборки представлено в табл. 2.

Как видно из табл. 2, склонность к риску линейно не связана с эмоциональным интеллектом, однако определенная тенденция прослеживается. При общем доминировании среднего уровня склонности к риску, при низком эмоциональном интеллекте это соотношение несколько меняется в пользу повышения процента подростков с высокой склонностью к риску, а при высоком эмоцио-

Таблица 1

Распределение подростков по уровням рискованного поведения (в %)

Уровни рискованного поведения	Низкий уровень	Средний уровень	Высокий уровень
Склонность к риску	11	79	10

Таблица 2

Соотношение уровней эмоционального интеллекта и склонности к риску у подростков (в %)

Уровни эмоционального интеллекта		Склонность к риску		
		Высокий	Средний	Низкий
Эмоциональный интеллект	Высокий	8	69	23
	Средний	10	80	10
	Низкий	12	82	6

нальном интеллекте процент подростков с высокой склонностью к риску снижается. Эта тенденция, как показал статистический анализ, незначима, однако позволяет продолжить анализ влияния эмоционального интеллекта на рисковое поведение подростков через опосредующие это поведение механизмы.

Распределение подростков по уровням эмоционального интеллекта выглядит следующим образом: 27% подростков продемонстрировали низкий уровень эмоционального интеллекта, 52% — средний уровень и 21% — высокий уровень эмоционального интеллекта.

Результаты проведения методики «Социальные аксиомы» представлены в табл. 3.

Для подростков в целом оказалась наиболее значимой социальной аксиома «Награда за усилия» как ориентация на собственную активность и возможность влиять на события. Любопытно, что на взрослой российской выборке эта аксиома фактически не проявилась в утверждениях респондентов и не была выявлена факторным анализом структуры социальных представлений испытуемых [9]. Это позволяет выделять аксиому «Награда за усилия» как специфически важную именно для подросткового периода развития, как принятие своей активности и ответственности за изменения.

Помимо этого, важной оказалась и социальная аксиома «Контроль судьбы», средние и высокие показатели по кото-

рой в совокупности продемонстрировали 90% подростков. Вместе с тем, по аксиоме «Религиозность» подростки чаще, чем по двум другим, демонстрировали низкие значения. Однако именно социальная аксиома «Религиозность» оказалась действующим фактором, связанным со склонностью к рисковому поведению подростков. Обнаружена значимая отрицательная двусторонняя корреляция между уровнем склонности к риску и уровнем религиозности подростков (-,412; при $p \leq 0,01$).

Таким образом, в отношении наиболее типичных социальных аксиом подростки со склонностью к риску обладают выраженной особенностью — отсутствием религиозности и, наоборот, религиозные подростки в большинстве своем демонстрируют выраженную осторожность и рациональность. Также стоит отметить, что по данным зарубежных исследований, степень принятия социальной аксиомы «Религиозность» в целом ниже, чем продемонстрировали отечественные респонденты.

Следующей особенностью склонных к риску подростков является их отношение к моральным нормам. Уровень совестливости и склонности к риску, по нашим данным, значимо связаны между собой. Связь вновь отрицательная: -,437, при $p \leq 0,01$. В целом подростки продемонстрировали выраженно положительные показатели ориентации на моральные нормы: высокий уровень совестливости у

Таблица 3

Уровни ориентации на «Социальные аксиомы» (в %)

Социальные аксиомы	Низкий показатель	Средний показатель	Высокий показатель
Контроль судьбы	10	53	37
Религиозность	18	70	12
Награда за усилия	8	41	51

40% подростков; средний уровень совестливости — 57%; низкий уровень — всего 3% подростков. Этот результат имеет два важных следствия. Прежде всего, он характеризует подростков, даже в критической фазе развития (а период 13—14 лет многими исследователями определяется как выражено негативная фаза кризиса), как морально ориентированных личностей, по крайней мере, на уровне суждений. Второе следствие связывает рисковое поведение с отсутствием моральных ориентиров, что предполагает совершенно новые уровни анализа причин развития подростковой склонности к риску и ее структуры. Поэтому необходимо в дальнейшем обратиться (в связи с исследованием проблемы риска) к изучению таких личностных компонентов, как чувство вины, децентрация, ориентация на другого.

Результаты исследования особенностей веры подростков в справедливый мир представлены в табл. 4.

Вера в справедливый мир включает в себя, согласно подходу Д. Клаудии, три основных компонента: потребность в порядке, персональная вера в справедливый мир и общая вера в справедливый мир (справедливый мир для других) [12; 13]. Результаты показывают общую ориентацию подростков на справедливость на уровне средних значений. Наибольшие показатели обнаружены по такому компоненту веры в справедливый мир, как персональная вера в справедливый мир,

т.е. позиция справедливости в отношении собственного Я: если я буду поступать по справедливости, то и в отношении меня жизнь будет справедлива. Это позиция индивидуальной справедливости, которая делает жизнь более защищенной и внутренне предсказуемой, формируя предпосылки для развития ценностных ориентаций личности как сознательной надстройки над нереалистичными бессознательными убеждениями.

Интересно, что в исследованиях персональной веры в справедливый мир П. Стрилана и Р. Саттона было обнаружено, что субъекты с высокими показателями данной характеристики не мстительны и в большей степени готовы прощать обиды, отказываться от агрессивных моделей поведения, даже если они не испытывают симпатии к обидчику (по сравнению с субъектами с низкой персональной верой в справедливый мир) [17]. С.К. Нартова-Бочавер приводит данные об обусловленности у подростков верой в справедливый мир позитивных планов на будущее и удовлетворенности жизнью. Для юношей это качество однозначно коррелирует с психологической адаптированностью [9].

В нашем исследовании обнаружена значимая отрицательная двусторонняя связь между склонностью к риску и верой в персональный справедливый мир у подростков (значение корреляции — $-0,325$, при $p \leq 0,05$). Подростки, склонные к риску, одновременно не склонны к вере в

Таблица 4

Данные методики «Вера в справедливый мир» (%)

Показатели веры в справедливый мир	Низкий показатель	Средний показатель	Высокий показатель
Потребность в порядке	18	63	20
Персональная вера в справедливый мир	10	51	39
Общая вера в справедливый мир	10	59	31

справедливый мир и не ориентируют свое поведение нормами справедливости.

Сводные результаты статистически значимых связей между особенностями социальных представлений подростков с различным уровнем склонности к риску представлены в табл. 5.

Несмотря на невысокий процент подростков по нашей выборке, выраженно склонных к риску, социальные представления этих подростков кардинально отличаются от большинства, демонстрирующего средние значения рискованного поведения. Склонные к риску подростки не верят в необходимость упорядоченности и предсказуемости жизни, не верят в персональный справедливый мир. Они отличаются низкой ориентацией на моральные и социальные нормы и требования, низкой ответственностью за свои решения и отсутствием религиозных убеждений.

Вместе с тем, не удалось выделить значимо специфических особенностей склонных к риску подростков в области эмоционального интеллекта и отношения к таким социальным аксиомам, как контроль судьбы и награда за усилия.

Полученные данные согласуются с данными других исследований, проведенных на взрослой выборке. Так, Х. Лерч выявил отрицательные связи между склонностью к риску и социальной желательностью, социальной ответственностью и совестливостью [14]. В другом нашем исследовании, проведенном на подростках с фактической асоциальной направленностью поведения (подростки, стоящие на учете в полиции) было показано, что уровень склонности к риску у этих подростков выше, чем у их социализированных сверстников. Однако эти различия не стали значимыми, что подтверждает положение об условной нормативности склонности к риску в отрочестве [14].

В этой связи важно увидеть проблему с другой стороны. Воздерживающиеся от риска подростки отличаются высокой потребностью в упорядоченности мира и ориентацией на четкие универсальные правила. По всей видимости, эти правила они находят в религии, для несклонных к риску подростков характерен высокий уровень поддержки социальной аксиомы «Религиозность». Эти подростки демон-

Таблица 5

Значимые корреляционные связи склонности к риску и социальных представлений подростков

Взаимосвязи склонности к риску	Показатели по методикам	Коэффициент корреляции
Склонность к риску	Потребность в порядке	-,413**
	Персональная вера в справедливый мир	-,325*
	Общая вера в справедливый мир	-
	Совестливость	-,437**
	Религиозность	-,412**
	Контроль судьбы	-
	Награда за усилия	-
Эмоциональный интеллект	-	

Условные обозначения: «*» — корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя); «**» — корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

стрируют высокий уровень совестливости на фоне сохраняющейся веры в персональный справедливый мир, хотя, как показывают исследования, в отрочестве, как правило, происходит разочарование в вере в справедливый мир и взрослеющий субъект исповедует более реалистичные социальные представления. Однако снижение наблюдается к 16–18 годам [9]. Для подростков, по данным зарубежных исследований, вера в персональный справедливый мир является ресурсом совладания с трудными жизненными ситуациями, профилактики депрессии, поддержания высокого самоуважения [18].

Социальные представления как достаточное общее отношение к миру, формируясь во взаимосвязи с возрастной феноменологией рискованного поведения, претерпевают определенные трансформации, отражающие специфическое отношение к обществу. В дальнейшем на фоне снижения рискованного поведения, социальные представления приобретают черты устойчивости, так как отрочество является сензитивным периодом для формирования социальных представлений. Взаимовлияние социализации и склонности к риску оказывает воздействие на дальнейший ход развития субъекта, а знание этих особенностей позволяет прогнозировать и контролировать ход развития, по крайней мере, на подростковом этапе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авдулова Т.П. Склонность к риску в отрочестве // Психология обучения. 2011. № 2. С. 43–52.
2. Башкина Ю.Д., Посохова С.Т. Личностный смысл чувства риска у подростков // Ананьевские чтения — 2007: Материалы научно-практической конференции / Под ред. Л.А. Цветковой. Издательство С.-Петербургского университета. СПб., 2007. 691 с.
3. Бойд Дж., Зимбардо Ф. Парадокс времени. СПб.: Речь. 2010. 352 с.
4. Васильева И.В. Организационно-психологическая диагностика. М.: Флинта. 2013. 136 с.
5. Гоулмен Д. Эмоциональный интеллект. М.: АСТ. 2008. 480 с.
6. Емельянова Т.П. Социальное представление — понятие и концепция: итоги последнего десятилетия // Психологический журнал. 2001. Т. 22. N 6. С. 39–47.
7. Ильин Е.П. Психология риска. СПб.: Питер. 2012. 288 с.
8. Московичи С. Методологические и теоретические проблемы психологии. Психологический журнал. 1995. Т. 16. № 2. С. 3–14.
9. Нартова-Бочавер С.К., Астанина Н.Б. Психологические проблемы справедливости в зарубежной персонологии: теории и эмпирические исследования // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 1. С. 16–32.
10. Татарко А.Н., Лебедева Н.М. Исследование социальных аксиом: структура и взаимосвязи с социально-экономическими установками россиян // Психология. Журнал высшей школы экономики. 2008. Т. 5. № 4. С. 135–143.
11. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Флинта, МПСИ, Прогресс. 2006. 352 с.
12. Dalbert C. Belief in a just world, well-being, and coping with an unjust fate // Responses to victimizations and belief in a just world / Eds. L. Montada, M.J. Lerner. N.Y.: Plenum Press. 1998. P. 87–105.

13. *Dalbert C.* The justice motive as a personal resource: Dealing with challenges and critical life events. N.Y.: Plenum Publishers. 2001. 178 p.
14. *Lerch H.J.* Zum Zusammenhang zwischen Entscheidungsverhalten bei einer Bernullibefragung und Faktoren der Riskobereitschaft // *Psychologische Beiträge*. 1994. P. 575–586.
15. *Lerner M.J., Miller D.T.* Just world research and the attribution process: Looking back and ahead // *Psychological Bulletin*. 1978. Vol. 85. P. 1030–1051.
16. *Leung K., Bond M.H.* Social axioms: A model for social beliefs in multicultural perspective // *Advances in Experimental Social Psychology*. 2004. Vol. 36. P. 119–197.
17. *Strelan P., Sutton R.M.* When just-world beliefs promote and when they inhibit forgiveness // *Personality and Individual Differences*. 2011. Vol. 50. P. 163–168.
18. *Sutton R.M., Douglas K.M., Wilkin K., Elder T.J., Cole J. M., Stathi S.* Justice for whom, exactly? Beliefs in justice for the self and various others // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2008. Vol. 38. P. 528–541.
19. *Zuckerman M.* Are you a risk-taker? // *Psychology Today*. 2000. Vol. 33, P. 52–57.

Social Representations in Risk-Taking Adolescents

T.P. AVDULOVA,

PhD in Psychology, associate professor, Moscow Pedagogical State University

L.A. MOTYLEVA,

principal at the state school no. 1106, Moscow

The paper analyzes the relationship between risk-taking behaviors and social representations in adolescents and describes how adolescents may be divided into groups according to the levels of their risk-taking. The study revealed significant correlations between high levels of risk-taking and low levels of conscientiousness, of orientation on social axioms (religiousness), low desire for orderliness of the world, and the absence of a belief in a just world. At the same time it was found that those adolescents who abstain from risk-taking have a greater need for orderliness of the world and are more oriented towards universal social rules.

Keywords: *adolescent, risk, risk-taking behaviors, social representations, social axioms, belief in a just world, conscientiousness, emotional intelligence.*

REFERENCES

1. *Avdulova T.P.* Sklonnost' k risku v otrochestve // *Psihologija obuchenija*. 2011. no. 2. pp. 43–52.
2. *Bashkina Ju.D., Posohova S.T.* Lichnostnyj smysl chuvstva riska u podrostkov // *Anan'evskie chtenija – 2007: Materialy nauchno-prakticheskoy konferencii / Pod red. L.A. Cvetkovoij. Izdatel'stvo S.-Peterburskogo universiteta. Saint-Petersburg, 2007. 691 p.*
3. *Bojd Dzh., Zimbardo F.* Paradoks vremeni. Saint-Petersburg: Rech'. 2010. 352 p.
4. *Vasil'eva I.V.* Organizacionno-psihologicheskaja diagnostika. Moscow: Flinta. 2013. 136 p.
5. *Goulmen D.* Jemocional'nyj intellekt. Moscow: AST. 2008. 480 p.
6. *Emel'janova T.P.* Social'noe predstavlenie – ponjatie i koncepcija: itogi poslednego desjatiletija // *Psihologicheskij zhurnal*. 2001. T. 22. no. 6. pp. 39–47.
7. *Il'in E.P.* Psihologija riska. Saint-Petersburg: Piter. 2012. 288 p.
8. *Moskovichi S.* Metodologicheskie i teoreticheskie problemy psihologii. *Psihologicheskij zhurnal*, 1995. T. 16. no. 2. pp. 3–14.
9. *Nartova-Bochaver S.K., Astanina N.B.* Psihologicheskie problemy spravedlivosti v zarubezhnoj personologii: teorij i jempiricheskie issledovanija // *Psihologicheskij zhurnal*, 2014. T. 35. no. 1. pp. 16–32.
10. *Tatariko A.N., Lebedeva N.M.* Issledovanie social'nyh aksiom: struktura i vzaimosvjazi s social'no-jekonomicheskimi ustanovkami rossijan // *Psihologija. Zhurnal vysšej shkoly jekonomiki*. 2008. T. 5. no. 4. pp. 135–143.
11. *Jerikson Je.* Identichnost': junost' i krizis. Moscow: Flinta, MPSI, Progress. 2006. 352 p.

12. *Dalbert C.* Belief in a just world, well-being, and coping with an unjust fate // Responses to victimizations and belief in a just world / Eds. L. Montada, M.J. Lerner. N.Y.: Plenum Press. 1998. pp. 87–105.
13. *Dalbert C.* The justice motive as a personal resource: Dealing with challenges and critical life events. N.Y.: Plenum Publishers. 2001. 178 p.
14. *Lerch H.J.* Zum Zusammenhang zwischen Entscheidungsverhalten bei einer Bernullibefragung und Faktoren der Riskobereitschaft // Psychologische Beiträge, 1994. pp. 575–586.
15. *Lerner M.J., Miller D.T.* Just world research and the attribution process: Looking back and ahead // Psychological Bulletin. 1978. V. 85. pp. 1030–1051.
16. *Leung K., Bond M.H.* Social axioms: A model for social beliefs in multicultural perspective // Advances in Experimental Social Psychology. 2004. V. 36. pp. 119–197.
17. *Strelan P., Sutton R.M.* When just-world beliefs promote and when they inhibit forgiveness // Personality and Individual Differences. 2011. V. 50. pp. 163–168.
18. *Sutton R.M., Douglas K.M., Wilkin K., Elder T.J., Cole J. M., Stathi S.* Justice for whom, exactly? Beliefs in justice for the self and various others // Personality and Social Psychology Bulletin. 2008. V. 38. pp. 528–541.
19. *Zuckerman M.* Are you a risk-taker? // Psychology Today. 2000. V. 33. pp. 52–57.

Возможности прикладной социальной психологии в оптимизации работы служб сопровождения (на примере взаимодействия с родителями детей, имеющих особенности развития)

Н.В. ЛУКЬЯНЧЕНКО,

кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии труда и инженерной психологии Сибирского государственного технологического университета

В статье определяется специфика прикладного потенциала социальной психологии. Анализируются причины его недостаточного использования. Обращается внимание на слабую разработанность социально-психологических аспектов профессиональной деятельности психологов и специалистов-смежников. Описывается трехуровневая структура алгоритма прикладной социально-психологической разработки. Приводятся примеры приемов использования социально-психологических механизмов в целях оптимизации взаимодействия специалистов службы сопровождения с родителями детей, имеющих особенности развития.

Ключевые слова: *прикладная социальная психология; специалисты службы сопровождения; социально-психологические механизмы; взаимодействие; сотрудничество; влияние; фокусирование внимания; обратная связь; групповое обсуждение; дети, имеющие особенности развития.*

Являясь одной из основных отраслей психологического знания, социальная психология занимает уникальное положение, которое обусловлено бесспорным обстоятельством: социальна сама природа психики человека. Это позволяет обнаружить социально-психологическую проблематику в любой точке пространства человеческой жизнедеятельности.

Иллюстрация того, в чем состоит пафос социально-психологического видения, может быть достаточно простой. Рассматривая человека как единичную персону, мы можем понять его, мысля в категориях самопроявления. Если мы сконцентрируем внимание на диаде, то, скорее всего, обнаружим нечто, определяемое в категориях взаимоотношений.

Когда же в фокусе нашего анализа окажется триада, в которую включен все тот же человек, возникнут идеи гомеостаза, равновесия отношений, их перевеса в той или иной части «отношенческого треугольника» и т.д. И, хотя индивид, которого мы изучаем, один и тот же, меняя фокус рассмотрения, мы обнаруживаем новые, невидимые глазу психологические закономерности, новые силы, влияющие на происходящее.

По характеристике Д. Майерса, социальная психология — экзогенная наука [9, с. 33]. И, если «психологи, занимающиеся исследованием личности, фокусируют свое внимание на индивидуальных внутренних механизмах и на различиях между индивидами», то «социальные

психологи концентрируются на общей массе людей, на том, как в целом люди оценивают друг друга и влияют друг на друга. Они задаются вопросом, каким образом социальные ситуации могут заставить большинство людей поступать гуманно или жестоко, быть конформными или независимыми, испытывать симпатию или предубеждение» [9, с. 31]. «Социальная психология — это наука о социальном поведении, которое зависит от социального контекста», как пишет А. Тэшфел [14, с. 230]. И какие бы определения социальной психологии мы ни приводили [см., например: 11, с. 33–43], основным в них будет внимание к человеку в социальном контексте и механизмам влияния этого контекста. Именно в этом кроется особый, до сих пор недостаточно проявленный гуманистический смысл социальной психологии. Вспомним, что К. Роджерс полагал: человека нужно понимать, не оценивая догматически, а исходя из того, что в своих контекстах он «прав» и делает те выборы, которые в его феноменологическом пространстве субъективно оцениваются им как лучшие или единственно возможные [13].

Не случайно хорошо написанное пособие по социальной психологии читается как захватывающий роман или даже детектив. Его содержание узнаваемо, так как оно «про человека», но в то же время представляет знакомое в неожиданном ракурсе. Образно говоря, социальная психология создает эффект стереоскопического портрета и делает возможным доступ к множеству граней человеческого существования. Для прикладной и практической психологии это открывает «многоэтажные кладовые» разнообразных ресурсов решения многих проблемных вопросов повседневной жизни чело-

века как социального субъекта, участника реальных социальных процессов.

Ценность того, что социальная психология дает возможность понять роль внешних, экзогенных контекстов в поведении человека, имеет несколько аспектов:

1) человек, осознающий действие механизмов социально-психологического давления, более толерантен в понимании поведения представителей разных групп;

2) осознание воздействия социального контекста дает субъекту возможность преодолеть его влияние и самоопределиться с большей долей личностной свободы;

3) понимая механизмы действия социально-психологического контекста, можно проектировать характеристики этого контекста, оптимизируя их в соответствии с конкретными целями или общими ориентирами благоприятных условий развития и самореализации личности [6].

Однако эти многообещающие возможности используются далеко не всегда и далеко не в полной мере.

Как это ни странно, и обозначенный прикладной потенциал, и проблемы его реализации имеют один исходный источник — особое положение социальной психологии. Представители дисциплины, изначально зародившейся на границе двух фундаментальных наук (психологии и социологии), трепетно относятся к проблеме определения ее предметности и концентрируют усилия на охране ее не очень четких границ. Эта тенденция, безусловно, сильна в академической науке. Защита квалификационных научных работ предполагает все содержание выстраивать в рамках обозначенной специальности и доказывать соот-

ветствие ей. Но перенос такой логики в психологическую практику дает негативные последствия. Результативная практика не терпит академических ограничений. Ее эффективность определяется выбором действенного механизма в широком и нелинейном пространстве детерминант жизнедеятельности. Поэтому социальная психология оказывается в противоречии между стремлением сбросить свою специфичность, с одной стороны, и возможностью быть полезной в очень широком контексте — с другой.

Определенную проблему составляет некоторая сформировавшаяся «элитарность» позиционирования психологического знания. Красота концептуальной «рамки» зачастую оказывается самодостаточной и ценится выше приземленной и запутанной нелабораторной реальности. Вот типичные примеры.

Защищается выпускная квалификационная работа, в которой рассматриваются социально-психологические аспекты оптимизации труда работников сети предприятий питания. «А, так это об общественном питании...», — разочарованно произносит один из уважаемых членов комиссии и, несмотря на качество проведенного исследования и продуктивность рекомендаций, ставит невысокую отметку. В другой работе были представлены первичные данные в виде протоколов ежедневных планов респондентов. «Сесть на диету, реально похудеть» — было написано в одном из таких протоколов. Это повергло в весьма скептическое состояние некоторых членов комиссии, почему-то связавших качество исследования с невысоким, по их мнению, уровнем духовности испытуемых, с которыми психолог проводил работу по формированию самоорганизации. Не-

давно довелось выслушать нагруженный смешанными чувствами монолога молодого человека, зондировавшего вопрос о возможности работы над диссертацией в достаточно престижном учебном заведении. Будучи перспективным специалистом в организации, которая при внешнем экономическом благополучии имеет множество внутренних проблем, молодой человек надеялся, что сможет искать пути их решения на стезе научных изысканий. Итогом были горькие слова: «Оказывается, им нужны красивые слова, а не наши задачи».

Оттенок профессиональной элитарности и рафинированности имеют многие практические технологии. Например, «правильные» социально-психологические тренинги предполагают соблюдение ряда довольно жестких требований к временным рамкам, составу группы, пространственным условиям проведения. Но в реальности запросы на психологическую помощь не обеспечиваются достаточными возможностями для безупречного соблюдения методической нормы. И по большому счету это не должно быть проблемой полной ответственности клиента. Разумеется, если психолог не ориентирован только на контингент, у которого «все есть».

В определенной мере практической реализации потенциала этой отрасли науки препятствуют стереотипные установки, предписывающие социально-психологическому знанию объяснительный характер. Отечественная социальная психология развивалась в общем русле процессов становления идеологической свободы. И в перестроечный, и в постперестроечный период социально-психологические теории и исследования воспринимались как «вскрытие подопле-

ки». После долгого периода голода на социальные знания так захватывающе интересно было узнавать, что и как в обществе устроено. Эта информация воспринималась как самоценная. Такое отношение к социально-психологическому знанию закрепилось как традиционная установка, чему немало способствует низкий уровень социальной субъектности в современном российском обществе.

Другой стороной стереотипного отношения к социально-психологическому знанию является отнесение его к сфере социальных манипуляций. Открытия в этой области показывают, какие силы и как заставляют человека действовать тем или иным образом среди людей. Это, к сожалению, используется теми, кто нацелен не на использование знаний для оказания помощи человеку, улучшения его жизни, снижения трудностей взаимодействия с другими, а на манипулирование людьми.

Тем не менее, социальная психология в своем прикладном аспекте все больше разворачивается в сторону «для людей», включаясь в решение их конкретных и насущных проблем.

В данном направлении полезно следовать известной мудрости «Если ты хочешь привести в порядок свою страну, сначала приведи в порядок провинцию. Если ты хочешь привести в порядок провинцию, ты сначала наведи порядок в городах. Чтобы навести порядок в городах, ты должен навести порядок в семьях. Если ты хочешь навести порядок в семьях, ты сначала должен навести порядок в собственной семье. Если ты хочешь навести порядок в собственной семье, ты должен сначала навести порядок в себе» (формулировка Н. Пезешкиана [10]). С сожалением можно отметить, что при

разработке организационных и методических основ профессиональной деятельности психологов и специалистов смежных специальностей их социально-психологические аспекты остаются без внимания. Стоит ли удивляться, что при анализе проблемных вопросов деятельности психологов образования выявляются многочисленные жалобы на их «недостаточную профессиональную культуру», а содержание жалоб касается особенностей взаимодействия психологов в процессе реализации профессиональных функций с различными субъектами образовательной системы. Вместе с тем в проведенном нами исследовании представлений студентов — будущих психологов о перспективах профессиональной деятельности выяснилось, что социальная психология не рассматривается ими в качестве источника ориентиров формирования профессиональной культуры. Представленный студентами образ психолога с высоким уровнем профессиональной культуры в общих чертах может быть описан как «носитель идеального поведения психологически зрелого субъекта». У будущих специалистов по психологической помощи не возникало и мысли о том, что им будет необходимо выстраивать множество взаимодействий, зависящих от того контекста, в котором разворачивается профессиональная ситуация, и что участниками профессиональной ситуации будут являться вовсе не ценители образцов психологического совершенства, а субъекты со своими проблемами, потребностями, специфическими особенностями отношения и поведения. Целевым же ориентиром должен быть не сияющий образ собственной «психологической правильности», а решение профессиональных

задач, качество которого будет измеряться не в последнюю очередь критериями социальной экологичности и потребностной удовлетворенности участников профессионального взаимодействия [7]. Описанный характер представлений студентов является своего рода проекцией того, как представлена проблема профессионального взаимодействия в научно-методической литературе. Следуя метафоре Н. Пезешкиана, можно сказать, что психологи больше «знают о средствах наведения порядка для других городов и семей» (представителей разных профессиональных групп в области управления, торговли и т.п.). Что, касается профессиональной системы взаимодействия самих психологов, то она представлена узким сегментом коммуникативных факторов ситуации консультативного приема.

Если рассматривать деятельность специалистов служб сопровождения, то, как показывает практика, одной из наиболее проблемных областей для них является взаимодействие с родителями детей, имеющих особенности развития. Негативные оценки качества этого взаимодействия поступают с обеих сторон: и от родителей, и от специалистов. В них проявляются чувство недовольства вплоть до негодования, но вместе с тем и определенная беспомощность, ощущение собственной «нересурсности» [8]. Между тем в процессах сопровождения ребенка с особенностями развития это взаимодействие занимает одно из ключевых мест. Именно от родителя, в первую очередь, зависит, в какой степени системной будет реализация предлагаемых специалистами развивающих воздействий; родитель определяет общий характер отношений ребенка с окружающим социальным миром, его от-

крытость и адаптивность; родитель, согласно законодательству, выносит решения по выбору образовательного маршрута для ребенка [15].

Далее мы приведем некоторые примеры того, каким образом использование социально-психологических механизмов может помочь в решении задач оптимизации взаимодействия специалистов с родителями детей, имеющих особенности развития. Соответствующая работа проводилась на базе Красноярского краевого центра психолого-медико-социального сопровождения.

Системная целостность «разработческой» активности обеспечивается тем, что вопрос об оптимизации рассматривается в нескольких иерархически связанных аспектах. В нашем случае проводилось:

- 1) определение целевых установок взаимодействия;
- 2) определение категорий, задающих ключевые характеристики взаимодействия и позиции специалиста;
- 3) определение социально-психологических механизмов и соответствующих им средств оптимизации взаимодействия.

1. Начнем с того, что в основе дефицитарности взаимодействия с родителями лежит реактивная (в противовес активной, действенной) позиция специалистов сопровождения вследствие несформированности у них осознанных целевых установок. Поэтому первоначально в режиме проблемного семинара были определены целевые направляющие результативного с точки зрения специалистов взаимодействия с членами семьи ребенка:

- а) улучшение понимания родителем ребенка, его индивидуальных и возраст-

ных особенностей, потребностей и ресурсов развития;

б) актуализация внутренней мотивации родительской активности;

в) формирование мотивации взаимодействия родителей со специалистами.

2. Выбор исходных категорий, задающих характеристики взаимодействия, имеет два ракурса полезности. Он необходим для обоснованного поиска социально-психологических механизмов и соответствующих им технологических средств оптимизации взаимодействия и, что не менее важно, для определенности интерактивной позиции, с которой могут идентифицироваться специалисты в своей работе с родителями. Категориальное обозначение позиции становится для практиков идеологией понимания профессиональной ситуации. Задача прикладного психолога — проанализировать, какие ограничения и ресурсы для достижения целей содержат в себе определенные категории, и в соответствии с этим выбрать тот категориальный аппарат, который в максимальной степени будет ценен с практической точки зрения.

Аналитики указывают, что оптимизация взаимодействия представителей помогающих служб с членами семьи ребенка, имеющего особенности развития, должна основываться на переходе от доминирующей в настоящее время коррекционной парадигмы к парадигме сотрудничества [12]. Однако опыт показывает, что категория «сотрудничество», являясь, безусловно, ключевой для продуктивного взаимодействия, в ситуациях служб сопровождения требует определенного дополнения. Ведь в своем буквальном понимании она несет требования, соотносимые с обеспечением переговоров, и основывается на довольно вы-

соком исходном уровне субъектности участников. Однозначная идентификация позиции специалиста в профессиональной ситуации как сотрудничающей создает определенное противоречие. Достижение высокого уровня взаимодействия, если и возможно, предполагает, что к нему надо «идти», и реальность такова, что специалист по большей части играет в таком продвижении ведущую роль. Однако многие психологи и специалисты смежных специальностей, очарованные пафосом взаимоисключающего противопоставления определений императивного, манипулятивного и диалогического общения из вузовских учебников, любую интенцию на осмысленное влияние воспринимают как манипулятивный замысел. Снятие этого противоречия возможно, если в качестве еще одной ключевой категории использовать категорию «лидерства». Согласно определениям, лидерство заключается в понимании целей общего дела и способности влиять на партнеров, мотивируя их к достижению этих целей [16]. Фактически лидерство можно трактовать как создание психологических условий, способствующих эффективному совместному продвижению в достижении целей взаимодействия.

3. Приведем три примера использования социально-психологических механизмов во благо оптимизации взаимодействия специалистов сопровождения с родителями. При разработке форм взаимодействия в конкретных учреждениях важно понимать, что тех или иных приемов может быть множество, и их воздействие складывается как векторная сумма в нужном целевом направлении. М.Ю. Кондратьев и В.А. Ильин указывают, что социальный психолог, занимаю-

щийся практическими вопросами, «должен владеть комплексом технологий, позволяющих осуществлять разнородное влияние на членов сообщества» [3, с.78], являющегося «пространством» его профессиональной деятельности. При этом зачастую оказывается достаточно действенным задействовать имеющиеся организационные ресурсы, продуманно «разворачивая» их в целевом направлении.

Первый пример связан с тем, что точкой особого напряжения для родителя является прохождение ребенком психолого-медико-педагогической комиссии (ПМПК). Функцией ПМПК является своевременное выявление особенностей развития ребенка и разработка рекомендаций по выбору оптимального для него образовательного маршрута [15]. Но собственно решение о выборе принимает родитель и от его отношения зависит, насколько результаты работы комиссии будут востребованы, т.е. будет ли иметь какой-то смысл деятельность нескольких квалифицированных специалистов. Не секрет, что очень часто родители детей с особенностями развития не воспринимают комиссию как работающую во благо ребенка, испытывают по отношению к ней недоверие, просто боятся, относятся к рекомендациям ПМПК с позиции «жертвы», либо «бойца сопротивления».

Одним из факторов, обуславливающих эти сложности, является, временная компактность проведения ПМПК. Исходная мотивация прохождения ПМПК практически всегда внешняя (направление от образовательного учреждения), а ограниченное во времени взаимодействие со специалистами по развитию не позволяет естественным механизмам формирования продуктивной позиции

родителя, образно говоря, «созреть». Ведь вхождение в любую социальную общность происходит в стадийной последовательности — адаптации, индивидуации и интеграции [2]. Похожую логику обнаружил классик транзактного анализа К. Тайби для ситуаций коммуникативного стресса, первоначальные реакции на который фиксированы в позициях «Я — не Ок, Ты — Ок» и «Я — Ок, Ты — не Ок». Только после их активации возможен переход в продуктивное состояние «Я — Ок, Ты — Ок» [17]. Прохождение ребенком психолого-медико-педагогической комиссии — для родителя сильный стресс, катализирующий крайние проявления стадий проживания нового для него взаимодействия.

Из этого следует простой вывод: если мы хотим, чтобы рекомендации ПМПК понимались родителем, принимались с меньшим недоверием и были положены в основу конструктивных стратегий, в качестве одного из необходимых условий необходимо взаимодействие с родителем, находящимся в ситуации определения образовательного маршрута, сделать его процессом, а не одноразовой акцией. Это оказалось возможным, используя функциональную гибкость организационных ресурсов центра сопровождения. Работа ПМПК стала предвлекаться серией консультаций (включающих диагностику) у специалистов центра. Тем самым родители получали возможность постепенного вхождения в процесс сотрудничающего взаимодействия со специалистами по развитию. Как следствие, отмечалась положительная динамика в отношении родителей к их деятельности. Одним из показателей того, что у родителей появлялась внутренняя мотивация сотрудничества, высту-

пило то, что многие из них сами записывались на прием к психологу, чтобы лучше понять свою семейную ситуацию и обсудить возможности создания в домашних условиях комфортной для ребенка и стимулирующей его развитие среды. Изменялась в положительную сторону и эмоциональная реакция родителей на прохождение процедуры заседания ПМПК [5].

Второй пример также связан с работой ПМПК и продуманным использованием традиционного, на первый взгляд, инструментария. Речь идет об анкете. Многие учреждения проводят анкетирование своих клиентов для получения разного рода информации. Анкетирование рассматривается как диагностико-исследовательский метод. В научно-методической и учебной литературе излагаются требования к анкете, призванные обеспечить достоверность получаемой информации. Однако, те, кто заполнял анкеты, знают, что сама ситуация анкетирования, ее соответствие контексту ситуации, способ предъявления анкеты и т.п. могут вызвать очень разную реакцию и даже пролонгированные последствия. Например, что может почувствовать человек, который, впервые оказавшись в фитнес-клубе, сначала несколько растерянный, но к концу первой тренировки уже понимающий «Да, мне здесь нравится, я буду здесь заниматься», при выходе из клуба слышит «Заполните анкету». Первой же строкой на полученном листе стоит набивший оскомину вопрос «Откуда Вы узнали про наш клуб?». Ощущение, что ты практически отчитываешься, сразу снижает качество общего впечатления и сводит на нет едва пробудившуюся клиентскую мотивацию. Тот же эффект

оказывает анкета, которую школьный педагог раздает через детей «на дом», заполнять ее должны родители, предназначение анкеты и куда пойдут данные родителям не сообщаются, а называется анкета ни много ни мало: «Знаете ли Вы своего ребенка?».

Иными словами, в реальных социальных ситуациях анкетирование не является вырванной из общего контекста акцией с «чистой» диагностической функцией и нулевыми значениями по шкале последствий. Это одна из составляющих взаимодействия, которая может рассматриваться в качестве многофункционального ресурса для достижения целей оптимизации взаимодействия.

Анкета для родителей детей, прошедших процедуру ПМПК, первоначально задумывалась как форма обратной связи, средство получения информации о том, как родители воспринимают и оценивают работу комиссии. Сама по себе такая постановка соответствует общей ориентации на сотрудничество, вводя элементы диалога в заведомо формализованную и монологичную процедуру заседания. Обратная связь является важным элементом сотрудничества. Вместе с тем, немаловажным является и то, что, согласно исследованиям лидерства, обратная связь повышает эффективность лидерского влияния [16]. Учитывая вышесказанное, для максимального вычерпывания ресурсов анкетирования были продуманы несколько аспектов его потенциального влияния:

- 1) получение информации о восприятии родителями работы ПМПК;
- 2) формирование понимания, что эта информация значима, и специалисты ПМПК ориентированы на партнерское взаимодействие с родителями;

3) подчеркивание значимости и ребенка, и родителя, их самочувствия и отношения к действиям специалистов ПМПК;

4) канализирование эмоционального напряжения и отрицательных переживаний;

5) активизация родительской рефлексии;

6) фокусирование внимания на позитивных аспектах взаимодействия и перспективах продуктивных родительских действий.

Эти функциональные возможности реализовывались через процедуру проведения анкетирования, содержание, формулировки и последовательность вопросов в анкете.

Анкетирование предлагалось родителю сразу после завершения работы ПМПК. Для заполнения анкеты ему предоставлялось отдельное помещение, что давало возможность спокойно собраться с мыслями и провести своего рода рефлексивный анализ проделанного. Проведение анкетирования «окантовывалось» обращениями сопровождающего родителя члена комиссии. Вначале — собственно приглашение ответить на вопросы анкеты и подчеркивание значимости мнения родителя, по окончании анкетирования — выражение благодарности за то, что родитель нашел возможность выразить свое мнение, и пожелание «Удачи Вам и Вашему ребенку».

Вопросы анкеты сформулированы таким образом, что позволяют, с одной стороны, получить информацию от родителей об их оценке работы комиссии, а с другой стороны, концентрируют анализ респондентов в направлении продуктивного принятия результатов этой работы и дальнейших осмысленных действий. Анкета содержит закрытые, полу-

закрытые и открытые вопросы. Это создает одновременно и необходимую структурирующую рамку, и возможность свободного выражения мыслей, а также чувств, что немаловажно в контексте стрессогенного взаимодействия. Содержание вопросов касается того, в какой мере понятно родителям решение комиссии, насколько родитель оценивает качество взаимодействия членов комиссии с ним лично и с ребенком, насколько и как будет родитель выполнять рекомендации комиссии, какие предложения он может внести в работу комиссии в целом, либо по отдельным элементам этой работы.

Особо следует отметить заключительный вопрос анкеты: «Чем помогла Вам и Вашему ребенку работа комиссии?». Многие родители, отвечая на этот вопрос, отметили, что первоначально даже и не думали, что здесь осуществляется помощь, а теперь есть над чем поразмыслить. Собственно в этом и заключалась, помимо диагностико-информационной, важная функция заключительного вопроса — актуализировать осмысление родителем взаимодействия со специалистами ПМПК и задать ему ракурс продуктивной рефлексии. При формулировании последнего вопроса учитывались данные науки о целенаправленном фокусировании внимания. На основе анализа ряда фундаментальных публикаций Е.В. Золотухина-Аболина пишет: «Выбор ракурса видения оказывает мощное влияние на реальность, которую мы считаем своей. В прямом или переносном смысле, но внимание “творит реальность”» [1, с. 19]. При этом в качестве реальности для субъекта выступает не только ее предметное воплощение, но и самопонимание, и отно-

шения с окружающими [1]. Особенно важным для нас является то, что формирующийся посредством фокусирования образ реальности включает эмоционально-оценочную составляющую и интенции к определенным действиям. Это дает основание полагать, что различные приемы целенаправленного фокусирования внимания должны входить в профессиональный арсенал социально-психологического инструментария психологов и специалистов смежных специальностей [7]. Вопрос является одним из приемов такого фокусирования.

Каким образом можно определить действенность описанных приемов, введенных в работу ПМПК? Назовем следующие ощутимые признаки, по которым можно судить о позитивных сдвигах во взаимодействии специалистов сопровождения с родителями: результаты анкетирования показали, что рекомендации комиссии родителями рассматриваются как обоснованные и понятные в реализации, качество взаимодействия специалистов комиссии с ребенком и родителями оценивается по большей части как высокое; значительно снизилось количество официальных жалоб родителей на работу ПМПК; пятая часть родителей самостоятельно пришла к решению повторного обращения к специалистам ПМПК (чего ранее не наблюдалось); повысилось количество обращений за консультативной помощью специалистов центра; педагоги и руководители образовательных учреждений, в которые поступили обследованные дети, отмечают позитивные изменения в стратегиях взаимодействия с ними родителей (большую осознанность, субъектность и конструктивность).

Третий пример связан с групповыми механизмами влияния. «Академическим основанием» здесь является классическая для социальной психологии экспериментальтика Курта Левина, показавшего, что изменения установок легче осуществляются в группе, в процессе группового обсуждения [18]. Условиями этих изменений является активность членов группы, возможность высказываться и направляющая (лидерская) позиция ведущего. При таких условиях установки не только изменяются, но само это изменение воспринимается как логичное, добровольно принятое, и в силу группового характера обсуждения закрепляется как групповая норма [18]. Немаловажно, что при этом появляется мотивация воплощения оформившихся результатов обсуждения в жизнь, усиливается приверженность к группе и мотивация группового вклада [4].

Описанные феномены влияния целесообразно использовать в тех организационных формах деятельности специалистов сопровождения, где родители принимают участие в групповой работе. Такой формой, например, являются группы раннего развития. Их посещают дети раннего возраста вместе с родителями. Участие родителей здесь является естественной необходимостью. На занятиях групп раннего развития родитель структурирует активность ребенка в соответствии с инструкцией проводящего занятия специалиста, показывает ребенку образец действия, регулирует эмоциональное состояние ребенка и обеспечивает его чувство безопасности и защищенности. Но кроме основной своей цели — развитие ребенка, работа в такой группе позволяет родителю соотносить особенности своего ребенка и других де-

тей, а также особенности своего родительского взаимодействия с поведением других родителей в развернутом, специально организованном действии. При соответствующих обоснованных, с социально-психологической точки зрения, методических формах это дает возможность лучшего понимания и принятия своего ребенка, его индивидуальности, оформления и уточнения внутренней концепции родительства, принятия родителем самого себя и своих индивидуальных особенностей, формирования «чувства ресурсности», способности решать родительские задачи.

Для того, чтобы это стало возможным, в работу группы, кроме различных упражнений для детей, включались сессии обратной связи для родителей. Здесь также был задействован механизм фокусирования внимания. В контексте группы раннего развития обратная связь реализовывалась в нескольких формах. Одна из них — содержательно-оценочные высказывания «по кругу» о том, какие новые продуктивные проявления отметил родитель у своего ребенка. Другой вариант аналогичен первому, но родители высказывались о тех положительных моментах, которые отмечали у других детей. Более «камерный» вид обратной связи — специальные анкеты, заполняемые родителями. Здесь также идет речь об отмечаемых позитивных изменениях и тех используемых специалистом и самим родителем средствах, которые, по его мнению, такому изменению способствовали. Специалисты, работающие с группой, стимулировали родителей замечать наработки не только глобальные («стал лучше говорить»), но и дифференцированные продвижения в нюансах их проявлений. Систематическое использо-

вание при работе группы такого рода обратной связи создавало важное для родителей ощущение постоянного продвижения, непрекращающегося роста.

Анализируя эффекты включения обратной связи, отметим следующее. Само содержание высказываний родителей становилось раз от раза все более глубоким и точным в аспекте понимания специфики развития детей вообще и собственного ребенка, в частности.

Для того, чтобы отметить изменения в мотивации родителей, использовались поведенческие критерии, которые тем более показательны, что позволяют сравнить результаты работы групп раннего развития с включением процедур родительской обратной связи и без их проведения. Поведение родителей в центре сопровождения, традиционно пассивное, иногда даже потребительское, заметно изменилось. Актуализированный в заданных процедурах обсуждения интерес потребовал своего дальнейшего удовлетворения. Спонтанно родители стали оставаться на некоторое время после занятий, чтобы обсудить со специалистами вопросы развития ребенка. Повысившаяся заинтересованность в работе группы способствовала формированию самоорганизации ее участников: родители самостоятельно инициировали, подготовили и провели ряд праздничных групповых мероприятий для детей.

Неожиданным объективным показателем изменения родительской мотивации оказалась посещаемость. В группах без обратной связи этот вопрос был одним из самых проблемных. У родителей естественным образом находилось множество причин для пропуска занятий и причины эти выглядели вполне обоснованно. Но при введении процедур груп-

пового обсуждения для родителей количество пропусков значительно сократилось.

В качестве итогового заключения обозначим еще раз важные, с нашей точки зрения, аспекты проблемы развития прикладной социальной психологии.

1. Социальная психология как наука, изучающая влияние на субъекта разноуровневых социальных контекстов, несет в себе богатый прикладной потенциал для решения проблемных вопросов жизнедеятельности человека в обществе.

2. Реализации этого потенциала препятствуют сложившиеся в профессиональном психологическом сообще-

стве стереотипные установки в отношении социально-психологического знания.

3. Многие проблемы профессиональной деятельности психологов и специалистов-смежников связаны со слабой разработанностью социально-психологических аспектов ее организационных и методических основ.

4. Включение в деятельность специалистов сопровождения приемов, основывающихся на действии социально-психологических механизмов, позволяет оптимизировать даже традиционно проблемное взаимодействие с родителями детей, имеющих особенности развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Золотухина-Аболина Е.В.* Сотворение мира вниманием: подступы к проблеме // Эпистемология и философия науки. 2010. Т. XXVI. № 4. С. 177–191.
2. *Кондратьев М.Ю.* О научной психологической школе А.В. Петровского в Московском городском психолого-педагогическом университете // Социальная психология и общество. 2011. № 3. С. 14–31.
3. *Кондратьев М.Ю., Ильин В.А.* Азбука социального психолога-практика. М.: ПЕР СЭ, 2007. 464 с.
4. *Кричевский Р.Л.* Если вы — руководитель... Элементы психологии менеджмента в повседневной работе. М.: Дело. 1998. 352 с.
5. *Лихошерстова Н.А., Лукьянченко Н.В.* Процессуально-динамический ресурс повышения качества взаимодействия психолого-медико-педагогической комиссии с родителями детей, имеющих ограниченные возможности здоровья [Электронный ресурс] // Сибирский вестник специального образования. 2013. № 2 (10). URL: http://psyjournals.ru/files/33853/pravila_publicatsii_mgppu.pdf (дата обращения 10.03.2015).
6. *Лукьянченко Н.В.* Использование субъективного опыта в преподавании социальной психологии // Психология в вузе: научно-методический журнал. 2012. № 1. С. 36–49.
7. *Лукьянченко Н.В.* Профессиональная культура практического психолога образования: что делать? // Вестник практической психологии образования. 2012. № 3(32). С. 75–85.
8. *Лукьянченко Н.В.* Формирование позитивной родительской идентичности родителей детей с особенностями развития в контексте работы служб сопровождения // Психологическая наука и образование. 2013. № 2. С. 35–42.
9. *Майерс Д.* Социальная психология. СПб.: Питер, 2007. 569 с.

10. *Пезешкиан Н.* 33 и 1 формы партнерства. М.: Институт позитивной психотерапии, 2005. 288 с.
11. *Почебут Л.Г., Мейжис И.А.* Социальная психология. СПб.: Питер, 2010. 672 с.
12. *Райкус Дж., Хьюз Р.* Социально-психологическая помощь семье и детям группы риска: практическое пособие: в 4 т. Т. III. Развитие и благополучие детей. М.: Эксмо, 2009. 288 с.
13. *Роджерс К.* Взгляд на психотерапию. Становление человека. М.: Прогресс, 1994. 480 с.
14. *Тэшфел А.* Эксперименты в вакууме // Современная зарубежная социальная психология. Тексты. М.: Изд-во МГУ, 1984. С. 229–243.
15. Федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». <http://sudact.ru/law/doc/CxRPDd9gK3dX/001/001/>
16. *Шеклтон В.* Психология лидерства в бизнесе. СПб.: Питер, 2003. 222 с.
17. *Kahler T.* The Key To Stress Profile, Kahler Communications, Inc., Arkansas: Little Rock. 2001. 228 p.
18. *Lewin K.* Group decision and social change // Readings in social psychology. N.Y.: Psychology Press, 1947. P. 340–344.

Reaching Out to Parents of Children with Disabilities: Resources of Applied Social Psychology in Promoting Social Work

N. V. LUKYANCHENKO,

PhD in Psychology, associate professor at the Chair of Engineering Psychology, Siberian State Technological University

The paper focuses on the specifics of applied social psychology and analyzes reasons of its insufficient use. It is argued that social psychological aspects of professional activities of psychologists and specialists of related fields are very poorly developed. The paper describes a three-level structure of algorithm of social psychological projects and provides examples of how social psychological mechanisms can be employed in promoting the efficiency of interactions between social workers and parents of children with disabilities.

Keywords: *applied social psychology, social workers, social psychological mechanisms, interaction, collaboration, influence, focus of attention, feedback, group discussion, disabled children.*

REFERENCES

1. Zolotuhina-Abolina E.V. Sotvorenie mira vnimaniem: podstupy k probleme // Epistemologiya i filosofiya nauki. 2010. T. XXVI. no. 4. pp. 177–191.
2. Kondrat'ev M.Yu. O nauchnoi psihologicheskoi shkole A.V. Petrovskogo v Moskovskom gorodskom psihologo-pedagogicheskom universitete // Social'naya psihologiya i obshchestvo. 2011. no. 3. pp. 14–31.
3. Kondrat'ev M.Yu., Il'in V.A. Azbuka social'nogo psihologa-praktika. Moscow: PER SE, 2007. 464 p.
4. Krichevskii R.L. Esli vy — rukovoditel'... Elementy psihologii menedzhmenta v povsednevnoi rabote. Moscow: Delo. 1998. 352 p.
5. Lihosherstova N.A., Luk'yanchenko N.V. Processual'no-dinamicheskii resurs povysheniya kachestva vzaimodeistviya psihologo-mediko-pedagogicheskoi komissii s roditelyami detei, imeyushimi ogranichennye vozmozhnosti zdorov'ya [Elektronnyi resurs] // Sibirskii vestnik special'nogo obrazovaniya. 2013. No. 2 (10). URL: http://psyjournals.ru/files/33853/pravila_publicatsii_mgppu.pdf (data obrasheniya 10.03.2015).
6. Luk'yanchenko N.V. Ispol'zovanie sub'ektivnogo opyta v prepodavanii social'noi psihologii // Psihologiya v vuze: nauchno-metodicheskii zhurnal. 2012. no. 1. pp. 36–49.
7. Luk'yanchenko N.V. Professional'naya kul'tura prakticheskogo psihologa obrazovaniya: chto delat'? // Vestnik prakticheskoi psihologii obrazovaniya. 2012. no. 3(32). pp. 75–85.
8. Luk'yanchenko N.V. Formirovanie pozitivnoi roditel'skoi identichnosti roditel'ei detei s osobennostyami razvitiya v kontekste raboty sluzhb soprovozhdeniya // Psihologicheskaya nauka i obrazovanie. 2013. no. 2. pp. 35–42.
9. Maiers D. Social'naya psihologiya. St. Petersburg: Piter, 2007. 569 p.
10. Pezeshkian N. 33 i 1 formy partnerstva. Moscow: Institut pozitivnoi psihoterapii, 2005. 288 p.

11. *Pochebut L.G., Meizhis I.A.* Social'naya psihologiya. St. Petersburg: Piter, 2010. 672 p.
12. *Raikus Dzh., H'yuz R.* Social'no-psihologicheskaya pomosh' sem'e i detyam gruppy riska: prakticheskoe posobie. V 4 t. T. III. Razvitie i blagopoluchie detei. Moscow: Eksmo, 2009. 288 p.
13. *Rodzhers K.* Vzglyad na psihoterapiyu. Stanovlenie cheloveka. Moscow: "Progress", 1994. 480 p.
14. *Teshfel A.* Eksperimenty v vakuume // *Sovremennaya zarubezhnaya social'naya psihologiya. Teksty.* Moscow: Publ. MGU, 1984. pp. 229–243.
15. Federal'nyi zakon Rossiiskoi Federacii ot 29 dekabrya 2012 g. No. 273-FZ "Ob obrazovanii v Rossiiskoi Federacii". <http://sudact.ru/law/doc/CxRPDd9gK3dX/001/001/>
16. *Sheklton V.* Psihologiya liderstva v biznese. St. Petersburg: Piter, 2003. 222 p.
17. *Kahler T.* The Key To Stress Profile, Kahler Communications, Inc., Little Rock, Arkansas, 2001. 228 p.
18. *Lewin K.* Group decision and social change // *Readings in social psychology.* N.Y., 1947. pp. 340–344.

Адаптация и валидизация шкалы веры в паранормальное Дж. Тобасика

Д.С. ГРИГОРЬЕВ,

*стажер-исследователь международной научно-учебной лаборатории
социокультурных исследований Экспертного института НИУ ВШЭ*

Статья посвящена описанию процесса адаптации на русский язык, а также анализу факторной структуры и психометрических показателей шкалы веры в паранормальное Дж. Тобасика. Методом прямого и обратного перевода был проведен перевод шкалы на русский язык, после чего было проведено пять когнитивных интервью методом think-aloud, затем был осуществлен социально-психологический опрос, результаты которого были протестированы с помощью конфирматорного факторного анализа и других тестов, позволяющих оценить надежность и валидность шкалы. По результатам тестов шкалу можно считать надежным и валидным инструментом для измерения степени веры в паранормальное.

Ключевые слова: вера в паранормальное, суеверия, иррационализм, магическое мышление, псевдонаука, аттитюды.

Введение

В 1949 г. английский философ Ч.Д. Брод (1887–1971) в своей работе «Важность психических исследований для философии» ввел понятие **«базовый ограничивающий принцип»**:

«Есть некоторые ограничивающие принципы, которые мы без колебаний принимаем как само собой разумеющееся, как рамки, в которых заключены все наши практические действия и наши научные теории. Некоторые из них представляются очевидными. Другие настолько хорошо поддерживаются всеми эмпирическими фактами, доступными обычному восприятию и открывающимися во время научных изысканий (в том числе и в этой статье по традиционной психологии), что редко приходит в голову подвергать их сомнению. Назо-

вем их базовыми ограничивающими принципами» [6, с. 291].

Исходя из этого, под паранормальными явлениями традиционно понимаются все явления, противоречащие базовым ограничивающим принципам науки [6]. Никакого позитивного определения понятия **«паранормальное»**, по которому бы существовал полный консенсус среди исследователей, до сих пор нет.

Психологические и социокультурные исследования веры в паранормальное проводятся уже достаточно длительное время, на сегодняшний день таких исследований накопилось большое количество, и интерес к данной теме не угасает (А.Р. Гириланд, 1930; Э.Э. Эмм, 1940; М. Фишбайн, Б.Х. Равен, 1967; Р.Дж. Шейдт, 1973; Л. Зусен, У.Х. Джонс, 1982; М.Э. Толборн, 1995; Р.Т. Дадли, Д.Э. МакДональд, 2000; Ю.В. Саенко 2004, 2006; Э. Эдер, К. Турик,

Н. Миласовски, К. ван Аджин, А. Хергович, 2011; Н.Н. Измоденова, А.В. Юревич, М.А. Юревич, 2013; Р. Буве, Х. Жюат, Н. Гутадье, Ж. Пи, Х. Шаброль, 2014; Дж. Уитсон, 2015).

Недавний опрос российских студентов, проведенный Институтом психологии РАН показал, что вера в паранормальные явления в значительной мере свойственна современным российским студентам, а основным источником подобных убеждений является телевидение [4]. Исследование, проведенное Н.Н. Измоденовой, дало схожие результаты [1]. В этом свете дальнейшее изучение веры в паранормальное, в том числе и в кросс-культурном аспекте, видится важным и актуальным, а значит, под эту задачу необходим выбор надежного и валидного инструментария, в качестве которого может выступить хорошо зарекомендовавшая себя шкала веры в паранормальное Дж. Тобасика [21].

Шкала веры в паранормальное Дж. Тобасика

Оригинальная шкала веры в паранормальное (Paranormal Belief Scale) Дж. Тобасика и Г. Милфорда имела 25 вопросов [22] и стала важным шагом на пути изучения веры в паранормальное, согласно статистике Web of Science данная статья была процитирована 242 раза.

Новый доработанный вариант шкалы (Revised Paranormal Belief Scale) содержит 26 вопросов и состоит из семи субшкал: **Традиционная религиозная вера, Психоспособности, Колдовство, Суеверия, Спиритизм, Экстраординарные формы жизни и Предсказания**. Также в новом варианте заменены некоторые вопросы, а

пятибалльная шкала ответов заменена на семibalльную. По утверждению разработчика, текущий вариант шкалы представляется концептуально и психометрически обоснованным инструментом для измерения степени веры в паранормальное, в том числе и для проведения кросс-культурных исследований [21].

На сегодняшний день шкала переведена на несколько языков, например, китайский [19], немецкий [8], хорватский [17], французский [5] и т.д.

Перевод шкалы на русский язык

Для перевода шкалы веры в паранормальное Дж. Тобасика с английского языка на русский был произведен прямой и обратный перевод с последующим сравнением обратного варианта с оригиналом.

Далее в ходе адаптации было проведено пять когнитивных интервью методом *think-aloud*. Когнитивные интервью проводились в целях проверки понимания респондентами содержания рассматриваемых теоретических конструктов, которое напрямую зависит от культурного контекста и особенностей перевода инструментария. Выбор метода think-aloud обусловлен необходимостью тестирования вопросов на понятность формулировок, адекватность конструкций с точки зрения русского языка, проверки того, не являются ли вопросы трудными для понимания, не вызывают ли противоречивых толкований.

В ходе интервью касательно вопроса № 2: «Используя ментальные силы, некоторые люди способны левитировать (поднимать) объекты» респонденты отмечали излишнюю «витиеватость» предложенной формулировки и затруднялись в интерпретации понятия «**ментальные си-**

лы». *«Мне кажется, обычный человек, например, подросток, вообще бы не понял, что здесь имеется в виду...»* (из интервью мужчины, 28 лет). Было решено заменить оригинальную формулировку на «Некоторые люди способны левитировать (поднимать) объекты силой мысли».

Для вопроса № 4: «Черные кошки могут принести неудачу» было установлено, что данное утверждение не соответствует обозначению суеверия, существующего в российском культурном контексте. *«Когда мы имеем это в виду, мы не говорим “черные кошки”. Черная кошка или даже черный кот, как в песне [поет]. И слово “неудача” тоже какое-то не то. Не повезет, если черный кот дорогу перейдет. Какое-то мелкое невезение лучше...»* (из интервью женщины, 26 лет). Было решено заменить оригинальную формулировку на «Черная кошка может принести невезение».

Для вопроса № 9: «Психокинез — передвижение объектов с помощью психических сил действительно существует» было установлено, что формулировка *«психические силы»* выглядит *«тяжеловесной»* и *«режущей слух»*. *«Лучше как-нибудь заменить... Так никто не говорит — психические силы, как-то коряво... не по-русски...»* (из интервью мужчины, 25 лет). Было решено заменить оригинальную формулировку на «Психокинез — передвижение объектов силой мысли действительно существует».

Для вопроса № 12: «В измененных состояниях сознания, таких как сон или транс, дух может покинуть тело» было установлено, что у респондентов наблюдаются различные интерпретации понятия *«измененные состояния сознания»*. В основном респонденты приводили ассоциации с состояниями алкоголь-

ного или наркотического опьянения. *«Разве сон — это измененное состояние сознания? Не знаю... По-моему, оно бывает только у наркоманов, а тут не подходит... А душа... дух... в чем, кстати, разница?!»* (из интервью мужчины, 28 лет). Было решено заменить на «Когда человек спит или находится в состоянии транса, его душа может покинуть тело».

Для вопроса № 24: «Существуют реальные случаи колдовства» было установлено, что в данном утверждении использование слова *«случай»* не очень оправдано *«с точки зрения эстетики русского языка»* (из интервью мужчины, 28 лет). В такой коннотации целесообразнее использовать слово *«примеры»*, *«воспринимаемое адекватнее — нечто, что имеет место, периодически происходит и может быть описано»* (из интервью женщины, 25 лет). Было решено заменить оригинальную формулировку на «Существуют реальные примеры колдовства».

Коррекция, которую претерпели некоторые формулировки по результатам проведенных интервью, отражена в табл. 1.

Далее для выявления психометрических характеристик переведенной шкалы был проведен социально-психологический опрос.

Выборка. Всего в ходе исследования было опрошено 211 человек (108 женщин (51,2%), 103 мужчины (48,8%)) в возрасте от 17 до 79 лет ($M_{\text{возраст}} = 31,1$; $SD_{\text{возраст}} = 11,5$), из которых 143 человека имели высшее образование (67,8%), 22 — среднее специальное образование (10,4%), 18 — (8,5%) и 13 — ученую степень (6,2%), а также 82 человека указали в качестве своей религии православие (38,9%), 26 указали другие религии (ислам, буддизм, иудаизм и т.д.) (2,3%), а 103 указали, что не исповедуют никакой религии (48,8%).

Таблица 1

Коррекция перевода вопросов по результатам когнитивного интервью

№ вопроса	Оригинальный вариант	Первоначальный перевод	Вариант по результатам когнитивных интервью, вошедший в опросник
2	Some individuals are able to levitate (lift) objects through mental forces	Используя ментальные силы, некоторые люди способны левитировать (поднимать) объекты	Некоторые люди способны левитировать (поднимать) объекты силой мысли
4	Black cats can bring bad luck	Черные кошки могут принести неудачу	Черная кошка может принести невезение
9	Psychokinesis, the movement of objects through psychic powers, does exist	Психокинез — передвижение объектов с помощью психических сил действительно существует	Психокинез — передвижение объектов силой мысли действительно существует
12	During altered states, such as sleep or trances, the spirit can leave the body	В измененных состояниях сознания, таких как сон или транс, дух может покинуть тело	Когда человек спит или находится в состоянии транса, его душа может покинуть тело
24	There are actual cases of witchcraft	Существуют реальные случаи колдовства	Существуют реальные примеры колдовства

Результаты исследования и их обсуждение

Описательная статистика по пунктам опросника и показатели надежности отражены в табл. 2. Высокие коэффициенты α -Кронбаха для всех шкал ($\alpha > 0,70$) предвительно показывают их надежность.

Результаты теста адекватности выборки Кайзера—Мейера—Олкина и сphericности Бартлетта ($KMO = 0,917$; $\chi^2 = 4064,859$, $df = 325$, $p < 0,001$) говорят о возможности выделения факторной структуры данных [14].

Эксплораторный факторный анализ с помощью метода главных компонент

Таблица 2

Описательная статистика и показатели надежности шкалы

Субшкала	N	Min.	Max.	M	SD	Skew.	Kurt.	r	α
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Традиционная религиозная вера	211	1,00	7,00	4,49	1,74	-0,41	-0,72		0,83
1. Несмотря на то, что тело может умереть, душа продолжает существовать	211	1,00	7,00	5,29	1,95	-1,01	-0,12	0,67	
8. Дьявол существует	211	1,00	7,00	3,97	2,16	-0,04	-1,26	0,49	
15. Я верю в Бога	211	1,00	7,00	4,97	2,26	-0,76	-0,95	0,46	
22. Рай и ад существуют	211	1,00	7,00	3,72	2,19	0,12	-1,33	0,38	
Пси-способности	211	1,00	7,00	4,02	1,91	-0,02	-1,16		0,91
2. Некоторые люди способны левитировать (поднимать) объекты силой мысли	211	1,00	7,00	3,61	2,19	0,25	-1,31	0,79	

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
9. Психокинез — передвижение объектов силой мысли, действительно существует	211	1,00	7,00	3,79	2,21	0,09	-1,37	0,82	
16. Мысли человека могут влиять на движении физических объектов	211	1,00	7,00	4,07	2,23	-0,07	-1,42	0,79	
23. Мысли читать невозможно*	211	1,00	7,00	4,61	2,05	-0,51	-0,95	0,57	
Колдовство	211	1,00	7,00	4,38	1,96	-0,46	-0,98		0,93
3. Черная магия реально существует	211	1,00	7,00	4,28	2,17	-0,33	-1,28	0,77	
10. Ведьмы (колдуны) существуют	211	1,00	7,00	4,73	2,15	-0,59	-1,09	0,80	
17. Используя заговоры и заклинания, можно заколдовать человека	211	1,00	7,00	4,17	2,14	-0,23	-1,29	0,79	
24. Существуют реальные примеры колдовства	211	1,00	7,00	4,34	2,09	-0,38	-1,09	0,79	
Суеверия	211	1,00	6,33	1,99	1,14	1,15	,94		0,73
4. Черная кошка может принести невезение	211	1,00	7,00	2,04	1,55	1,50	1,44	0,36	
11. Если разбить зеркало, то это принесет несчастье	211	1,00	7,00	2,27	1,53	1,08	0,34	0,47	
18. Число «13» — несчастливое	211	1,00	6,00	1,68	1,12	1,74	2,44	0,29	
Спиритизм	211	1,00	7,00	4,02	1,77	-0,14	-0,91		0,88
5. Ваше сознание или душа могут покидать Ваше тело и путешествовать (астральная проекция)	211	1,00	7,00	4,09	2,19	-0,08	-1,33	0,70	
12. Когда человек спит или находится в состоянии транса, его душа может покинуть тело	211	1,00	7,00	3,89	2,02	-0,05	-1,12	0,73	
19. Реинкарнация (переселение душ) действительно случается	211	1,00	7,00	4,25	2,07	-0,24	-1,13	0,65	
25. Общаться с умершими возможно	211	1,00	7,00	3,84	1,99	0,03	-1,09	0,77	
Экстраординарные формы жизни	211	1,00	7,00	3,53	1,43	-0,06	-0,68		0,73
6. Снежный человек существует	211	1,00	7,00	3,01	1,81	0,41	-0,84	0,57	
13. Лохнесское чудовище существует	211	1,00	7,00	2,68	1,58	0,48	-0,62	0,48	
20. На других планетах есть жизнь	211	1,00	7,00	4,89	1,95	-0,65	-0,61	0,48	
Предсказания	211	1,00	7,00	3,48	1,48	-0,04	-0,66		0,82
7. Астрология — это способ точного предсказания будущего	211	1,00	7,00	2,68	1,75	0,88	-0,11	0,57	
14. Гороскоп точно описывает будущее человека	211	1,00	7,00	2,28	1,49	1,04	0,29	0,52	
21. Некоторые экстрасенсы могут точно предсказать будущее	211	1,00	7,00	4,21	2,04	-0,31	-1,13	0,74	

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
26. Некоторые люди имеют необъяснимые способности предсказывать будущее	211	1,00	7,00	4,76	2,03	-0,68	-0,76	0,75	
Полная шкала	211	1,00	6,42	3,78	1,31	-0,38	-0,46	1,00	0,95

Условные обозначения: N – количество человек; Min. – минимальное значение; Max. – максимальное значение; M – среднее; SD – стандартное отклонение; Skew. – коэффициент асимметрии; Kurt. – коэффициент эксцесса; r – скорректированная корреляция пункта с суммарным баллом; α – коэффициент α -Кронбаха; «*» – данный вопрос является обратным, статистика приведена по результатам перекодирования.

путем вращения корреляционной матрицы по типу Варимакс с заданием семифакторного решения показал, что полная объясненная дисперсия составляет 75,44% (18,62% – Колдовство; 13,35% – Спиритизм; 10,63% – Традиционная религиозная вера; 9,16% – Пси-способности; 8,56% – Суеверия; 7,79% – Предсказания; 7,32% – Экстраординарные формы жизни). Анализ с собственными значениями факторов предложил пятифакторную структуру, где вопросы, соответствующие субшкале Колдовство, Пси-способности, Спиритизм, половина вопросов субшкалы Предсказания (кроме оставшихся двух

вопросов посвященных астрологии), а также вопрос о жизни на других планетах, были сгружены в один фактор.

Далее для проверки структурной валидности шкалы с помощью программы **MPlus** был проведен подтверждающий факторный анализ трех вариантов модели: однофакторной, пятифакторной (конфигурация по результатам эксплораторного факторного анализа с собственными значениями факторов) и семифакторной (оригинальная конфигурация Дж. Тобасика). Результаты отражены в табл. 3. Согласно показателям моделей, наибольшее соответствие данным демонстрирует семифакторная модель.

Таблица 3

Параметры моделей для шкалы по результатам подтверждающего факторного анализа

Модель	χ^2	df	χ^2/df	CFI	RMSEA (90% CI)	SRMR	AIC
Модель 1 (1Ф)	1437,503	299	4,808	0,710	0,135 (0,128 ... 0,142)	0,087	20107,362
Модель 2 (5Ф)	1017,620	289	3,521	0,815	0,110 (0,102 ... 0,117)	0,071	19705,480
Модель 3 (7Ф)	719,502	278	2,588	0,888	0,087 (0,079 ... 0,095)	0,074	19427,942
Модифицированная модель 3 (7Ф)	634,608	276	2,299	0,909	0,079 (0,071 ... 0,087)	0,070	19346,644

Условные обозначения: χ^2 – значение статистики хи-квадрат; df – число степеней свободы; CFI – сравнительный индекс соответствия Бенглера; RMSEA – корень среднеквадратической ошибки аппроксимации; 90% CI – границы доверительного интервала для RMSEA; SRMR – стандартизированный корень среднеквадратического остатка; AIC – информационный критерий Акаике.

Для семифакторной модели стандартизованные регрессионные веса пунктов шкалы показывают неплохие связи с соответствующими им латентными конструктами (рис.), однако некоторые параметры семифакторной модели имеют не вполне удовлетворительные показатели, что говорит о том, что модель требует доработки. Индексы модификации показывают, что существует значимая корреляционная связь между ошибками, которые соответствуют вопросам № 7 и № 14 — это может свидетельствовать о том, что существует некоторый дополнительный фактор, который влияет на отношение респондентов к астрологии, а также вопросам № 1 и № 19, что объясняется логической связью между этими вопросами, так как реинкарнация (переселение душ) предполагает, что после смерти тела, душа продолжает существовать (вопрос № 19 отражает частный случай для вопроса № 1). Добавление данных корреляционных связей несколько улучшило показатели модели, теперь они соответствуют общепринятым: $1 < \chi^2/df < 3$; CFI > 0,90; RMSEA <

< 0,10; SRMR < 0,09 [13; 15] для того, чтобы заключить о соответствии модели эмпирическим данным.

Теперь рассмотрим показатели надежности, конвергентной и дискриминантной валидности шкалы. Был рассчитан показатель составной надежности *p*-Рейкова, показатель средней извлеченной дисперсии (AVE), показатель максимальной разделенной дисперсии (MSV), показатель средней разделенной дисперсии (ASV), для проверки дискриминантной валидности дополнительно был проведен тест Форнелла—Ларкера. Результаты всех тестов отражены в табл. 4.

Показатели должны быть следующими: шкала надежна, если CR > 0,70; конвергентная валидность есть, если AVE > 0,50; дискриминантная валидность есть, если MSV < AVE, ASV < AVE [14], а также если квадратный корень из средней извлеченной дисперсии (AVE) больше, чем коэффициенты корреляции между конструктами [11]. Итак, можно отметить хорошие показатели составной надежности. С показателями конвергентной валидности есть

Таблица 4

Показатели надежности, конвергентной и дискриминантной валидности шкалы

Конструкт	CR	AVE	MSV	ASV	1	2	3	4	5	6	7
1. Традиционная религиозная вера	0,825	0,542	0,454	0,259	0,736						
2. Пси-способности	0,911	0,725	0,748	0,476	0,499	0,852					
3. Колдовство	0,935	0,783	0,674	0,478	0,674	0,766	0,885				
4. Суверия	0,739	0,487	0,236	0,194	0,350	0,427	0,486	0,698			
5. Спиритизм	0,869	0,626	0,724	0,485	0,543	0,846	0,773	0,459	0,791		
6. Экстраординарные формы жизни	0,774	0,548	0,386	0,290	0,334	0,612	0,565	0,426	0,605	0,740	
7. Предсказания	0,797	0,503	0,748	0,515	0,569	0,865	0,821	0,482	0,851	0,621	0,709

Условные обозначения: CR — показатель составной надежности *p*-Рейкова; AVE — показатель средней извлеченной дисперсии; MSV — показатель максимальной разделенной дисперсии; ASV — показатель средней разделенной дисперсии. Все корреляции между конструктами на уровне значимости $p < 0,001$; по диагонали квадратный корень из AVE.

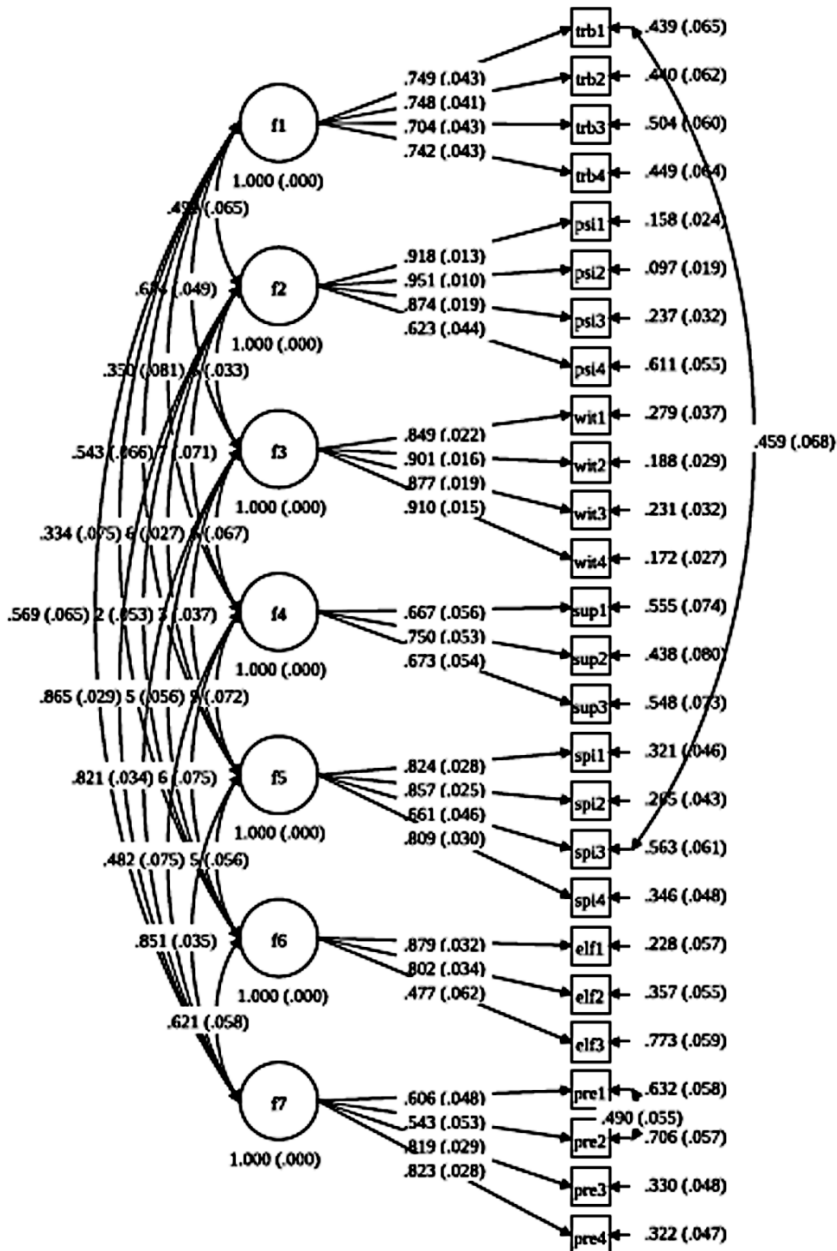

Рис. Результаты конфирматорного факторного анализа для шкалы

Параметры модели: $\chi^2/df = 2,299$; CFI = 0,909; RMSEA = 0,079; SRMR = 0,070.

Условные обозначения: f1 – Традиционная религиозная вера; f2 – Пси-способности; f3 – Колдовство; f4 – Суеверия; f5 – Спиритизм; f6 – Экстраординарные формы жизни; f7 – Предсказания

небольшие проблемы с субшкалой Суеверия, однако показатель для нее (0,487) не сильно отклоняется от нормы. Несколько хуже дела обстоят с дискриминантной валидностью субшкал Пси-способности, Спиритизм и Предсказания. По всей видимости, содержательная сторона, которая стоит за этими конструктами, плохо различима респондентами, в их представлении эти паранормальные явления сильно связаны (например, образ экстрасенса, который обладает способностью читать мысли, при этом общаться с умершими и таким образом предсказывать будущее — обычное дело для мракобесных передач ряда телеканалов). Тем не менее, исходя из теории, содержательно это достаточно хорошо различимые конструкты, поэтому они вполне могут считаться как отличимые друг от друга.

И наконец, были посчитаны средние значения по этим семи факторам для женщин и мужчин (табл. 5), а также православных и не исповедующих никакой религии (табл. 6).

Степень веры в пси-способности у женщин и мужчин значимо различается — у мужчин степень веры выше, но размер эффекта достаточно небольшой.

Степень традиционной религиозной веры у православных и лиц, не исповедующих никакой религии, значимо различается, размер эффекта очень большой, также православные склонны больше верить в колдовство и суеверия, но размер эффекта небольшой.

Таким образом можно заключить, что на сегодняшний день изучение веры в паранормальное является актуальной задачей социальной психологии, кото-

Таблица 5

Межгрупповые различия в вере в паранормальное для женщин и мужчин

Субшкала	Женщины		Мужчины		<i>t</i>	<i>d</i>
	N	M (SD)	N	M (SD)		
Традиционная религиозная вера	108	4,42 (1,68)	103	4,56 (1,79)	0,56	0,08
Пси-способности	108	3,73 (1,75)	103	4,32 (2,04)	2,28*	0,32
Колдовство	108	4,22 (1,81)	103	4,55 (2,09)	1,19	0,17
Суеверия	108	2,12 (1,19)	103	1,87 (1,07)	1,62	0,22
Спиритизм	108	3,84 (1,69)	103	4,20 (1,83)	1,47	0,20
Экстраординарные формы жизни	108	3,39 (1,42)	103	3,67 (1,44)	1,46	0,20
Предсказания	108	3,52 (1,53)	103	3,45 (1,43)	0,32	0,04

Условные обозначения: N — количество человек; M — среднее; SD — стандартное отклонение; *t* — статистика различий *t*-критерий Стьюдента; *d* — статистика размера эффекта *d*-Коэна; «*» — $p < 0,05$

Таблица 6

Межгрупповые различия в вере в паранормальное для православных и не исповедующих никакой религии

Субшкала	Православные		Нет религии		t	d
	N	M (SD)	N	M (SD)		
Традиционная религиозная вера	82	5,26 (1,35)	103	3,62 (1,67)	7,36***	1,09
Пси-способности	82	3,93 (1,72)	103	3,99 (2,05)	0,22	0,03
Колдовство	82	4,72 (1,57)	103	4,01 (2,18)	2,54*	0,38
Суеверия	82	2,27 (1,22)	103	1,78 (,96)	3,00**	0,49
Спиритизм	82	3,99 (1,58)	103	3,96 (1,87)	0,12	0,02
Экстраординарные формы жизни	82	3,44 (1,40)	103	3,50 (1,40)	0,29	0,04
Предсказания	82	3,59 (1,32)	103	3,34 (1,53)	1,16	0,17

Условные обозначения: N – количество человек; M – среднее; SD – стандартное отклонение; t – статистика различий t-критерий Стьюдента; d – статистика размера эффекта d-Коэна; «***» – $p < 0,001$; «**» – $p < 0,01$; «*» – $p < 0,05$.

рая поможет больше понять и объяснить склонность людей к иррационализму, магическому мышлению, псевдонауке и т.д. В целом, надежным и валидным

инструментом для решения этой задачи можно считать адаптированную на русский язык шкалу веры в паранормальное Дж. Тобасика (табл. 7).

Таблица 7

Шкала веры в паранормальное Дж. Тобасика

<p>Пожалуйста, укажите степень Вашего согласия с приведенными утверждениями. 1 = Абсолютно не согласен; 2 = Не согласен; 3 = Скорее не согласен; 4 = Не знаю, не уверен; 5 = Скорее согласен; 6 = Согласен; 7 = Абсолютно согласен.</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Несмотря на то, что тело может умереть, душа продолжает существовать 2. Некоторые люди способны левитировать (поднимать) объекты силой мысли 3. Черная магия реально существует 4. Черная кошка может принести невезение 5. Ваше сознание или душа могут покидать Ваше тело и путешествовать (астральная проекция) 6. Снежный человек существует 7. Астрология – это способ точного предсказания будущего 8. Дьявол существует 9. Психокинез – передвижение объектов силой мысли, действительно существует

10. Ведьмы (колдуны) существуют
11. Если разбить зеркало, то это принесет несчастье
12. Когда человек спит или находится в состоянии транса, его душа может покинуть тело
13. Лох-несское чудовище существует
14. Гороскоп точно описывает будущее человека
15. Я верю в Бога
16. Мысли человека могут влиять на движение физических объектов
17. Используя заговоры и заклинания, можно заколдовать человека
18. Число «13» — несчастливое
19. Реинкарнация (переселение душ) действительно случается
20. На других планетах есть жизнь
21. Некоторые экстрасенсы могут точно предсказать будущее
22. Рай и ад существуют
23. Мысли читать невозможно *
24. Существуют реальные примеры колдовства
25. Общаться с умершими возможно
26. Некоторые люди имеют необъяснимые способности предсказывать будущее

Традиционная религиозная вера (1, 8, 15, 22); Пси-способности (2, 9, 16, 23); Колдовство (3, 10, 17, 24); Суеверия (4, 11, 18); Спиритизм (5, 12, 19, 25); Экстраординарные формы жизни (6, 13, 20); Предсказания (7, 14, 21, 26).

Примечание: «*» — обратный вопрос

ЛИТЕРАТУРА

1. Измоденова Н.Н. Суеверия как способ жизнедеятельности образованных групп населения // Труды Кольского научного центра РАН. 2013. № 6(19). С. 20—35.
2. Саенко Ю.В. Психологические аспекты изучения суеверий // Вопросы психологии. 2006. № 6. С. 85—97.
3. Саенко Ю.В. Суеверия современных студентов // Вопросы психологии. 2004. № 4. С. 122—130.
4. Юревич А.В., Юревич М.А. Легковерие и скептицизм в студенческой среде // Социология науки и технологий. 2013. № 3. С. 127—137.
5. Bowet R., Djeriouat H., Goutaudier N., Py J., Chabrol H. Validation française de la Revised Paranormal Belief Scale [French validation of the Revised Paranormal Belief Scale] // L'Encephale. 2014. Vol. 40. P. 308—314.
6. Broad C.D. The Relevance of Psychical Research to Philosophy // Philosophy. 1949. Vol. 24. P. 291—309.
7. Dudley R.T. Paranormal Belief and Attributional Style // Psychological Reports. 2000. Vol. 86(3). P. 863—864.
8. Eder E., Turic K., Milasowszky N., van Adzin K., Hergovich A. The Relationships Between Paranormal Belief, Creationism, Intelligent Design and Evolution at Secondary Schools in Vienna (Austria) // Science & Education. 2011. Vol. 20(5—6). P. 517—534.
9. Emme E.E. Modification and Origin of Certain Beliefs in Superstition among 96 College Students // Journal of Psychology. 1940. Vol. 10. P. 279—291.

10. *Fishbein M., Raven B.H.* The AB Scales: An Operational Definition of Belief and Attitude // Readings in Attitude Theory and Measurement / In M. Fishbein (Eds.). N.Y.: Wiley, 1967. P. 183–189.
11. *Fornell C., Lacker D.* Evaluating Structural Equation Models with Unobservable Variables and Measurement Error // Journal of Marketing Research. 1981. Vol. 18(1). P. 39–50.
12. *Gililand A.R.* A Study of the Superstitions of College Students // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1930. Vol. 24. P. 472–479.
13. *Hooper D., Coughlan J., Mullen M.R.* Structural Equation Modelling: Guidelines for Determining Model Fit [Electronic resource] // The Electronic Journal of Business Research Methods. 2008. Vol. 6(1). P. 53–60. URL: <http://www.ejbrm.com/issue/download.html?idArticle=183> (дата обращения: 21.01.2015).
14. *Hair J., Black W., Babin B., Anderson R.* Multivariate Data Analysis (7th Ed.). NJ, USA: Prentice-Hall, Inc. Upper Saddle River, 2010. 816 p.
15. *Hu L.T., Bentler P.M.* Cutoff Criteria for Fit Indexes in Covariance Structure Analysis: Conventional Criteria Versus New Alternatives // Structural Equation Modeling. 1999. Vol. 6(1). P. 1–55.
16. *MacDonald D.A.* Spirituality: Description, Measurement and Relation to the Five Factor Model of Personality // Journal of Personality. 2000. Vol. 68(1). P. 153–197.
17. *Miklousic I., Mlacic B., Milas G.* Paranormal Beliefs and Personality Traits in Croatia // Journal for General Social Issues. 2012. Vol. 21. P. 181–201.
18. *Scheidt R.J.* Belief in Supernatural Phenomena and Locus of Control // Psychological Report. 1973. Vol. 32. P. 1159–1162.
19. *Shiah Y.-J.* Paranormal Beliefs and Religiosity: Chinese Version of the Revised Paranormal Belief Scale // Psychological Reports. 2010. Vol. 107(2). P. 367–382.
20. *Thalbourne M.A.* Further Studies of the Measurement and Correlates of Belief in the Paranormal // Journal of the American Society for Psychological Research. 1995. Vol. 89. P. 233–247.
21. *Tobacyk J.* A Revised Paranormal Belief Scale // The International Journal of Transpersonal Studies. 2004. Vol. 23. P. 94–98.
22. *Tobacyk J., Milford G.* Belief in Paranormal Phenomena: Assessment Instrument Development and Implications for Personality Functioning // Journal of Personality and Social Psychology. 1983. Vol. 44. P. 648–655.
23. *Whitson J.* The Emotional Roots of Conspiratorial Perceptions, System Justification, and Belief in the Paranormal // Journal Of Experimental Social Psychology. 2015. Vol. 56(1). P. 89–95.
24. *Zusne L., Jones W.H.* Anomalistic Psychology: A Study of Extraordinary Phenomena of Behavior and Experience. NJ, USA: Lawrence Erlbaum Associates, Hillsdale, 1982. 498 p.

Russian Adaptation and Validation of Tobacyk's Revised Paranormal Belief Scale

D.S. GRIGORYEV,

Intern researcher, International Scientific-Educational Laboratory for Socio-Cultural Research of the Expert Institute of the National Research University "Higher School of Economics"

The paper is devoted to the Russian adaptation of Tobacyk's Revised Paranormal Belief Scale and to the analysis of its factor structure and psychometric performance. The Scale was translated into Russian by means of back translation, followed by five cognitive interviews conducted using the think-aloud method. A survey was carried out subsequently, the results of which were tested using confirmatory factor analysis and other tests of reliability and validity. According to the obtained results, the Scale can be considered a reliable and valid instrument for measuring the degree of belief in the paranormal.

Keywords: *paranormal beliefs, superstition, irrationality, magical thinking, pseudo-science, attitudes.*

REFERENCES

1. *Izmodenova N.N.* Sueveriya kak sposob zhiznedeysel'nosti obrazovannykh grupp naseleeniya // Trudy Kol'skogo nauchnogo tsentra RAN. 2013. no. 6(19). pp. 20–35.
2. *Saenko Yu.V.* Psikhologicheskie aspekty izucheniya sueveriy // Voprosy psikhologii. 2006. no. 6. pp. 85–97.
3. *Saenko Yu.V.* Sueveriya sovremennykh studentov // Voprosy psikhologii. 2004. no. 4. pp. 122–130.
4. *Yurevich A.V., Yurevich M.A.* Legkoverie i skeptitsizm v studencheskoy srede // Sotsiologiya nauki i tekhnologii. 2013. no. 3. pp. 127–137.
5. *Bouvet R., Djeriouat H., Goutaudier N., Py J., Chabrol H.* Validation française de la Revised Paranormal Belief Scale [French validation of the Revised Paranormal Belief Scale] // L'Encephale. 2014. Vol. 40. pp. 308–314.
6. *Broad C.D.* The Relevance of Psychical Research to Philosophy // Philosophy. 1949. Vol. 24. pp. 291–309.
7. *Dudley R.T.* Paranormal Belief and Attributional Style // Psychological Reports. 2000. Vol. 86(3). pp. 863–864.
8. *Eder E., Turic K., Milasowszky N., van Adzin K., Hergovich A.* The Relationships Between Paranormal Belief, Creationism, Intelligent Design and Evolution at Secondary Schools in Vienna (Austria) // Science & Education. 2011. Vol. 20(5–6). pp. 517–534.
9. *Emme E.E.* Modification and Origin of Certain Beliefs in Superstition among 96 College Students // Journal of Psychology. 1940. Vol. 10. pp. 279–291.
10. *Fishbein M., Raven B.H.* The AB Scales: An Operational Definition of Belief and Attitude // Readings in Attitude Theory and Measurement / In M. Fishbein (Eds.). New York: Wiley, 1967. pp. 183–189.

11. *Fornell C., Lacker D.* Evaluating Structural Equation Models with Unobservable Variables and Measurement Error // *Journal of Marketing Research*. 1981. Vol. 18(1). pp. 39–50.
12. *Gililand A.R.* A Study of the Superstitions of College Students // *Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1930. Vol. 24. pp. 472–479.
13. *Hooper D., Coughlan J., Mullen M.R.* Structural Equation Modelling: Guidelines for Determining Model Fit [Electronic resource] // *The Electronic Journal of Business Research Methods*. 2008. Vol. 6(1). pp. 53–60. <http://www.ejbrm.com/issue/download.html?idArticle=183> (data obrasheniya: 21.01.2015).
14. *Hair J., Black W., Babin B., Anderson R.* *Multivariate Data Analysis* (7th Ed.). NJ, USA: Prentice-Hall, Inc. Upper Saddle River, 2010. 816 p.
15. *Hu L.T., Bentler P.M.* Cutoff Criteria for Fit Indexes in Covariance Structure Analysis: Conventional Criteria Versus New Alternatives // *Structural Equation Modeling*. 1999. Vol. 6(1). pp. 1–55.
16. *MacDonald D.A.* Spirituality: Description, Measurement and Relation to the Five Factor Model of Personality // *Journal of Personality*. 2000. Vol. 68(1). pp. 153–197.
17. *Miklousic I., Mlacic B., Milas G.* Paranormal Beliefs and Personality Traits in Croatia // *Journal for General Social Issues*. 2012. Vol. 21. pp. 181–201.
18. *Scheidt R.J.* Belief in Supernatural Phenomena and Locus of Control // *Psychological Report*. 1973. Vol. 32. pp. 1159–1162.
19. *Shiah Y.-J.* Paranormal Beliefs and Religiosity: Chinese Version of the Revised Paranormal Belief Scale // *Psychological Reports*. 2010. Vol. 107(2). pp. 367–382.
20. *Thalbourne M.A.* Further Studies of the Measurement and Correlates of Belief in the Paranormal // *Journal of the American Society for Psychological Research*. 1995. Vol. 89. pp. 233–247.
21. *Tobacyk J.* A Revised Paranormal Belief Scale // *The International Journal of Transpersonal Studies*. 2004. Vol. 23. pp. 94–98.
22. *Tobacyk J., Milford G.* Belief in Paranormal Phenomena: Assessment Instrument Development and Implications for Personality Functioning // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1983. Vol. 44. pp. 648–655.
23. *Whitson J.* The Emotional Roots of Conspiratorial Perceptions, System Justification, and Belief in the Paranormal // *Journal Of Experimental Social Psychology*. 2015. Vol. 56(1). pp. 89–95.
24. *Zusne L., Jones W.H.* *Anomalistic Psychology: A Study of Extraordinary Phenomena of Behavior and Experience*. NJ, USA: Lawrence Erlbaum Associates, Hillsdale, 1982. 498 p.

**Рецензия на книгу Наташи Бахт
«Принадлежность и изгнание: жизнь мусульманина в Канаде».
2008. Торонто: TSAR Publications. 147 стр.¹**

**А.Д. ВОНГ,
PhD, Университет Конкордии**

Данный материал представляет собой перевод рецензии А.Д. Вонг на книгу Наташи Бахт «Принадлежность и изгнание: жизнь мусульманина в Канаде». В рецензии подчеркивается своевременность выхода антологии, но в то же время отмечается разнообразие стилей и глубины изложения материала в представленных эссе, вследствие чего сложно выделить целевую аудиторию этой книги.

Антология «Принадлежность и изгнание: жизнь мусульманина в Канаде» — детище Наташи Бахт, правоведа из университета Оттавы — представляет собой сборник эссе, написанных проживающими в Канаде мусульманами, различающимися по уровню образования, сферам деятельности и возрасту. Данное издание содержит как научные, так и журналистские статьи и даже детские записи, охватывающие широкий спектр тем: от текущих событий, известных многим канадцам, таких как спор о законе шариата и об Омаре Хадре², до более повседневных проблем, таких как воспитание детей. Широта спектра тем, затронутых в этой книге, не должна удивлять читателей, учитывая тот факт, что целью Н. Бахт являлось создание своего рода галереи разнообразных образов мусульман и рассмотрение значимых для них вопросов.

Антология выходит в конце десятилетия, для которого характерно видение мусульман как людей, провоцирующих конфликты на религиозной почве, что, конечно, было усугублено событиями, произошедшими 11 сентября 2001 года в США. Как следствие этого канадские мусульмане подвергаются различным формам расовой маргинализации в дополнение к откровенному насилию, такому как акты вандализма в мечетях. Эта маргинализация поддерживается законодательством и политикой правительства в случаях, подобных случаю О. Хадра, и в отношении лиц, лишенных свободы в рамках программы сертификата «антитеррористической» безопасности. Кроме того, средства массовой информации уделяют чрезмерное внимание вещам, которые обычно квалифицируются как мелкие социальные конфликты. Примером этого могут служить недав-

¹ Впервые опубликовано на английском языке в Global Media Journal — Canadian Edition: Wong, A.D. Book review: Natasha Bakht (ed.) 'Belonging and Banishment: Being Muslim in Canada'. *Global Media Journal — Canadian Edition*. 2009. Vol. 2. Issue 2. P. 121. Available at: http://www.gmj.uottawa.ca/0902/v2i2_wong.pdf

² Омар Хадр — гражданин Канады, самый молодой узник американской тюрьмы для террористов Гуатанамо. Он стал узником в 2002 году, когда ему было 15 лет, после задержания в Афганистане по подозрению в использовании осколочной гранаты против военных США.

ние споры по поводу ассимиляции иммигрантов и их культурных практик, когда вопрос о ношении мусульманками хиджаба и никаба вызвал неоправданно большой интерес. В этой связи работа «Принадлежность и изгнание ...», будучи попыткой обратить внимание на эти проблемы и решить некоторые из них, более чем своевременна. Тем не менее, хотя необходимость такого проекта очевидна, результат в данном случае не до конца успешен.

Причиной тому выступает неоднородность содержания книги. Из-за разнообразия профессиональных и образовательных уровней авторов разброс в стилях написания эссе довольно велик: в книге можно встретить как живые рассказы от первого лица, так и «почти» сухие научные статьи. Одни эссе написаны свободным и эмоциональным языком, другие имеют, по сути, философское звучание, а некоторые демонстрируют журналистскую тональность. Как следствие, сложно определить, какой аудитории адресована данная книга.

Например, первая глава — это эссе на тему исламофобии за авторством Харуна Сиддики, почетного редактора редакционной страницы и обозревателя «*Toronto Star*». Как и следовало ожидать от человека с такой позицией, эссе читается как смесь передовицы и газетной колонки, в развернутой и подробной версии. Х. Сиддики высказывает твердое мнение о многих недавних разногласиях в Канаде, которые имели некоторый оттенок исламофобии, и стиль его речи граничит порой с проповедью. Несколькими главами позже мы видим более традиционную академическую исследовательскую работу пера Карима Х. Карима о взглядах канадских мусульман на исламскую власть.

При написании работы К. Карим использовал качественные данные, собранные с помощью фокус-группы во время нескольких исследовательских сессий, и выводы в ней делаются от третьего лица. Контраст стилей этих двух эссе не может остаться незамеченным: язык одного материала прямой и даже строгий, в то время как в другом мнение выражается в манере достаточно отстраненной и значительно менее эмоциональной. Такие перепады тона и стиля происходят в этой книге постоянно, что вызывает вопрос о том, на кого она рассчитана — на среднего читателя или на ученого? После тщательного прочтения каждого очерка можно предположить, что, учитывая откровенный тон большинства работ, вероятно, на первого.

Тем не менее, после того, как ответ на этот вопрос получен, возникает другой: нацелена ли эта книга, в первую очередь, на мусульман или на немусульман? Так как большинство текстов повествует о вещах, уже известных многим мусульманам, возникает чувство, что немусульмане могут извлечь больше пользы из чтения этой книги, чем те, кто исповедует ислам. Не будучи сам мусульманином, я хорошо осведомлен о многих вопросах и проблемах, которые различные авторы освещают здесь, так что подозреваю, что мусульманские читатели могут просто чувствовать, что они являются proverbially новыми, которым авторы этих эссе читают проповеди. В самом деле, стиль местами довольно тяжеловесный, даже, осмелюсь сказать, назидательный — и такой тон звучит не только в статье Х. Сиддики, но и в работе Анвера М. Эмона об «исламской теологии и нравственной деятельности» и Амина Малака о диалогических проповедях.

В то же время ряд других разделов мог бы быть в содержательном плане посильнее. В частности, статья Рухсаны Хан «Воспитание детей-мусульман в многообразном мире» является тому примером, поскольку ее размышления не создают четкого представления о том, в чем заключается своеобразие воспитания мусульманских детей по сравнению с воспитанием ребенка в иных конфессиональных общинах. Помимо этого, Осма Зеханат Хан, описывающая создание журнала для мусульманских девушек, и Шима Хан, обсуждающая случай О. Хадра, возможно, могли бы провести гораздо более глубокий анализ подобного события в пространстве СМИ в первом случае и правительственной двуличности и самодовольства — во втором.

Наиболее впечатляющим эссе в рассматриваемой антологии выглядит материал Сайеда Мухаммеда Мехди о его имени и о том, как оно соотносится с его мусульманско-канадской идентичностью. Эта прозаическая и довольно трогательная статья помогла мне понять, что современные канадские мусульмане думают о власти. Аналогичным образом заставляют задуматься рассуждения Анара Али о его происхождении и о том, как эта тема была затронута в период напряженности, вызванной переговорами о плюрализме и принятии среди мусульман. Я также многое узнал о роли науки в исламе благодаря работе Арифа Бабула, довольно внушительной по объему и представившей множество сведений об

истории ислама, что помогло мне лучше понять интеллектуальные традиции этой религии. Наконец, хотя уже много было написано на эту тему, Н. Бахт лаконично и убедительно «расправляется» с различными спорными вопросами, касающимися поведения мусульман в Канаде, в частности, с вопросом о ношении платков женщинами-мусульманками. При этом Н. Бахт высказывает свою позицию как мнение юриста, что выгодно отличает ее статью от других, с которыми я сталкивался.

Хотя, без сомнения, одной из главных целей «Принадлежности и изгнания ...» была демонстрация разнообразия мусульманского сообщества, чувствуется, что все же существует необходимость поиска более глубокой проблемы, которая связала бы эти разрозненные произведения воедино. В этой связи четкое представление о том, кто выступает в роли целевой аудитории этой антологии во время ее подготовки, могло бы быть аргументированным решением. Однако для меня лично ознакомление со всей этой «коллекцией» эссе привело к определенному недоумению, чего автор этой книги, по-видимому, и пытался добиться от потенциального читателя своим произведением.

Перевод *К.Н. Виноградовой*,
студентки бакалавриата
«Психология и науки о языке»
Университетского
Колледжа Лондона,
Университет Лондона

Book review: Natasha Bakht (ed.) *Belonging and Banishment: Being Muslim in Canada*. Toronto: TSAR Publications, 2008. 147 pp.³

A.D. WONG,
PhD, Concordia University

The present paper is a translation of A.D. Wong's review of the book 'Belonging and Banishment: Being Muslim in Canada.' by Natasha Bakht. The review underlines the timeliness of this work, however, a high variability in writing styles and depth of analysis is also noted. As a consequence of this variability, it is hard to name a particular target audience for this book.

³ This book review has been first published in English in the Global Media Journal – Canadian Edition: Wong, A.D. Book review: Natasha Bakht (ed.) 'Belonging and Banishment: Being Muslim in Canada'. *Global Media Journal – Canadian Edition*, 2009, Vol. 2 Issue 2, p121 Available at: http://www.gmj.uottawa.ca/0902/v2i2_wong.pdf

Психология и педагогика: несовпадение задач и пример плодотворного союза в советской образовательной практике

Пройдут годы и историки отечественной психологии будут оценивать конец XX века как период поистине судьбоносный для ее развития. Именно тогда, когда наступил кризис советской идеологии, и приобрела психологическая наука в СССР статус полноценной науки, начав освобождаться от унижительного положения «падчерицы» педагогики.

Почему же до этого господствовало такое неравноправие педагогики и психологии и чем объясняется произошедшее на рубеже веков столь качественное изменение ситуации? По-моему, ответ в данном случае однозначен — все обусловлено тоталитарным характером советского государства и начавшимся в перестроечный период разрушением идеологического прессинга на общество.

Если задуматься над тем, что, прежде всего, различает основные задачи педагогики и психологии (имея при этом в виду педагогические задачи не обучения, а воспитания), то приходится констатировать следующее. Педагогика разрабатывает, создает, а главное, задает, отвечая, прежде всего, на вопрос «как должно быть?», императивные модели должностования, говоря мягче — модели желаемого. По сути дела, речь идет об идеологически обоснованном «заказе», о том, что соответствует «титально» заявленной цели воспитания. Психология же отвечает на вопрос «что есть на самом деле?», т.е. раскрывает реальное положение дел вне зависимости от того, удовлетворяет или не удовлетворяет эта дейст-

вительность те инстанции, которые в тоталитарном государстве и определяют в решающей степени, что считать подлинным научным знанием, а что не считать таковым. Понятно, что в советские, особенно сталинские времена сам факт жизни «падчерицы» педагогики был чудом, особенно если учесть судьбу педологии, в один день превратившейся из науки в нечто, что стало ничем. Да и потом существование советской психологии «висело на волоске».

Существует легенда о том, что перед самой Павловской сессией И.В. Сталину была подана бумага, в которой психология так же, как и генетика, была определена в качестве буржуазной идеологической диверсии, но «вождь всех народов» вдруг, по непонятным причинам высказался категорично и при этом не приводя никаких аргументов (правда, никто и никогда не осмеливался их от него запрашивать): «Нет, физиология — это физиология, а психология — психология». Было ли так на самом деле, либо было нечто другое, близкое тому, а также в связи с тем, что Л.С. Выготский не дожил до 1937 года, но факт остается фактом — в советское время психология была, и не просто выживала, но и действительно развивалась, достигая, добиваясь... Во многом не благодаря, а вопреки, но, может быть, и в связи с этим приобретая содержательную силу и собственно научный, а не идеологический «стержень».

В 1972 году в Москве состоялся Международный психологический конгресс, на котором впервые были представлены

доклады советских ученых по социальной психологии. На конгрессе произошла следующая сцена. Одним из докладчиков был по тем временам молодой, сорокасемилетний академик АПН СССР А.В. Петровский, а в президиуме секционного заседания находился профессор Е.С. Кузьмин, безусловный лидер ленинградских социальных психологов, представитель старшего поколения. Говоря о современном состоянии социальной психологии в СССР, А.В. Петровский, обратившись к залу, отчеканил: «Поздравим друг друга с тем, что период запрета на социальную психологию в Советском Союзе завершен!». «Не было такого периода, — мгновенно отреагировал из президиума Е.С. Кузьмин. «Было, не было, главное, что он закончился, — под смехи из зала, обернувшись к президиуму, завершил дискуссию А.В. Петровский.

Кстати, именно после этого конгресса социальная психология получила полноценный официальный научный статус в СССР и приобрела организационную поддержку — были сформированы соответствующие кафедры в ленинградском и московском университетах.

Существует мнение, что укрепление позиции психологии, в том числе и социальной, в перестроечный и в постперестроечный периоды привело к падению престижа педагогики. Так это и есть, если речь идет об учебно-дисциплинарной модели образования, о педагогике императивов, менторской, демонстративной, построенной на тактике диктата и гиперопеки, а не на сотрудничестве и партнерстве. Что же касается живой педагогики, педагогики личностноориентированной и личностноразвивающей, то еще до всякой перестройки она была в суще-

ственной мере психологизированной. Достаточно вспомнить хотя бы В.А. Сухомлинского. С наступлением перестройки, когда оказалось пробитой, качественно нарушенной идеологическая броня советской педагогической мысли и практики, содержательно гуманистическая психология реально проникла в сонную тишь педагогического заповедника памятников востребованных властью модели должностования.

Справедливости ради нельзя не констатировать — и в 70-е, и в начале 80-х годов, как это теперь обозначается, в эпоху «застоя», далеко не все педагоги «играли по правилам», жестко придерживаясь направляющих требований власти, бесприкословно следуя линии партии во имя идеологической «чистоты» советской педагогической мысли даже в ущерб существующей реальности. О.А. Газман, А.В. Мудрик, Л.И. Новикова — вот далеко не полный список тех отечественных ученых-педагогов, чьи труды, написанные в те годы, и сейчас не потеряли своей актуальности и научной эвристичности. Конечно, что касается педагогов-практиков, то в эпоху «застоя» им приходилось еще сложнее, чем педагогам-исследователям, хотя и последние творили с оглядкой на внешнюю и внутреннюю цензуру.

Известна такая история. В 70-е годы прошлого века, по-моему, то ли в Томске, то ли в Омске проходила региональная конференция по проблемам образования в Сибири. По ее итогам был издан сборник докладов и тезисов выступлений участников, среди которых оказался и материал под названием «Развитие начального образования при Колчаке». Понятно, что в тексте однозначно подчеркивалось: при Колчаке на подвластной ему территории образование безна-

дежно хирело, попросту «загибалось». Но в названии материала было слово «развитие». Этого оказалось достаточно для того, чтобы ответственного редактора сборника сняли с должности и исключили из партии.

Еще один случай, правда, касался он физиологии. Всем нам, жившим в Советском Союзе, известна «Большая советская энциклопедия», изданная в середине XX века. Во многих домах и сегодня можно увидеть на полках стройные ряды объемных синих томов. Еще в 80-е годы мне довелось работать с некоторыми архивными фондами АПН СССР, и в руки мне попали тексты ряда статей из этой энциклопедии. Дело в том, что президент еще АПН РСФСР, будучи членом редколлегии этого издания, лично просматривал и в меру своих сил редактировал те статьи, которые касались педагогики, психологии и физиологии. Уже не помню, почему меня заинтересовал текст статьи «Мозг». В машинописном тексте была, в частности, прописана фраза, согласно которой утверждалось, что в мозге существуют специализированные центры и были указаны центр Вернике и центр Брока. На полях же чернилами была сделана запись (по-видимому, президентом АПН РСФСР): «Центр может быть только один!». При этом центр Вернике, наверное, потому что по алфавиту он шел вторым, был теми же чернилами вычеркнут. Так и вышла энциклопедическая статья о мозге, имеющем один центр — центр Брока... Зато в идеологическом плане не подкопаешься.

Как я уже упоминал выше, конечно же, особенно сложно приходилось педагогам-практикам, которые в те времена оказывались не только под давлением глобального государственного идеологи-

ческого гнета, но и под неусыпным контролем конкретных чиновников от образования, которые стремились быть, что называется, «святей Папы Римского», придираясь к любым мелочам и больше всего опасаясь «чего-то не доглядеть». В этих условиях реальными педагогами-новаторами могли быть лишь лично мощные фигуры, амбициозные и талантливые организаторы, способные, по-умному противостоя административному давлению, добиваться поставленной цели и благодаря однозначно успешному организационно-педагогическому результату не позволять чиновникам-ретроградом и чиновникам-перестраховщикам «задушить» дело на корню. Понятно, что проведение в жизнь подобной линии поведения требовало в условиях тоталитарного государства незаурядной гибкости, интеллектуальной изощренности и при этом глубочайшего понимания тех порой скрытых механизмов, которые могли бы быть использованы для достижения поставленной цели.

Вспоминается удивительный случай, который произошел в 80-е годы. Директор одного из крупнейших академических московских исторических научно-исследовательских институтов, академик АН СССР был человеком жестким, преданным системе, авторитарным настолько, что эта черта была «выдающейся» даже в ситуации советского «застоя». Атмосфера в институте была гнетущей, затхлой, исследования, осуществляемые здесь, ни на миллиметр не отклонялись от генеральной линии партии, любые попытки хоть сколько-нибудь оживить историческую картину мира безжалостно пресекались и объявлялись происками диссидентской мысли. Дело дошло до того, что достаточно

разношерстное сообщество институтских научных сотрудников, административных работников и партийных функционеров объединилось против своего директора, который в то время был в большом фаворе у членов Президиума АН СССР. В едином порыве весь институт мечтал о смене директора. Но как это сделать? Говорят, что по-своему гениальная идея пришла в голову секретарю парторганизации. Использовал он непонятно как выжившую еще с досталинских времен демократическую форму выборов в представительские партийные органы — в партком института члены избирались тайным голосованием на общем партийном собрании. Было специально организовано так, что директора института не выбрали в партком. В то же время по положению директор института должен был присутствовать на закрытых заседаниях парткома с тем, чтобы, что называется, держать руку на пульсе жизни института. В связи с тем, что на выборах директора «прокатили», его кандидатуру АН СССР не удалось согласовать с райкомом партии. Директора в результате столь хитроумно задуманной комбинации не утвердили в должности.

Весной 1981 года, в апреле мне, что называется, нежданно-негаданно несказанно повезло. А.В. Петровский по приглашению ЦК Компартии Таджикистана собрался ехать в Душанбе на какое-то совещание по проблемам образования в республиках Средней Азии и с инспекционной проверкой в душанбинский пединститут и предложил мне поехать вместе с ним, но не просто как сопровождающего, а именно по делу. В то время я работал над своей кандидатской диссертацией, посвященной анализу особенно-

стей внутригруппового структурирования в сообществах несовершеннолетних правонарушителей, находящихся в условиях принудительной изоляции. Как раз наступил момент, когда следовало бы начать собственно эмпирическое исследование, а тут подвернулась такая оказия — командировка в Душанбе. В те годы в столице Таджикистана существовала Первая Республиканская спецшкола для трудновоспитуемых детей и подростков.

Такие учебно-воспитательные спецучреждения существуют и сейчас, и содержатся в этих режимных закрытых заведениях те дети и подростки, которых либо решением суда, либо решением специальных комиссий отправляют на перевоспитание не в колонию для несовершеннолетних правонарушителей, а в спецшколу или в спецПТУ, так как либо проступок не «тянет» по своей тяжести на судимость, либо провинившийся попросту еще не достиг возраста уголовной ответственности.

Директором душанбинской спецшколы в те годы был замечательный, по-настоящему умный и добрый человек, профессиональный педагог-практик Ахмед Хасанович Кучкаров, а ее изначальным организатором, первым директором, научным консультантом и духовным руководителем — сегодняшний вице-президент РАО, доктор психологических наук Д.И. Фельдштейн. Именно он, будучи еще совсем молодым педагогом, проявив поистине новаторский талант, смог создать не в Москве, не в Ленинграде, а, если так можно выразиться, в самой что ни на есть научно-педагогической провинции — в Таджикистане — уникальное образовательное учреждение, спецшколу, воспитательная система в которой была

отлажена таким образом, что и сегодня, в эпоху неумемного новаторства тогдашняя режимная спецшкола для трудновоспитуемых могла бы служить показательной научно-практической лабораторией формирования развивающейся личности.

Как я уже упоминал, в 1981 году, когда я оказался в Душанбе, спецшколой руководил А.Х. Кучкаров, но о первом директоре в спецшколе не просто помнили, его программа неукоснительно воспроизводилась на практике, хотя Д.И. Фельдштейн был уже в Москве.

Слава о Первой Республиканской спецшколе гремела по всему Таджикистану. Помнится, что уже в первые же дни своего пребывания в Душанбе я стал свидетелем такой сцены. Рано утром приехав в спецшколу, я направился к кабинету директора. Секретаря не было на месте и я беспрепятственно прошел во владения Кучкарова. В небольшом помещении, стены которого были практически полностью завешаны фотографиями воспитанников, грамотами, вымпелами и дипломами, находились двое — А.Х. Кучкаров сидел за своим столом, а над ним практически нависал широкоплечий статный полковник в пограничной форме. Ахмед Хасанович попытался представить нас друг другу, но пограничник (как потом оказалось, это был начальник Душанбинского пограничного отряда) его не слушал, будучи крайне возбужден. «Ахмед Хасанович, дорогой, пойми же меня правильно! У меня пять дочерей и всего один сын. Неужели я не заслужил того, чтобы мой мальчик, мой наследник учился в лучшей школе своего родного города? Неужели не заслужил?». Ахмед Хасанович как-то по-театральному всплеснул руками и, по-видимому, уже в который раз попытался до-

нести свои объяснения до собеседника: «Гафар, дорогой, не могу я по своему желанию зачислять в спецшколу. Только по решению суда или комиссии по делам несовершеннолетних. Пойми, он, чтобы стать воспитанником, должен преступление совершить!». «А если я с милицией договорюсь?». Это было последнее, что я услышал от бравого полковника, по-английски, не прощаясь выходя из кабинета. В этот же день, несколько позже Кучкаров рассказал мне о том, что подобных высокопоставленных просителей у него за месяц бывает по несколько человек.

За свою профессиональную жизнь я побывал в командировках во многих колониях, спецшколах и спецПТУ для несовершеннолетних правонарушителей, но никогда больше не сталкивался с ситуацией, когда благополучные и искренне заинтересованные в судьбе своего чада родители стремились устроить его в закрытое режимное спецучреждение, как будто оно было элитным колледжем или лицеем.

Еще при Д.И. Фельдштейне в спецшколе из воспитанников был создан сводный оркестр, во времена А.Х. Кучкарова бравший призы на городских и республиканских конкурсах. Более того, и это было немыслимо для закрытого режимного учреждения — по договоренности администрации школы, милиции и руководства Душанбе в ярких, расшитых гусарских костюмах музыканты-воспитанники каждый городской праздник гордо вышагивали в авангарде колонны демонстрантов по центральным улицам столицы Таджикской ССР. Представить себе трудно, чем это было для полусотни подростков из неблагополучных семей, недавних воришек, обо-

рвышей и бродяжек. Я неоднократно присутствовал на репетициях оркестра — энтузиазм мальчишек, стремление получить похвалу и поддержку со стороны Кучкарова, который и сам был одаренным музыкантом, были необычайны. Понятно, что и неформальный статус в спецшколе у оркестрантов был неизменно высоким, базируясь при этом на откровенно просоциальной активности, а не на «криминальном таланте», что, как правило, господствует в рядовых колониях, спецшколах и спецПТУ для несовершеннолетних правонарушителей.

Вообще в Душанбе престиж Первой Республиканской спецшколы был крайне высок и при этом более, чем оправдан. Достаточно упомянуть, что воспитанники многократно побеждали на художественных, литературных и исторических конкурсах, часто прямо целыми классами в расконвоированном варианте участвовали в «призовых» экскурсиях в Москву, Ленинград, в Крым, в Прибалтику.

Помимо этого, и в Центральном городском дворце культуры, и на территории самой спецшколы регулярно проводились балы и маскарады, на которых в качестве хозяев вечера воспитанники гостеприимно принимали учениц столичного хореографического и художественного училища, которые поощрялись пригласительными билетами на подобное мероприятие за особые успехи в учебе и поведении.

Но главным, решающим достижением руководства Первой Республиканской спецшколы для трудновоспитуемых детей и подростков была удивительная психологическая атмосфера в ней, реальное единение воспитателей и воспитанников, восприятие, режимного учреждения, по сути дела, тюремного типа

в качестве своего полноценного дома, а всех проживающих здесь как не просто близких, а поистине родных людей. Безусловно, в определенной степени подобное положение дел сложилось и в связи с тем, что у большинства воспитанников за стенами спецшколы домашний очаг был в лучшем случае полуразрушен, а настоящей семьи не было и во все. Но подобные обстоятельства, как правило, характеризуют социальную ситуацию развития воспитанников и других колоний и спецшкол для несовершеннолетних правонарушителей. Уникальной, по-настоящему коллективной жизни в Первой Республиканской спецшколе удалось добиться благодаря последовательным и искренним усилиям сначала Д.И. Фельдштейна, а затем А.Х. Кучкарова и всего воспитательского коллектива, той личностноориентированной и личностноразвивающей системы воспитания, которая базировалась, прежде всего, на педагогике искренней любви и подлинного сотрудничества и которая принципиально схожа с подходами В.А. Сухомлинского и Я. Корчака. Несомненно, здесь, в формате воспоминаний не имеет смысла излагать основные позиции этих подходов.

Приведу в качестве иллюстрации справедливости высказанной мысли лишь пару конкретных примеров из организации жизни спецшколы, которые, на первый взгляд, могут показаться подчеркнута частными и потому незначительными. Но, как показывает жизненная практика, именно в будничных мелочах, как ни в чем другом, проявляется подлинная суть явления.

Напротив основного здания спецшколы, через плац, на котором проходили утренние и вечерние построения вос-

питанников, располагалась столовая. В первый же день моего пребывания здесь меня пригласили на обед. Здание столовой было разделено на два зала: один побольше — для воспитанников, а меньший — для воспитателей. Помимо того, что я был удивлен тем меню, которое предлагалось несовершеннолетним правонарушителям — кроме целой горы зелени и овощей на каждом столе на выбор два вида супа, три вторых блюда, компот или сок — я был попросту потрясен двумя обстоятельствами, которые бы привели в полное недоумение любого, кто хоть когда-нибудь побывал в режимных спецучреждениях для несовершеннолетних правонарушителей. Во-первых, между залом воспитанников и залом воспитателей вместо глухой стены, которая во всех известных мне колониях и спецшколах неизменно разделяла эти две столовые, было прозрачное стекло. И во-вторых, меню воспитанников и воспитателей были идентичны. Казалось бы, мелочь, но подобный наглядный паритет, как ни парадоксально, в подобного рода учреждениях как раз и задает всем понятное основание единения, целостности, а возможно, и человеческой близости, если не родственности.

И еще один показательный эпизод из жизни спецшколы. Несмотря на откровенно благожелательную систему отношений в ней, случалось, что, не справляясь со сложностями адаптационного этапа, некоторые новички не выдерживали самого факта закрытости учреждения и пускались «в бега». В известных мне колониях, спецшколах и спецПТУ реакция администрации в этих случаях была однозначной (кстати, именно такая реакция и предусмотрена инструктивными документами) — обращение в правоо-

хранительные органы, которые и должны найти и препроводить обратно в спецучреждение беглеца. В Первой же Республиканской спецшколе я дважды наблюдал принципиально иную ситуацию. Весь состав воспитанников и воспитателей выстраивался на плацу, А.Х. Кучкаров и его заместитель по режиму подробно, с учетом индивидуальной конкретики информировали и воспитанников, и воспитателей о фактах из личного дела беглеца, а далее происходило совершенно немислимое. Двойные ворота спецшколы раздвигались и, разбившись на заранее сформированные группы, воспитатели и воспитанники уходили в город. Как правило, поиски сбежавшего новичка продолжались не более трех-четырёх часов, после чего все группы возвращались в спецшколу. Надо сказать, что поиски проходили в едином порыве и обусловлено это было полной убежденностью всех их участников в том, что дело идет о чести их спецшколы, а значит, о чести их большой семьи и каждого из них лично.

Еще одним немаловажным достижением руководства спецшколы было то, что в среде воспитанников попросту не было никаких проявлений национализма и межнациональной розни, хотя состав подростков был, что называется, поистине интернациональным — таджики, узбеки, русские, украинцы, евреи, курды и т.д., и т.п. Кстати, такое же этнообразное отличие и педколлектив спецшколы.

За время моего пребывания в спецшколе случилось чрезвычайное происшествие, и то, каким образом А.Х. Кучкаров разрешил возникшую проблему, на мой взгляд, представляет собой наглядную иллюстрацию того, насколько

серьезно руководство школы относилось к, что называется, «национальному вопросу», а также еще раз демонстрирует целостность и единство учебно-воспитательного коллектива. Не помню уже, как это выяснилось, но стало известно, что один из воспитателей в своих высказываниях оскорбительно отзывался о ряде воспитанников, указывая на их национальную принадлежность. На вечерней проверке, когда весь состав спецшколы построился на плацу, А.Х. Кучкаров, стоя перед шеренгами ребят и воспитателей, для многих неожиданно жестким, несвойственным ему чеканным голосом объявил: «У нас в школе произошло преступление. Воспитатель такой-то оскорбил воспитанников. Подобное поведение не согласуется со статусом воспитателя нашей школы!». Кучкаров вернулся к названному воспитателю и по фамилии вызвал его из строя. «Открыть ворота, — скомандовал он охране. — Вон из школы и из нашей жизни!». Воспитатель понуро поплелся к воротам. Надо сказать, что никаких возгласов радости со стороны воспитанников не последовало, они явно переживали ситуацию как позорную для их спецшколы-дома.

Принципиально важным в данном случае является тот факт, что в Первой Республиканской спецшколе воспитатели обладали, прежде всего, авторитетом личности, а не только авторитетом роли, то есть воспитанники подчинялись власти авторитета, а не авторитету власти. Вспоминается фильм «Большая перемена», в котором одна из учительниц, реагируя на вступление ученицы в дискуссию с педагогом, категорично заявляет: «С учителем не надо спорить, учитель всегда прав». Совсем по-иному прозвучало бы это в Первой Республиканской

спецшколе — «Учитель прав, если он прав». Следует отметить, что в те времена, несмотря на декларируемый государством интернационализм, в целом в Таджикистане межнациональные отношения были не столь идиллическими. Помимо определенных трений между таджиками и узбеками, «титульное» население республики не всегда однозначно относилось к русским, да и между «своими» было некоторое противостояние — памирские таджики недолюбливали кулябских, а кулябские отвечали тем же памирским.

Приведу лишь один пример. На время моей командировки А.Х. Кучкаров выделил мне старый школьный «москвич» с водителем Костей. Однажды мы ехали по одной из центральных улиц Душанбе и Костя, выступая по совместительству в роли моего гида, на секунду отвлекся от дороги, нахваливая какую-то достопримечательность своего любимого города. Наш старый «москвичок» несильно, но все же въехал в задний бампер едущего впереди автомобиля. Как назло, буквально в десяти шагах от нас оказался гаишник. Водитель машины, в которую мы врезались вышел из нее. «Конец нам, — вслух ужаснулся я, разглядев, что и шофер, и гаишник были таджиками. «Не бойсь, ничего нам не будет, — на удивление спокойно ответил Костя. — Видишь, гаишник — кулябский таджик, а шофер — памирский». Происходящее далее повергло меня в изумление. Гаишник подошел к нашему «москвичу», козырнул Косте и сказал: «Если у вас нет претензий, то проезжайте. Вы не виноваты, он слишком резко затормозил». Уже в заднее стекло я наблюдал, как памирский таджик давал взятку таджику кулябскому. «Костя! Но почему?».

Это единственно, что я смог сформулировать по поводу увиденного. Ничуть не удивленный произошедшим Костя нравоучительно, как непонятливому ребенку, объяснил мне, что мы, русские, для местных в принципе «за порогом различения». «Ну, не будешь же ты штрафовать нарушившего правила медведя, который едет на мотоцикле, — аргументировал он — А вот у кулябских таджиков к памирским свои счеты. Как у человека к человеку».

Этот случай я описал здесь для того, чтобы еще раз подчеркнуть — отсутствие национальной розни в Первой Республиканской спецшколе не являлось результатом естественного течения событий, а было прямым следствием личного влияния воспитательского коллектива этого учреждения, который, прежде всего, на своем собственном примере демонстрировал мальчишкам, что никак не определенная национальная принадлежность делает человека человеком, а его персональные достоинства и личные заслуги.

В завершение короткого рассказа о Первой Республиканской спецшколе г. Душанбе как примере эффективной психолого-педагогической работы даже с таким сложным контингентом, как несовершеннолетние правонарушители, следует констатировать, что речь идет о по-своему уникальном учебно-воспитательном учреждении. В то же время это ни в коей мере не означает, что оно является единственным образовательным заведением где была успешно и полноценно реализована новаторская система воспитания, построенная на базовых принципах подлинно гуманистической педагогики.

В те же 80-е годы мне посчастливилось побывать в командировке в школе-

интернате «Центр личностного формирования», расположенном в станице Азовская Краснодарского края. Директором и научным руководителем Центра являлся ныне академик РАО, признанный педагог-новатор, автор замечательного педагогического бестселлера «Объять необъятное» Михаил Петрович Щетинин. Удивительно, но, несмотря на то, что и в личностном, и в профессиональном плане академики Д.И. Фельдштейн и М.П. Щетинин практически ни в чем не похожи друг на друга, созданные ими учебно-воспитательные учреждения имели целый ряд принципиально схожих характеристик, прежде всего, организационно-психолого-педагогического плана — полидеятельность, при которой неудачи в одной сфере групповой активности могут быть компенсированы успехами в другой; разветвленная система самоуправления, в рамках которой недопустимой является ситуация резонирования официальной должности и неформального статуса; организация разновозрастных ученических групп, обеспечивающих периодическую необходимость высокостатусным воспитанникам доказывать свое право на лидерскую позицию в детско-подростковом сообществе; распространение единых законов общежития и на педколлектив, и на коллектив воспитанников; ориентация на подлинное сотрудничество на фоне отказа от тактик диктата, опеки и невмешательства; последовательное изживание любых националистических проявлений в среде воспитанников; максимально возможное привлечение выпускников к воспитательному процессу и т.д., и т.п.

Нельзя не отметить еще один немаловажный момент, оценивая причины воспитательного успеха этих двух столь не-

похожих и в то же время содержательно родственных учебно-воспитательных учреждений. В них обоим определяющую, по сути дела, решающе «заглавную» роль сыграло то, что в каждом из двух рассматриваемых случаев баланс педагогической и психологической составляющих был различен. Достаточно принять во внимание, что Д.И. Фельдштейн выступал в роли педагогизированного психолога, а М.П. Щетинин — в роли психологизированного педагога. В то же время подобное различие лишь подтверждает справедливость общей закономерности:

по-настоящему эффективными и воспитание, и перевоспитание возможны при условии объединения психологических и педагогических усилий — только тогда, когда между пониманием того, «что есть на самом деле», и того, «как должно быть», может быть выстроен научно обоснованный и практически созданный психолого-педагогический «мостик».

М.Ю. Кондратьев,

доктор психологических наук,
профессор,
член-корреспондент РАО

Psychology and Pedagogy: Mismatching of Tasks and a Case of a Fruitful Union in Soviet Education Practice

M.YU. KONDRATYEV,

Doctor in Psychology, professor, corresponding member of the Russian Academy of Education, professor at the Moscow State University of Psychology and Education

Years will pass and historians of Russian psychology will be considering the end of the 20th century as a truly crucial period in its development. It was then, when the crisis in the Soviet ideology became so evident, that psychology in the USSR eventually acquired the status of an independent science and was at last released from the humiliating role of the 'step child' of pedagogy.

**СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ
АННЫ МИХАЙЛОВНЫ ПРИХОЖАН
6 сентября 1946 — 20 мая 2015**

Не стало Анны Михайловны Прихожан — известного ученого, замечательного преподавателя, человека редчайших человеческих достоинств, уважаемого и любимого многими, многими ее коллегами, учениками, друзьями, родными, близкими.

Анна Михайловна родилась и выросла в Москве. Ее детство прошло на Большом Каретном, где рядом с домом она и училась в знаменитой «школе на Цветном», имевшей в те годы номер 30. Любимым учителем был преподаватель русского и литературы, замеча-

тельный человек и педагог Петр Семенович Пустовалов, что и определило во многом выбор вуза — Московского государственного педагогического института имени В.И. Ленина, факультет русского языка и литературы. Однако, закончив его в 1968 году, Анна Михайловна пришла работать в НИИ общей и педагогической психологии АПН СССР (ныне Психологический институт РАО), пройдя в нем путь от лаборантки до ведущего научного сотрудника. В декабре 2003 года Анна Михайловна перешла в Институт психологии имени Л.С. Выготского Российского государственного гуманитарного университета, где и работала до последнего дня своей жизни в должности профессора. Она всей душой полюбила преподавательскую деятельность, уделяла ей много времени и сил, отдав таким образом дань той профессии, которую выбрала и которой выучилась в юности. Но до самого последнего времени не прерывала ни научных исследований, ни своих профессиональных и человеческих связей с той лабораторией Психологического института, в которой когда-то началась ее профессиональная жизнь.

Первые научные исследования Анна Михайловна провела под руководством Лидии Ильиничны Божович в возглавляемой ею лаборатории психологии личности (в разные годы эта лаборатория имела разные названия, но неизменным оставался предмет исследования — личность и ее развитие). В 1977 году А.М. Прихожан защитила кандидатскую диссертацию на тему «Анализ причин тревожности в общении со сверстниками у подростков». Проблема тревожности и — шире —

эмоциональной сферы личности осталась центральной и в ее последующих научных исследованиях. В 1996 году она успешно защитила докторскую диссертацию на тему «Психологическая природа и возрастная динамика тревожности (личностный аспект)». Этим вопросам посвящены и такие монографии А.М. Прихожан, как «Тревожность у детей и подростков: психологическая природа и возрастная динамика» (2000), «Методы изучения тревожности» (2000), «Психология тревожности. Дошкольный и младший школьный возраст» (2007), «Психология неудачника. Тренинг уверенности в себе» (2000, 2001, 2009).

Когда руководителем лаборатории стала Ирина Владимировна Дубровина, А.М. Прихожан активно включилась в разработку проблем, связанных с детской практической психологией и школьной психологической службой. Трудно переоценить ее вклад в дело создания в нашей стране психологической службы образования. Именно за эти разработки А.М. Прихожан была удостоена премии Президента РФ в области образования (1997) и премии Правительства РФ в области образования (2006).

Не менее важными были работы А.М. Прихожан в области изучения психологии сиротства и психической депривации. В соавторстве с Н.Н. Толстых ею были опубликованы такие широко известные книги, как «Ребенок без семьи» (1990), «Психология сиротства» (2005, 2007), целый ряд статей в различных изданиях, а также (в соавторстве с А.В. Махначем и Н.Н. Толстых) практическое руковод-

ство «Психологическая диагностика кандидатов в замещающие родители» (2013), К сожалению, А.М. Прихожан не дожила до выхода в свет фундаментальной коллективной монографии «Проблема сиротства в современной России: Психологический аспект» (2015), одним из авторов и редакторов которой является.

А.М. Прихожан в течении многих лет сотрудничала с факультетом социальной психологии МГППУ. Ее связывали тесные дружеские и профессиональные связи с М.Ю. Кондратьевым, что, в частности, выразилось в том, что ею впервые был разработан курс лекций по возрастной социальной психологии, которые она читала на факультете социальной психологии, она стала одним из авторов учебника «Антология социальной психологии возраста» под редакцией М.Ю. Кондратьева (2010).

А.М. Прихожан опубликовано около 300 научных, научно-популярных, научно-методических трудов: статей, брошюр, пособий, учебников, книг. Помимо отмеченных выше упомянем учебники, в подготовке которых А.М. Прихожан участвовала как автор отдельных глав и разделов. Часть из этих учебников адресована студентам: «Практическая психология образования» (1997, 1998, 2004, 2007, 2009), «Социальная психология развития» (2014), «Психология» (1999, 2013, 2015) и др. Другая часть представлена серией учебников по психологии для школьников — учащихся 3–11 классов.

А.М. Прихожан была научным руководителем 14 кандидатских диссертаций, но количество кандидатов и докторов наук, которым она помогла получить эти степени, намного больше.

А.М. Прихожан была членом экспертного совета РГНФ, экспертом РНФ, заместителем председателя диссертационного совета РГГУ, членом диссертационных советов факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова и Психологического института РАО.

Заслуги А.М. Прихожан получили официальное признание. Она получила ученое звание профессора, награждена медалью «В память 850-летия МОСКВЫ», являлась лауреатом премии Президента РФ и премии Правительства РФ в области образования, ветераном труда.

Анна Михайловна Прихожан была не только первоклассным профессионалом в своей области, непререкаемым авторитетом, эрудированным, умным, глубоким исследователем и практиком, блестящим преподавателем, которого студенты буквально боготворили. Она была человеком высочайшей человеческой пробы, человеком, сочетавшим в себе редко соседствующие достоинства: бесконечную доброту и готовность помочь любому человеку — с принципиальностью и определенностью своих жизненных принципов; способность к сочувствию и сопереживанию, отзывчивость — с трезвой объективностью, знанием цены человеку или поступку; широчайшую гуманитарную эрудированность — с жестким сциентистским подходом в решении научных проблем; мягкость и нежность — с невероятным личным мужеством; скромность — с самоуважением. И еще юмор, самоирония, щедрость, верность, великодушие — наверное, самое главное.

Уход из жизни А.М. Прихожан — огромная потеря для психологической науки. Анна Михайловна, Аня навсегда

останется в памяти тех, кто имел счастье с ней работать, дружить, общаться, даже просто разговаривать. Для всех этих людей с ее уходом мир стал беднее и страшней.

Как писал любимый ею Булат Окуджава:

*Не всё ль равно, что нас сведет в
могилу — пуля или*

простуда?

*Там, верно, очень хорошо: ведь нет
дурных вестей*

оттуда.

*Я жалоб не слышал от них, никто
не пожелал*

вернуться.

*Они молчат, они в пути. А плачут
те, что остаются.*

Члены редколлегии журнала

НАШИ АВТОРЫ

Авдулова Татьяна Павловна — кандидат психологических наук, доцент Московского педагогического государственного университета, Москва, Россия,
avdulova@bk.ru

Баканов Арсений Сергеевич — кандидат технических наук, научный сотрудник Института психологии РАН, Москва, Россия,
arsb2000@pochta.ru

Виноградова Ксения Николаевна — студентка бакалавриата «Психология и науки о языке» Университетского Колледжа Лондона, Университет Лондона, Великобритания,
k.vinogradova.12@ucl.ac.uk

Вонг Алан Дэвид — PhD, Университет Конкордии, Монреаль, Канада
edward.lee@concordia.ca

Григорьев Дмитрий Сергеевич — стажер-исследователь международной научной учебной лаборатории социокультурных исследований Экспертного института НИУ ВШЭ, Москва, Россия,
dgrigoryev@hse.ru

Зеленова Марина Евгеньевна — кандидат психологических наук, научный сотрудник Института психологии РАН, Москва, Россия,
zelenmar@rambler.ru

Ильин Валерий Александрович — доктор психологических наук, профессор, профессор факультета психологии Российского государственного социального университета, г. Москва, Россия,
Va0405@mail.ru

Колпакова Анна Сергеевна — аспирантка кафедры психологии человека Государственного педагогического университета имени А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия,
anya.oiya@mail.ru

Комова Екатерина Дмитриевна — магистр психологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Пермь, Россия,
Ekat.kotova@mail.ru

Кондратьев Михаил Дмитриевич — аспирант кафедры социальной психологии развития ГБОУ ВПО МГППУ, Москва, Россия,
mdkondr@gmail.com

Кондратьев Михаил Юрьевич — доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО, профессор ГБОУ ВПО МГППУ, Москва, Россия,
social1977@bk.ru

Лукьянченко Наталья Владимировна — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии труда и инженерной психологии Сибирского государственного технологического университета, Красноярск, Россия,
Luk.nv@mail.ru

Мешкова Наталья Владимировна — кандидат психологических наук, доцент кафедры теоретических основ социальной психологии ГБОУ ВПО МГППУ, Москва, Россия,
nmeshkova@yandex.ru

Мотылева Лера Александровна — директор ГБОУ «Школа № 1106», Москва, Россия,
Mla-72@inbox.ru

Толстых Наталия Николаевна — доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой социальной психологии развития ГБОУ ВПО МГППУ, Москва, Россия,
nmvt@list.ru

Федотова Вера Александровна — магистр психологии, преподаватель департамента менеджмента Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Пермь, Россия,
vera_fedotova11@bk.ru

Харламенкова Наталья Евгеньевна — доктор психологических наук, заведующая лабораторией психологии посттравматического стресса Института психологии РАН, Москва, Россия,
nataly.kharlamenkova@gmail.com

OUR AUTHORS

Tatyana P. Avdulova – PhD in Psychology, associate professor, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia,
avdulova@bk.ru

Arseniy S. Bakanov – PhD in Technical Sciences, research fellow at the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
arsb2000@pochta.ru

Ksenia N. Vinogradova – Student of BSc Psychology and Language Sciences, University College London, University of London, Great Britain,
k.vinogradova.12@ucl.ac.uk

Alan D. Wong – PhD, Concordia University, Montreal, Canada.
edward.lee@concordia.ca

Dmitry S. Grigoryev – Intern researcher, International Scientific-Educational Laboratory for Socio-Cultural Research of the Expert Institute of the National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russia,
dgrigoryev@hse.ru

Marina E. Zelenova – Ph.D in Psychology, research fellow of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Science, Moscow, Russia,
zelenmar@rambler.ru

Valery A. Ilyin – Doctor in Psychology, professor at the Faculty of Psychology, Russian State Social University, Moscow, Russia,
Va0405@mail.ru

Anna S. Kolpakova – PhD student at the Department of Human Psychology, Herzen State Pedagogical University, Saint Petersburg, Russia,
anya.oiya@mail.ru

Ekaterina D. Komova – MA in Psychology, National Research University "Higher School of Economics", Perm, Russia,
Ekat.komova@mail.ru

Mikhail D. Kondratyev – PhD student at the Chair of Social Psychology of Development, Moscow State University of Psychology and Education, Russia,
mdkondr@gmail.com

Mikhail Yu. Kondratyev – Doctor in Psychology, professor, corresponding member of the Russian Academy of Education, professor at the Moscow State University of

Psychology and Education, Moscow, Russia,
social1977@bk.ru

Natalya V. Lukyanchenko – PhD in Psychology, associate professor at the Chair of Engineering Psychology, Siberian State Technological University, Krasnoyarsk, Russia,
Luk.nv@mail.ru

Natalia V. Meshkova – PhD in psychology, associate professor at the Chair of Theoretical Foundations of Social Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia,
nmeshkova@yandex.ru

Lera A. Motyleva – principal at the state school № 1106, Moscow, Russia,
school-107@yandex.ru

Natalia N. Tolstykh – Doctor in Psychology, professor, head of the Chair of Social Psychology of Development, Moscow State University of Psychology and Education, Russia,
nnvt@list.ru

Vera A. Fedotova – MA in Psychology, lecturer at the Department of Management, National Research University "Higher School of Economics", Perm, Russia,
vera_fedotova11@bk.ru

Natalya E. Kharlamenkova – Doctor in Psychology, head of the Laboratory of Psychology of Posttraumatic Stress, Institute of Psychology of the Russia Academy of Sciences, Moscow, Russia,
nataly.kharlamenkova@gmail.com

АДРЕС РЕДАКЦИИ

Бюро в России

127051, г. Москва, Сретенка, д. 29, комн. 207

Тел.: +7(495) 608-16-27

+7(495) 632-95-44

Факс: +7(495) 632-95-44

e-mail: *spas2010@mgppu.ru*

Редакционно-издательский отдел МГППУ

123390, г. Москва, Шелепихинская наб., д. 2А, комн. 409

Тел.: +7(499) 244-07-06 (доб. 233)

e-mail: *k-409rio@list.ru*

Корректор *Р.К. Лопина*

Переводчик *Е. Виноградова*

Компьютерная верстка: *М.А. Баскакова*

EDITORIAL OFFICE ADDRESS:

Russian office:

Sretenka st., 29, office 207

Moscow, Russia, 127051

Phone: +7(495) 608-16-27

+7(495) 632-95-44

fax: +7(495) 632-95-44

e-mail: *spas2010@mgppu.ru*

MSUPE Editorial and publishing department

123390, Moscow, Shelepikhinskaya nab., 2A, office 409

Tel.: +7(499) 244-07-06 (ext. 233)

E-mail: *k-409rio@list.ru*

Technical editor *R.K. Lopina*

Translator *E. Vinogradova*

Maker-up *M.A. Baskakova*